

2 Книжка
Человека . № 11.

ЛАСТОВКА.

Сочиненія
на Малороссійскомъ языку.

Гр. Л. Боровиковскаго, Е. Гребенки, Грицка - Основъ-
яненка, В. Забыны, И. Котляревскаго, Кореницкаго, П.
Кулеша, Мартвицкаго, П. Писаревскаго, А. Чужбинска-
го, Т. Шевченка, С. Шерепери и другихъ.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ,
НИКОТОРЫЯ НАРОДНЫЯ МАЛОРОССІЙСКІЯ
ПѢСНИ, ПОГОВОРКИ, ПОСЛОВИЦЫ, СТИХО-
ТВОРЕНІЯ И СКАЗКИ.

Собралъ Е. Гребенка.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание Книгопродавца Василя Полякова.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено
было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное
число экземпляровъ.

С. Петербургъ. 12 Марта 1840 года.

Цензоръ *П. Корсаковъ*.

Б. СИЧЕНКО

ТАКЪ СОВИ ДО ЗЕМЛЯКИВЪ.

Уже я такъ думаю що нема й на свити кращого мисця якъ Полтавська губернія. Господы Боже міні мылостивий що за губернія! И степы и лисы и сады и байракы и щуки и караси и вышни и черешни и усяки напытки, и волы и добри кони и добри люде, усе е, усего—багацько! А тихъ мовлявъ дивчать та молодыць.... не протывъ почи згадуюочи! о бодай ихъ! доси зъ думки не йдуть. Одну зпysавъ покійничекъ Котляревскій Наталку Пилтавку, та увесъ свитъ звеселывъ; уси и наши и москали и нимци и туркы не нахва-

лютца, спасибо, говорють, хоть хахолю,
а выкинуль штуку знатную! що жъ
бы було, якъ бы всихъ знысать!... Та
годи зъ ними! у мене тава кумедна на-
тура; якъ тильки заговоривъ про див-
чать то и до завтріого не преставъ бы.
А я таки свое: до вику не забуду якъ
я живъ у Полтавскій губернії, недалеко
відъ Пирятини. Може вамъ коли пе-
реездомъ трапляюсь бувать у Пирятині?
городъ пущай: усяки тамъ с кра-
мары и бублейници, с и церковь Божа,
якъ сидѣть, зъ дзвоницю, и пошта с
и поштари ходють, мовъ ти москали зъ
чорними комирами, и письма розда-
ють чесно не розпечатувавши. Гарний
городъ! а краще усего у іому бублики:

ни въ Прилуци, ни въ Лубняхъ, ни въ самому Нижени нема такихъ бублькивъ. Зъ Кієва произкающи купують, да не нахваются. Отъ ишо! ІКиевъ я соби недалеко одь сіого ленського города у сели. Кожий тоби день було що не будь тамъ веселить сердце: ІКденъ було весны якъ бозна чого. Отъ инала Стре-теня и стане подувати генъ видтия зъ запорожья ташленській виттеренъ: сонечко выбравине у гору уже геть приникае, а сиромы волыкы, стоя біля тину знай выгривають свои боки. Не забаромъ синюкъ понявся водою; скрізъ вода! степъ синіє якъ море, а по нему одь сонця якъ жаръ грають іскри. Де неберется у Господа тієи птиці: скрізъ летять гусы, журавли, лебеди, мовъ

яке летуче військо кудись поспишає. Жайворонки щебечуть під небесами, ласточки виуются, бугай гуде у болоті а биля іого знай, разъ у разъ, свистить овчарикъ. Усе живе, усе дыше! Дали трохи просохне, стануть палити степы: Выйде чоловикъ у поле викреше огню, положить іого у соломяний вихоть, розмаха гарненько да й кине на долинку; затрешить кругомъ сухий комышъ и пошло пожарище гулять степомъ!... Геть покотыть и дымъ и поломья, гуля якъ той запорожецъ. А въ夜里, батечки мои! якъ воно горыть хороше прехорошое! кругомъ гоготыть та слемовъ орда підступає, та розыклала огнища — и страшило и весело!... Черезъ тыжденъ и не пизнаєшъ паленого

степу — якъ рута зеленіе. Тильки то тамъ то тамъ сышіє сонъ та жовтіє горищвить — по садамъ цвітуть голубеньки пролиски, и вишеньки и черешиньки и груши и яблуни окунутся пахучимъ биленькимъ цвітомъ; тамъ що ранокъ кус зозуля, цилисенькій день висвистує іволга: *покинь сани визмы визъ*, що вечиръ спива соловейко, а на выгони дивчата затынають веснянки, ажъ округи луна иде.

Такъ тоби легко дыхать, такъ весело.... Прайдешь у хату, шапку обь землю, а самъ мерцій на колина передъ образами молышься и плачешь, плачешь и молышься! За що то Богъ святий такъ любить свое созданіе? Чи достойни жъ мы сіого!...

А якъ настане косовиця, та вийдуть наши хлонци у степъ! Понереду Атаманъ, заломить брыль на бакиръ, шаркне по коси разивъ зо два лонаткою, и пошовъ косыть! за нимъ другій, третій, уси вытягнутся, мовъ, стричка, по степу, идуть мовчкы тилько косы бѣскакоуть, тилько травиця да квіточки лягають передъ ними; у долини недалечко пидпидомка перепельця, а одъ покосивъ таць и пахнє матерникою та чбрецемъ; пидъ ногамы, мовъ розсыпане добре намысто червоніють половици. Ось уже вечоріе; Кашоварь почешывши на выла свытку зыйшовъ на могилу та знай маха щобъ ишли вечерять. Биля куреня уже стоять ваганки повинсиики

галушкой зъ саломъ, або колы въ пистъ то зъ таранею. Прышли хлопци, вынылы по корячку, силы, идять соби галушки настремлюочы на спички. И пишли розказувать—Семенъ каже пидкосывть деркача, Мыкита божиться що накривъ було шапкою на яйцахъ перепельцио, та якось то выскочила, Хтодонть трохи не наступывъ на зайця. Смихъ, реготъ, гудуть якъ ти бджолы! А святый вечиръ сходить на землю, и ничь маты засвичує зирочки на синему неби.

Або у жинва. Жарко о полудни, сонечко зъ горы такъ и обливаете тебе тепломъ, пишовъ бы куды такъ и поти не иссуть. Овечята лежать соби у холодку, волы тожъ полягали биля став-

ка, кони зыбравшись до купы стоять по-
нурывши головы, тильки хвостамы об-
ганиаютъ оводивъ. Шпакы, годи вже
гулять по степу хмарою, силы одпо-
чивать биля рички; такъ и вкрылы
прездоровенну тополю, ажъ гилля чор-
ние; нашо дыке утя сторожка птыця,
да и те забылось соби межъ сътнягъ,
завернуло пидъ крыльце головку тай-
кунле на озерци; кача его вода мовъ
той цурупалокъ. Усе одноочива. Пидешь
соби у садъ, ляжешь доли догорыче-
рева пидъ грушю, и рука тоби лежыть,
и нога лежыть, и голова лежыть, у весь
лежыши, хоть не спышь а очи закры-
ешь. Такъ и умеръ бы лежучы. Тыхо
тихо травыця не шелестыть тилько ко-
лы ни колы задзежчить летячи мымо

тебе роботяща бджола. Создавъ же Господь таку трудящу тварь!.... Лупиешь очима въ гору, а тамъ надъ тобою межъ темныимъ гильямъ якъ золоти капельки висять спили груши; дрыгнешь нехотя ногою, объ дерево; такъ на тебе мовъ той дошъ и брызнутъ груши. Отъ не встаючи полашемъ намацаешь котру била себе тай ѹсы. Та що то за груши пахучи та солодки! якъ визмешь у ротъ такъ и ростаютъ, изъисы ажъ губы злыпаются ажъ у грудяхъ полегшае, таке спиле, та свиже, та гарне! Щобъ я трывчи Нимцемъ ставъ колы отъ тутъ у Петербурси хто й нюхавъ таки груши!...

Уберуть добри люде зъ поля хлибъ. Обтрусяютъ у саду зимныци. Уже уран-

чи той водыця у корыти, де напувають товаръ, зашерхає, по токамъ цилісницькій день лопотатъ ципы. Зовсімъ осенъ! у полі пусто тилько гаври литають; укривають ниву, поклюють чи ии поклюють зернятъ, и полетили дальше, да такъ сумно крячуть. Поїхать бы у степъ розбить тугу. Гей цюцю стриїлка! сюди! давай хлюпче коня. Отъ и винихавъ у степъ на бурому, коњицъ винъ кріпкенький, сиделічко на юму, справне козацьке, біля боку біжуть стриїлка. Ажъ гулькъ підъ перекоты-полемъ зайчыкъ зобгався мовъ рукавичка, ушки прышуливъ, духъ прытанувъ и окомъ не здвине а пыльно дывиться, тутъ такъ у тебе підъ серцемъ и тіохне.... спугнувъ зайця нагайкою....а тю іого! зиркъ,

стрилка зосталась ззаду, обнохуе дурна який-сь кущикъ, а тю іого стрилка! вона сердешна туды сюды, блысь блысь очицямы, якъ уздрила, якъ уляже! и пинила и пинила моя ластивочка!... стріже спренькій степемъ тильки хвостикомъ кывае, а вона за нимъ такъ и уляга, такъ здається отъ-отъ ухопыть— а ты летиши за нею на бурому чи стернія, чи риля, чи толока, ничего не бачишъ, тильки витеръ свистить мимо ушей, ажъ духъ тоби захвачус... то то весело. У село вертаєшся уже повагомъ, а заець мовъ порося годаване телипаеться увязаний у торокахъ (бо небуло зайця щобъ утикъ одъ стрилки) «Глянь глянь кулько! Якій заець! Ходи сюда присько отце кумедія,» балакають у сели

на вульци дивчата — «Та що тоби зайця видънега и лысыця николы невтикає!» каже видвя тай за регочутсья вражидиты. А ты мовъ не дочуваешь, идешъ соби ходою, тильки люлечку потягувешь. А що на души не пытай!... Мовъ тебе комысаромъ выбралы!... Пидъизжашъ до дому а туть исты ажъ за живить бере.... Мерщій убигъ у хату на гайку на колочокъ а самъ за столъ исy соби добрый борщъ зъ уткою, каша пшоняна такъ и розсыпается, печене порося ажъ прысмагло, та ще що не будь; выпьешь съ пивкварты тернивкы а бо що; тай видпочывай добродію. Самъ соби панъ и знать никого не хочеш!

Зимою було якъ доживешъ Роздяныхъ святъ, туть тоби и одна и

друга кутя, тутъ и новый годъ, тутъ и
водохрище! Гуляй душа безъ кунтуша
лыха прыкупывши! мовлялы запорожци!
Ни, я вамъ кажу що нема на свити
крашого мисця якъ Полтавська губернія!
Якъ згадаешь про неи тильки здинешъ
плечима, цмокнешъ, тай замовчишь!...
Отъ же послухайте: Жывъ я тамъ довго,
веселывсь дуже, а скучавъ, чи вы по-
вирите сюму? скучавъ часомъ ище дужче!
Бувало зимою якъ пиднимется заве-
рюха! Батечки мои, свита божого не
видно!... замуруе тоби викна засыпле
снигомъ двери хоть не выходь, та сутокъ
трое, четверо гуля, а дали хоть стихне то
все тоби не лехше: снигъ завалить по
степу уси шляхи, ни выйти, ни выи-
хать, сидыши соби, то спышь то исы—

и нема другои роботы. бо зна якъ обра-
довався бъ колыбъ хто пріихавъ. Та ни,
хиба кому души не треба, або исты ни-
чего, щобъ кинувъ хату. Було загавкають
собакы завалують якъ на вовка — про-
хукасиши окно гляненіе на дверь, ажъ
лизе якась рогожана халабуда, здоровен-
ный коняка насылу тырыть іи по спи-
гу, а въ халабуди москаль сидить;
борода іому забузованна снигомъ, патлы
тожъ, а шия гола; якъ глянуть на іого
собакы — мовъ у котли закиплять. Но-
сить же, подумаешь, человека нечы-
ста сыла, десь у іого своеи хаты не
ма!... Хлонче а зовы лышь сюды мо-
скаля, здается вону купецъ чи що!

Увійде москаль у хату, мотне патла-
мы, перехристится та й пыта: *не завгод-*

но лы тавару. А щожъ тамъ у тебе с? Тутъ винъ тоби й тыче у руки бумагу пысану чисто по московски, такъ що нашъ братъ простый чоловикъ то де чого й не разбере; воны уси на одынъ шталтъ ось якъ воны починаются:

Ръбстъ купца Ивана Иванова.

Узюмъ

Картини разніє

Узори по канве

Апойки хлебавскія

Чай лясинъ-цветочнай

Купарось жълезнай

Андре, ладилаванъ,

Шоточки зубніє

Трупки всякія

Ладиколонъ

Шоточки для зубофъ

Подсвѣшники и шипцы обликъ.
Кники московскія

Та оттакъ цилый листъ зпыше! що
тилько е на свити, усе у юго у діяволо-
вій халабуди е! було читаешь, читаешь,
роздираешь, розбираешь, що тамъ до
чого прыходиться, та якъ дойшовъ до
книги московскія; той гукиешь: а давай
ихъ сюды. Прынесе тоби коробку кын-
жокъ и великихъ и маленькихъ и жов-
тихъ и червонихъ, выбирай яку хочь.
Дасы москалеви рубливъ пять грошей,
миrokъ зо дви овса, та печеного хлиба,
та масла, то меду то ще чого, а соби
оставышь пивъ—десятка книжокъ. При-
шовъ вечиръ, стало скучно, отъ и виз-
мешь книжку, прочытавъ листочекъ, ни

не бере! другій, ще гирше, третій, ажъ у голови закрутиться! таки ничогисинъ-кого не разберешъ. Щось такъ чудне матери іого лыхо! почне зъ одного, при-миромъ одъ воздухивъ одъ планеты, а переведе на шыло або на гвоздокъ; ду-маешь и такъ, и сякъ, и зъ того боку зайдешъ, и зъ другого — шкода! невто-ронасшь ничего! мовъ тоби що небудъ розказуе отъ той цесарецъ, що въ козу-бенци ликарство посыть. Визмешъ другу — тежъ, третю, четверту, пяту — усе тежъ! А здається знаешь московску мову, и изъ крамарямъ изъ щетинны-камы и зъ животинныкамы балакаешь якъ слизъ и торгуеся и гроши розщи-таешь, а дойшло дило до книжки — якъ одризано. Уже було позову Димида,

внѣ чоловикъ грамотный, покльчу и Куня, тай прочытаю имъ листківъ зо два «а що хлонци поняли?» — «ни добрію хотъ бы тоби слово!» — а воны и выросли по ярмаркамъ! — Ничого робить, положишъ на польцю новеньки книжечки, хай полежать поки порозумнишаю — тай станешъ у сто десатый разъ читать Котляревскаго Эпса, або повисти Грыцка Основяненка. и читаешь и сміешся и плачешь.....

Усе отце я згадавъ колысь — здається позавчора — тай задумався. Добре що мене привела доля у столыцю, що й поскучать николы, що незнаєшъ гараздъ колы середа колы п'ятниця, коли свято колы будень, крутишся якъ той медведыкъ у млыни — не самъ винъ кру-

тыться вода юго крутить. Щожъ то ро-
блять землякы отсимы довгими темни-
мы зимнимы вечорамы? Давай зыбью
имъ книжку. Позбиравъ чо було у мене
писано по напому и свое и добрихъ
людей, что спасибо имъ написылалы,
одинсь у друкарню — отъ вамъ и кни-
жка! Чытайте хлонци колы угодобаете—
а ни, якъ зволите, усе таки папиръ у
хозяйстви здастъся, колы часомъ кабаку
завернете або лольку запальте, — и
то доброе.

E. Гребенка.

7 Генваря.

С. Н. Б.

ЧОРНОМОРЕЦЬ.

То не сирый туманъ
Съ Черноморья иидиявъ
Пиднимаются гусы то сиріи;
То не хмару снигивъ
Буйный витеръ навивъ
Пиднимаются лебеди биліи.
Крычать гусы: дель дель...
А за нымы орель
Испускается съ хмара высокой;
«Не тикайте вгори,
Гусы сири мои!
Пидождите орла, мои любіи!
Я не быты лечу,
Роспытасты хочу:
Чы не бачылы ясного сокола?

Чы не стритылы вы.
Богатырь — головы
Съ Чорноморіи доброго молодца?»
«Коло моря убыть
Чорноморець лежить;
Его ручки лежать на тры штученьки,
Его нижки на зглядъ
Краи дороги лежать;
Кризъ реберца — трава пробывается.
Середъ степу того
Нихто къ тилу ёго
Изъ живони души не ласкается:
Тильки ластивки тры,
Зъ-нидъ сидои горы,
Прыгортаются: первая ластивка
Маты ридна рыда;
А другая-сестра;
Третя ластивка — жинка покійного.
Де матуся рыда

Тамъ кровава рика
Протикае до моря глыбокого;
Де ридиенька сестра
То вже ричка пройшла
И просохла, не влывшися до моря;
А де жинка була
И росыци нема
И завъяла трава край покійнаго.

Л. Боровиковскій.

ВИТРЕ БУЙНЫЙ.

Витре буйный, витре буйный
Ты зъ моремъ говорыши,
Збуды его, заграй ты зъ нимъ,
Сытай сине море.
Воно знае де мій мылый,
Бо его посымо;
Воно скаже, сине море,
де его подило.
Колы мылого втоныло,
Розбый сине море,
Иду шукать мицелького
Втоныло свое горе,
Втоныло свою недоленъку
* * * * *
Найду его прыгорнуся

На серци зомлію.
Тогда хвыле несы зъ мыльмъ
Куды витеръ віе!
Колыжъ мыльй на тимъ боци,
Буйнесенъкій знаешь
Де винъ ходыть; що винъ робытъ,
Ты зъ нимъ размовляешъ!
Колы плаче, той я плачу,
Колы ии, спиваю,
Колыжъ сгинувъ чориобривый
Той я погибаю.
Тогда несы мою душу,
Туды де мій мыльй,
Червоною калыною
Постовъ на могыли,
Буде легше въ чужимъ полі
Сыроти лежаты,
Буде надъ нимъ его мыла
Квиткою стояты;

И квіткою й калыною
Цвісты надъ нимъ буду,
Щобъ не пекло чуже сонце,
Не топталы люде.

Я въ вечери посумую
А въ ранци поплачу,
Зайде сонце утру слёзы,
Ніхто й ни побачить!
Витре буйный, витре буйный
Ты зъ моремъ говориши,
Збуды его, за грайти зъ нимъ,
Спытаи сyne море? . . .

T. Шевченко.

ВЫВИДКА.

I.

Въ чистимъ поли
Дви тополи
Иду топольмы крыныченька,
Въ пій холодна волыченька.
Тамъ дивчина
Чорнобрыва
Съ крыныченьки воду браза,
Съ козаченькомъ разговля:
«Козаченьку
Бурлаченъку
Зелененький барвашонъку!
Сватай мене дивчыношку!»
«Дивчыношко,

Рыбчыпопъко!

Ой радъ бы я тебе сватать
Та боюся твого брата.

Ой Галочки,

Коханочки!

Отгуй серце своего брата
Тоди буду тебе сватать.»

«Дежъ отруты

Роздобуты?

Умеръ батько, вмерла маты
Не павчили чаруваты.»

Ой дивчино,

Сыротчино!

Стоять въ поле дви ялыни,
На ялыни дви гадыни.

Влайды Ганио,

Въ поле рано:

Тамъ ялыну соице пече,
А зъ гадыны рона тече:

Прыгни спыну
Пидъ ямыну.

Пидставь, дивко коновочку
Пидъ гадючу головочку.

Братъ твій Марко
На ярмарку:

Навары ты ёму пыва
Щобъ имъ брата отруила.»

Въ недиленьку
Веселеньку

Братъ зъ ярмарку прїезжае
Сестра брата прывитае.

Брату пыва
Выносыла:

«Напыйсь брате, того пыва
Що я вчора наварыла.»

Не пье Марко
Тыи чаркы:

Напыйсь сестро, впередъ сама,

Щобъ не звела мене зъ ума.³

Сестра-змія

Поблизнила:

«Пыла брате, вже я сама

Се для тебе зоставила.»

Братикъ пивця

Якъ напився

За серденько ухватывся

И съ кошыка новалывся

«Яке дыво

Твое пиво

За серденько ухватыло,

Зъ вороного новалило?... .

II.

Въ чистимъ поли

Дви тополи:

Пядь топольмы крыныченька,
Въ пій холодна водыченька.

Тамъ дивчына
Чориобрыва
Съ крыныченьки воду брала,
Съ козаченъкомъ размовляла:
«Козаченьку
Бурзаченьку
Зелененькій барвіноньку!
Сватай мене дивчиноньку!»
«Дивчинонько,
Рыбчинонько.
Твое ныво, ныво — дыво
Брата за сердце схватыло
И схватыло
И звалыло
Съ коныченька вороного.
Струишъ мене молодого!

За науку

Зміє-суко

Теперь иды — хоть за ката

Отруила своего брата!» —

.I. Бородковский.

СЕРДЕЧНА ОКСАНА.

(Любій мої жинці Анні Григорівни Квітка)

Немá на свитиничóго лучшого и Богу мылишого, якъ сердце матери до своихъ диточóкъ! — Скилки бъ ихъ у неи ни було, чы десяткомъ Богъ благословывъ, чы тилки однимъ-одно; для неи ривни, жбдного любыть, усихъ ривно пеструе, за усякимъ ривно вбываетца. Девять здоровеньки край неи, потишають іи, а одно морщытца, кысне, не дуже; вже вона за нимъ вбываетца, тужыть, вже и боитца, що бъ ще дужче

и не запедужало, або щобъ — нехай Богъ
боронить! — що бъ ще и не вмерло! —
Вона ихъ обмывá, обпатрюе, обшывá,
зодягá — и никóлыжъ то не втбмытця,
никóлы не поскуча зъ нымы и усяка
робота на диточóкъ ій не важкá. Колы
зъ дитет ё якé шаливльве, не слухнине,
то батько — якъ батько — грымне на
такого, скубиé, щыпки дастъ, по-пибье;
а маты — якъ маты! Вона почнё ёго
уговорюваты, пестоваты: «Не робы такъ,
сыночку! не ходы туды, голубчыку! Такъ
не гараздъ. Ты мянни досаждаешь. Я
глýдючи на тебе, частíсенько плачу, та
думаю: колыбъ-то винъ зхаменувся, та
покынувъ такé робыты, та слухавъ бы
батькового вчениня, та пожалковáвъ бы
моихъ слизочóкъ; то щé зъ нёго бувъ

бы чоловикъ; ще бъ я дождала на ста-
росты радоваться глядючи на пёго.)

Нехай же теперь усякъ про себѣ
згада — бо хто не бувъ зъ молоду ша-
ловльвый? — видъ чо́го билишь жаль
визъме? Чы видъ батьковыхъ скубокъ,
або хочъ и пужки — чы видъ матери-
ного голубленія? — А ще, якъ яка,
часомъ заплаче? такъ — Господы мы-
лостивый! Уси пакости покышешъ, и
на вечерници зъ мисацъ не навидаеш-
ся, и зробиши за трёхъ. — Шо то
маты! Святе дило! — Господь мылосерд-
ный, якъ є Винъ на небесахъ, такъ за
мисца себе, давъ намъ на земли роды-
теливъ: батько що бъ навчавъ, та до
розуму доводывъ — а що бъ чоловикъ
молодый зъ дуру не затуживъ, та не

збывся зъ панталику, такъ тутъ маты зъ такою любовыно, якъ ё Самъ, Господь, мылосердныи, до нась гришныхъ.

Ось протынь чого я трошки закынувъ про материинське сердце и душу.

Була удова, Векла Ведмedlyха, — и що то жинка на усе село! розумна, розсудльва, Богобоязна и чесногого роду. Було и самъ голова частисинъко до неи за порадою и вона такой совить добрый дасть, що не тилки голова, та и уси старыки таќъ не прыдумаютъ, якъ вона скаже, и усе гараздъ буде по іи. Сама жъ було не ходить до волосты и николы не розпытуе, чого и за чимъ зыбралася громада? ій и нужды мало ни до чого. Прыйди жъ до неи за порадою

объ якимъ хочешь дили, такъ - та́къ!
Вже добрае павчыть. Тажко розумна
була!

Була соби и замо́жненка. Була въ
ней земелька, скотынка, бувъ и витря-
чо́къ, та якъ зосталася удовою, та и по-
раздавала усе: землю на скипичину, ви-
трякъ зъ миркы, та усе чеснымъ, Бого-
боязнымъ людямъ, що бъ не зобиждалы
їи и шобъ у зрокъ знóсылы що треба.
Скотынку попродаля и стала соби зъ
копійки жыты.

Вже іи Охримъ вмеръ, а тутъ ста-
ла ревызія. Отъ, писля Сéмена, пиши-
вона до волости, почувши що громада
зыбралася. Отъ увишедши, вона помо-
лышлась Богу, поклонылась голови, и
усимъ якъ довгъ велить и стала каза-

ты: — «А що, пане голова и вы панове громада! Отъ вже и Семена прійшло, покровы святои швыдко диждемся, а десятины до мене ни разу не заходывъ и не загáдовавъ объ подушнимъ.»

— Та дже твій Охримъ вже вмеръ? казавъ голова.

«И состоять исключениымъ изъ ревизскихъ сказокъ и зъ общественныхъ видомостей.» Пидхопывъ пысарь, мотиувшы патламы и покынувъ пысаты.

— Та знаю що вмеръ — казала Векла — и стоить заключениымъ у видомости, якъ панъ пысарь по письменному каже. Та я такы усе хочу за моего Охрима платиты, ажъ покы жыва буду. Спасыби Богу, мыни ё зъ чого знóсыты и буде веселишь, що я за душу

Охрима, нехай царствуе — буду платыты, та и сама буду бодрытыся, що и я мовъ чоловикъ на свити, туды-жъ за добрими людьмы, зношу цареви и свою копійчыну на війско, що нась оберига. Та и зъ общественного не выпысуйте, нехай и я буду зноситы, почому тамъ зъ души.»

«Та якъ можно — казавъ голова:— що бъ жеиська душа, та и платыла подати?»

— Казуснее дило! — обизвавсь такы пысарь, штрыкаючи себе пальцемъ у лобъ. — Не имѣтца прыміру. Треба надобно изспросить у господына исправника розришенія. —

«Таничогисинъко сёго не треба. — Сказала удова. — Ты такы пане пыса-

рю, и не розришайся и не казыся, а ось що, панове громада, зробить: вы пыннить, лышень, якого калику, або бидного сыроту, а зъ мене справляйте. Нехай такы я не даромъ жытemu на-
свисти.

— Хыба такъ — хыба такъ! Загула громада и зробылы по Веклыниому, и пишла по селу слава, що Векла стоить у ревызін и подушне платыть.—«Такъ и треба — Векла було у водвить каже: — лучше жъ мыни видъ достатку платыты, чымъ зъ сыроты, та зъ бидности требовать. Адже и я у Царя нашего чоловикъ; зможу за людьми зибсыты! Дочку видамъ, прыньмыть буде, за двохъ буду платыты.»

Вже тужъ-тужъ Векла дожыдала зя-

та. Отъ-отъ писля зачатыя, у пыльпивку, почнуть старосты швандяты до неи, бо вже іи дочка, Оксана, якъ диждемо риздвиныхъ мъясныць, то буде ій шиснадцатый годъ. А що то за дивка була? Билявенська, мотбринська, швыдка, прудка, на ричахъ бойка, противъ усякого звычайпенька. Де вона, тамъ зъ неи и реготъ, и смихъ, и играшки и выгадки. Якъ то въ матери не було ни якого хазяйства, а усе жыла зъ копійки, то Оксани ничего и робити було. Чы вчынила хлебця, чы зпекла, мерцій до подругъ: тамъ іи ждуть, дожыдають якъ объ весни ластивки; бо якъ защебече, якъ за балянтрасыть, такъ усімъ весело, хочъ цілій день слухавъ бы іи; а вже розсмишыты, такъ подавай! Колыбъ мерт-

вый чувъ якъ вона баласы точыть, то и той бы разреготався, не то вже жывый, що такъ и лягають, видъ смиху, де вона у беседи. На вулыци, на вечерницахъ, у колядци наша Оксана перѣдъ веде, безъ иен не зналы бъ що и робыты.

Маты було почне іи зопыннати: — Сыды, допю, дома; чого такы бигаешъ? Чомъ не робышъ? Озьмы, лышень, або пряды, або шый,ничо́го ніевміешъ!»

Кынетца було до матери на шино, обнимя іи, цилуе, прымовляты стане: — «Матусенько, риднисенька, рыбочко, голубочко, перепилочко! Не зопынай же мене. Яжъ соби ще молода, не хай же я ногуляю, якъ тая птычка на воли пидъ небесамы литае. Буду згадувати свое дивованья, що я въ

тебе якъ рыбонька у ри́чеччи гуляла,
куды хотила, туды плавала, та тебе дái-
ковала, що ты въ мене матусенька, жá-
листойла, добра, пестувала мене. Отъ-
вже якъ пиду за-мижъ, надину очипокъ,
тогда вже никуды гуляты, тогда вже зо-
пинюся, тогда вже прынъмусь робыты;
рукъ непокладатему и мужыка и дито-
чокъ буду обшываты и тебе мамочко,
що ты въ мене була така добра, жало-
вала мене, пускала услоды гуляты.»

— Колы-то ще буде! — стане старá
казаты:—звыкла бигаты та гуляты, такъ
хто тебе прысадыть за работу. Та чы
вміешь що робыти? Ныткы не выве-
дешъ.... —

«И вже сёго, мамо, не кажы. Я ды-

влячыся якъ ты робынъ, усёго навчылася. Ке, лышени, гребень сюды!»—Заразъ выхопыла у матери гребень и почала прасть—ажъ хурчить верстено, а вона пытку выводыть тонку, та довгу, а туть писеньки весняночки спивá. Стара дывытця, та дывустця.

«А що, мамо, не вмію скаженъ прасть?» та покыне гребинъ, та за рушнику, що мати вышыва ій же на прыдане; и почне таки-жъ цвітки ставити, якъ и мати, и заведе весильныхъ писеникъ. То мати ажъ сплесне руками, и рада бъ то що таке добро росте, и весело бъ то ій зъ нею, и жалкує ін зоставити биля себе, щобъ не сумовала, и боитця ін пустыты, що бъ часомъ.... дивча молоде, щобъ не загубила славы....

Дали, скризь зубы, ще тилки намирытца казаты:—«Та ійды жъ, ійды»... вже та и зхопылась, вже и на шин у матери, вже и выциловала, вже и побигла.... и дверей не зачынила.... вже тилки чуте по вулыци ійде и выснивье.....

Нехай же колы маты хочъ трохы змбріцтыця, шо або недужа чимъ, або ишо таке; вже Оксаны зъ хаты и не выженишь, вже усё забула и вже хочъ у дружкы сама перша прыятелка клыкатеме, не пиде ни за що. Вже видъ матери ии на пъядь; усе ій у вичи дывытыметця, усе пытатеме: «що въ вась, мамо, болыть? Чого вы бажаете? Чы не поклыкаты знахуркы? Чы не розсердыла я вась чимъ, та се вы не кажете, та стогне,

та жалкуете, на мене.» Тамъ уже якъ прыстане, та й видведе видъ матери усяку журбу, усяку тугу, та хочъ бы й справды недужа була, то Оксана ін розвадыть, розговорыть и лыхо забуде.

А хочъ бы яка весела була, та побачить старца, калику, або погорилого, вже вона усе покыне, заразъ до нёго, розпытуе, розспрошуюе, озьме за руку, поведе до себе, нагодуе, обдилить чимъ Богъ пославъ, на дорогу дастъ и вышпровадыть за село; тилки и выдко ін, якъ вона коло бидности въстца, та знай слизонькы утыра. Обдилыла, вышпроводыла, слизонькы втерла, бижыть... вже впять у беседи, вже и верховодить впять якъ була.

От-сежъ тилки що весна настасе, и

сопечко позлы́зуе спигъ дѣ зъ якыхъ горбыкинъ на писку, вже Оксана и зыбрала свою команду: шатнулась, мотнулася зъ кинца въ кинецъ, веде нызку дивчать и прыговорює: «та чого вы будете сыдиты по хатамъ? Богъ дае весну, сопечко прыграва, витерецъ тепленький, годи вамъ по за-ничкамъ тулытыся. Не обрыдла вамъ зима? Не докучыло кыснуты у хаты? Будете стари, тогда ще належытесь по печамъ, нагрымаетесь зъ мужыкамы, налаетесь зъ дитворою. А чимъ будете згадувать свои молодыи лита? А бодай вамъ весело було! (се вже въ неи усимвъ и завсегда така лайка була) А нуте, лышень, побижымо!.... а беритеся; у хрещыка, у ворона, поведемъ кривого танца, коро-

вода, кострубонька, у жоны» Заразъ и испаровала усихъ. Вже уси дивчата гарни, уси прыбани, уси повыряжовані.... та ба! іи знате видъ усихъ. Така баева юпка зъ рукавамы, така и плахотка, и запасочка, и косы такъ убрани, и бачетця й рушикомъ также пидперезана, и усе-усе такъ, и въ иен, якъ на усихъ дивчатахъ.... Эге! та щось усе не такъ. Усе на шїй такъ штепиенько, чепуриненько, общишано, такъ усімъ дивкамъ краса; тилки бъ на иен одну и дывывся.

Тилки почують дивчачий гоминъ на вульци, то й повзуть зъ хатъ и диды и бабы, и жинки, и молодыци повыбигаютъ, та що то: и дитвора уся высыпле зъ хатъ, и уси кажутъ: «а

ходимъ, лышень, на вдвирия, вже Оксана розгулялася.) И посидаютъ удавиць по вулыци на завалынахъ, на колодкахъ и дѣ можно по пидъ тынамы. А парубоцтво-жъ; вырядывшия по своему, шапкы набакыръ, люльки позатягають, та купамы ходуть кругомъ дивчать, та ажъ облизуются дивлячись на Оксану. И воны, и увесь народъ що по вулыци дивытица, одиу іи бачуть, на одиу дивятица, про одиу Оксану говорють....

Отъ и попарувалысь дивчата у хрѣщика; отъ и гробы стали..... да й чбуриулы..... фитъ-фитъ! Не родывся той чоловикъ, хтобъ Оксану піимавъ! Хтобъ гробами ни ставъ, хоть бы зъ парубкивъ, хто прудко бига — и не

какъ щобъ іи уловыты! Хто іи зна! Уси бигають — то пидъ пымы ажъ земля стугоныть, засапаютца, задыхаютца, спотыкаютца, иниша сторчака дастъ такого., що..... тилки друга бижыть швыдче закрываюти іи.... Побижыть же Оксана! такъ на 'удывовыжу! Бижыть, иышаче муха летыть, до земли недоторкаетца, тилки, знай, нижкамы дрибненько перебира, а рученькамы не мота, а тилки — буцимъ и протягне, щобъ-то пиддаться, та тилки що пидпустыть до себе близенько.... дрыбъ — дрыбъ — дрыбъ.... вже тилки й бачивъ. Сама жъ то ии зогиётца, ии згорбытца; якъ струничка!

Набигалысь у хрещыка, выморыла усихъ, давай короводы водыты. Повела

крывого танця, такъ що други дивчата! Ихъ и не выдно за нею. Якъ зирочка вечирня, межъ усими зиркамы; якъ утинка по води плыве, та выхыляєцца, та головкою поводыть, та веселенько на усихъ погляда.... а якъ заведе писеніокъ, знаете, що пры короводахъ треба співаты, такъ якъ та сопилочка, або тыхесенький дзвоныкъ.... Усп прочи співають на увесь ритъ, а вона и губонекъ не роззыва, та іи голосочекъ чуть видъ усихъ, що такъ за сердце и бере..., усебъ іи й слухавъ....

Яково-жъ то було Векли, матери іи, дывытысь на свою доненьку, що, хочъ вона була и іи дытя, и що кожній матери своя дытyna мыла, а тутъ сама бачыть, що іи Оксана краса усemu селу

и що уси люде, зыбрались за тимъ, щобъ подывытись на Оксану и що уси, у водынъ голось, не перестаочы похвалаютъ іи мылу Оксану. Якъ прыйде вже до дому зовсимъ у вечери, тутъ вже маты цилуе-цилуе свою доню, выцилуе іи усю, прыговорюочы: «Ты моя донечко.... ты моя ластивочки.... ты моя краса ты моя слава.... черезъ тебе я й весела, и здорова, и видъ людей у почоти!... Ты мою старисть весельшишь, ты мене на свити держышишь!... и усякими такими прыговоркамы довго-довго пестуе свою дытыну.

А Оксана жъ то й мовчить? — Ну-ну! — Та соби цилуе матери и руки, и щокы, и голову, и соби у водвить: — «Мамочко, голубочки, моя риднисенъка

Та яжъ вся у тебе;.... у мене твоя на-
тура.... А бы бъ ты була здорова, весе-
ла, та не переставала любыты мене,
такъ я земли пидъ собою не чую, мыни
такъ легко, полетила бъ мовъ тая птыч-
ка. Шо ты любышь мене та жалуешь,
видъ того и я така веселенька и ни
объ чимъ не думаю, тилки бъ тоби вго-
дыты, розвеселыты тебе. Тыжъ въ мене
сама матусенька! Нема въ мене ни ба-
тенька, ни братика, ни сестрыци, ты
мыни и сонечко, и мисяцъ, и здоровья-
чко, и щастыячко.... Яжъ знаю, что и
я въ тебе одна, якъ тая порошынка у
воци; то я себе такъ и держу, щобъ ты
веселылася черезъ мене до кинця вику
свого, шо бъ радовалася глядочы на ме-
не и чуючи добру объ мыни славу. —

Матиночко риднисенька ! Не видавай мене за-мижъ . Мужыка треба любыты , а я не хочу никого любыты тишки тебе матусеньку мою , зирочку мою!...

Векла и слуха іи и не на слухаетця !—Дывытця ій у тіи оченьки , що якъ небо сине блестять , дывытця ; любуетця , поцилує ихъ , перехристыть дитя свое , здыхне , підведе свои очи до Бога мылюсердного , подума : кому таке добро достанетця?» зiplакне , та й стане Богу молыться .

Така дивка , якъ наша Оксана , не вже-жъ то не вподобалась парубкамъ ? Не знаю ! Чы бувъ же то хочъ одышъ зъ ныхъ , щобъ не гостривъ зубивъ на неи ? Жоденъ бы заславъ людей до неи по передъ усихъ ; такъ бояльсь-бо гарбу-

зивъ Не одынъ запытався запьматы
їи, такъ, знасте, па женыхивське дило....
такъ куды-жъ ии прыступу! У беседи
зо всима и говорыть, и регочытця, и
пидсміое, и що хочь кажы, буде слу-
хаты. Запытайся жъ заняты іи, або
пхнуты, або ногу пидставыты що бъ
спинтиулась, якъ водытця у парубкивъ,
що залыцаетця до дивкы.... не знаю!
Вона такъ видриже, такъ обсоромыть
усякого, що не знатеме на яку ступыты!

Де яки смилини, такъ ти такъ, па
простець стануть казаты: «Оксано! Я
тебе полюбивъ; щыро, криико полю-
бивъ. Отъ така и така у мене худоба,
от-то и то е. Пидешъ за мене?... Пры-
сылаты людей?»—Вона заразъ у вод-
вить:—«Спасыби тоби, чоловиче добрый,

що ты мене полюбывъ. Мыни весело, якъ мене люблять. А людей не турбуй. Не те, що за тебе ыменио не хочу, я й ии закого не хочу.»

Такъ було и матери скаже, що не хоче за-мижъ, якъ до неи, до старои прыйдуть сами батьки, або матери, що бъ свататы Оксану за сына. Стара Векла було людей розвадыть, почастуе, та зъ тимъ и виднустыть, а сама прыньметця за дивку.

«Скажы ты мыни, сдилай мылюсть, Оксано! Де твій розумъ, де голова? Чомъ такы ты не пидешь ось за сего? Такъ видризала й тому, й тому (тутъ усихъ згада, що сваталы ін) отъ и тутъ тежъ Колыбъ сказаты люде яки — небудъ, а

а тожь люде на усе село. Що ты зъ собою думашь, моя дытыно?

— А те я зъ собою думаю, мамочко, что не хочу за-мижь за мужыка.

«Що се ты здумала, дою? — ажъ зкрыкинула Векла, сплеснувши рукамы.— Чы не здuriла ты? — За кого-жъ ты думашь питы?»

— Охъ, мамочко рицисенъка! Я ѿ сама часто про себѣ думаю, шо, троха, чы не обожеволила я! А вже що хочъ лай мене, хочъ бый, а якъ здумаю ійты за мужыка, такъ мыни и світъ не миль! Ось бачъ що. Якъ и стала я на ногы зхвачуватця и росла, и выросла, то усе, и видъ тебе, и видъ людей чую и сама бачу, шо я хороша та красыва, шо ѹ у сели у насъ такои нема. Та якъ

ще й патура прыдалась у мене така весела, що мене уси люблять, такъ у мене и зароилось у голови: не хочу за мужыка, та й не хочу. Пишовши за мужыка, треба покинуты объ соби думаты, що якъ бы нарядытысь, якъ бы убраться, а пиды лышень на вгородъ, у поле, и дома возысь и зъ дитворою товчысь, и тилки и знай, що дома порайся, мужыкови годы и слухай сго и поважай, а колы ще и попибье, такъ ты и терпь. Не хочу за мужыка?

«Кого-жъ тоби треба? За кого ты думаешь пійти?»

— А ось, мамо, що. Колыбъ мы жылы у городи, то я бъ зъ своею красою, швидко бъ знайшла соби якого паныча. А якъ мы живемо тутъ, у сели, то я бъ

пійшла за купця, або за поповыча. —
Охъ матусенько моя! — та сее кажучы и
кинулась до матери на шыю.—Якъ бы
мыни таке щастъя! — Що то люблю
що бъ у роскоши жыты! Не по-
раться ничего, а тилки хороше жыты,
щобъ пыты ѹ исты, и хороше ходыты
було що. Та якъ згадаю, що якъ я тебе
тогди шановатему на старосты, такъ и
себе не тямлю видъ радосты! Буду тоби
годыты, буду тебе низыты, чого заба-
жаешъ, усе поставлятему. Сама ис зымъ
ни зипью, а усе объ тоби убыватему....

Довго и пылино на неи дывылась
стара Векла, дали якъ заплаче: — Госпо-
ды мылостивый! — каже: — Та справди
Оксано, чы объ своему ты уми? Видки-
ля таки думки тоби прыйшли? Се

я винна, ишо натолковаля тоби объ твоїй
краси; матери усяка дытына хороша
здається. Та хочъ бы й такъ; хыба жъ
уси хороши ійдуть за панычевъ, або за
купцивъ? Потурай. Буде хороша якъ
тая квитка, а такы ійде за хлибороба;
и у поли зъ нымъ робыть и дома по-
раетца, и краса іи не пропала; вона по-
родыла диточокъ и лякуе Богу! а дивча-
та іи тежъ красыви якъ и вона була. Та
отъ ия: и я була на усе село дивка. Не то
ишо по селу славылася, та и произжаю-
щи паны, якъ уздрять мене, та ажъ зъ
колисы отъ-поты вылизе, та дывытица,
та хвалыть, а инишай ажъ шапку зніме,
та скаже: «здрастуй красавиця! Та
яжъ не дуже ишо подумала и не загор-
дылась, а такы, якъ лучыився чоловикъ

зъ нашыхъ, пишла за твого батька, за Охрима, хочь и удовецъ бувъ, та чесна душа була; и жыла за нымъ дякуючи Бога мылюсердного. — Эй, допю! кынъ таки горди думки. Се тоби смущенье видъ нечыстого — Господы нась бороны видъ пёго! — Гляды тилки, що бъ тебе си думки не завелы у погыбель — нехай тебе сохраныть Маты Божа! — Та й обняла дочку, стала іи циловать и хрестыты.

Оксана й каже: — «Якъ хочь, мамо а покы така думка е въ мене. Буду слухаты, що мыни казатемешъ, буду й сама розбираты.»

От-такъ часто воны соби мырковалы; и стара, то просоочы, то плаучы, довела такы дочку до того, що сказала:

«Що жъ мамо! пиду и за мужыка, а бы бъ чесній, та добрый бувъ протывъ тебе...»

Лжъ ось и лучився швидко парень важныи. Одынъ соби, ни батька, ни матери, никому буде орудовать. Самъ соби хозяинъ, а добра усякого, хочъ скотыни, хочъ поля, чы мало; парень молодый, другяка, роботящий, смырный, не пьющий и вже ни съ кимъ ни заластия, ни заведетца, та чернявый, та красивый. Стара Векла обома рукамы ухопылась за сего, Петромъ его звалы, и сама Оксана и сюды й туды, и вже не дрожачысь сказала: «пиду, тилки нехай объ осены!»—Дарма й пидождемо.—Сказала Векла зрадовавшия.

Якъ тутъ... и рассказуваты не хо-

четца!... От-то у ту слободу, де жыла
Векла зъ Оксаною, та прыйшли салда-
ты на постой. Що жъ тогда сталося зъ
дивчатамы!... Самы себе не тямлють зъ
радоющивъ!.... Ой згадаймо лышень
братца, свои молодыи лита, якъ ще мы
парубковали: чы втамкы вамъ, якъ було
прыйдемо на чужи вечерныци, то див-
чата якъ ясочки коло нась и вже на
своихъ не хочуть и дывытысь. Звисно
ихъ дивоча натура: сегодня уподобала
червону скиндячку, завтра зелену, а чер-
вону пидъ ногамы топче и байдуже.
Сегодня бажа молошиои каши, а завтра
вже и не треба, давай ій коржа зъ са-
ломъ. Сегодня мылый ій Стецько, зъ
нымъ жартуе, зъ нымъ женыхаетца;
колы жъ побачыла завтра Хведька, та

ще зъ чужого села, то вже Стецькови ѹ цуръ и пекъ, и не заньмай іи и не рушь іи, вона тебе ѹ знать не зна и видаты не вида; ій тилки и мылишый усихъ Хведъко.... та ѹ то на сегодня тилки, а завтра зновъ кого уподоба. А вже пайпаче якъ вздряТЬ служывихъ!... У! до сего торгу воны пишки. Якъ имъ мундъръ, а ще пуще усы и тилки поба- чить доведетца, то вже усе забула, и ничего не чуе, и никого не бачыть, опричь усивъ.... От-така натура у сихъ дивтать. Уси воны однимъ мыромъ ма- зани....

Такъ було и теперычкы. На тутеш- нихъ парубкивъ нихто зъ дивчать и не дывытица; усе бъ имъ салдаты, та салда- ты; подавай ихъ и на вульщю и на ве-

черныци и усюды. Такъ бо Царськи служиви не те думають: ему треба муньцю справыты, мундъръ на лагодыты, зночыты; николы имъ за дивчатамы. Чы мало воны свиту прійшли и усюды жъ то дивчата имъ на шыно винчалысь, и вже стали ни по-чому.... Дивчата, бачачы, що ихъ постояльцы не заньмають, прынялышь за свои хытровщи: порозряжаютца, повбираютца такъ що ну, и саме у таку пору, якъ салдаты на муштру собираютца, отъ Меланика ухоньть видра и ійде по воду. Якъ разъ протывъ салдативъ. Зострилася зъ Наталкою, що ійде за-чимсь до дядька. Отъ якъ зострилыся, та й давай базичаты, то объ скнидичкахъ, то объ черевычкахъ, то ни знать объ чимъ; якъ

туть гулькъ! — видтыля Домаха, видсиля Ивга, а тамъ Хвеська, та Педора; та ся, та та, та й назбираетця ихъ до сына. Балакаютъ, балакаютъ про межъ собою, та й посидаютъ на колодкахъ, усе бала-каочы, а на салдативъ, буцимъ то, и не дывлятця; а въ самихъ, ажъ жыжки трусяютця, думаочы: колы бъ от-той вы-сокий, та чернявый, занявъ мене. Та такъ усяка сыдышть и дожыда ажъ до пизного вечера. А матери сами: ждуть дочокъ — нема; ничего робыты; сама воды паносыть, сама розведе, пичъ затопыть, вечеряты варыть; нехай, каже, дивка погуля....

«Де то ты, доню; такъ довго була?»
Але вже й не рано. Де то такъ запи-
нылась? — пытала маты нашу Оксану,

що прыйшла до дому прытъмомъ у ве-
чери.

— Де була? — одвить дала Оксана
знимающы свою билу, пову свыту, зкы-
дающы баеву, червону юпку, а зъ голо-
вы ленты та скиндячки и покладающы
усе гарненъко що на пиль, пидъ головы
соби, а ленты заворочуючи у бумажку
и ховающы, зъ хрестамы и намыстомъ,
у свою скрыню. «Де була? Дывылась зъ
дивчатамы на москаливъ. Що то якъ
гарно муштру выкыдають, якъ одынъ.
То все ихъ вчить ихъ старшый. Ка-
жуть нема и у всимъ сели старше видъ-
него. Та який же то, мамо, розумный!
Та якъ его уси слухають! Що скаже!
такъ уси мершій и роблять. Колы
крыкне на ныхъ, що бъ пиднялы руш-

ныци, такъ разъ и пиднимуть, ажъ забрязкотыть усюды.... Такъ весело що не можно!... И куды имъ скаже ійты, чы на право, чы на ливо, тилки крикне, такъ ни хто й не спорыть, уси стилюю такъ и ійдуть. Що-то, десь, розумный. А що вже красивый, такъ и миры.... Чы ты.... мамо, солыла дрова?»

— Що ты, що ты, що ты? Богъ зъ тобою! — крикнула Векла на дочку, що вхопыла пшона у жменю; та й почала по прыничку посыпать, мовъ сояльть страву. — Чы ты одурила, чы обожеволила? Що се ты робышь? —

«Бачъ!... тьфу! — зхаменулась Оксана и покинула пшено, та ухопыла виникъ, та давай хату мести.... Тутъ впять маты гукнула на неи, попры-

кающы що не знать що робыть.—Чы о своему ты уми? Чы то вже надывылась на салдативъ, такъ воны у тебе у голови.»

— Та ии, мамо; цуръ имъ! Будто усе па ныхъ и дывытысь, якъ ихъ той старшый вчинь.... А якъ дуже крычыть! Его далеко чуть; вже такъ що голосъ! Якъ стане передъ нымы, то якъ орель. Высоченький, та пряменький якъ стрицючка, и усы е невельички; чорнявый соби на выду....»

— Хто тамъ такой чорнявый? — пытала маты засмажуючы борщъ у Оксаны, що позкладавши ручкы сидыть на полу, та усе свое дума и про те тилки й росказуе.

«Та то я, мамо, такъ соби; то я

про старшого....» та й задумается.... а дали вп'ять прынъметця росказувати: почне про Явдоху, а зведе на старшого; росказує про Хиврю, а зведе на старшаго.... А маты, знавши про свою білоручку, що вже не прынъметця ни зави-що, и байдуже; усе сама пораєця и не прыслухаетця ішо тамъ дочка росказує.

И за вечерею, Оксана закыдала про старшого, а маты й не слуха... та десь и усю ніч пашай Оксани сныльсь сал-даты.... а не такъ салдаты, якъ ихъ старший....

У рапци, чы зробыла що, чы ни, по свойій натури, побигла до подругъ, що бъ вп'ять зыбратьсь имъ дывытъсь на мунітру. Підмовыла и веселенька. Не гараздъ зъ матирю пообідала, вже

й чуркнула, вже й на колодкахъ, вже й дывытця....

Ажъ вбигла смеркомъ наша Оксана у хату до матери.... Раденька, веселенька, смієтця, щебече, бигає; сяде, вп'ять скочить, кыдаєтця матери на шию, розказує и де була, й що бачила, и зъ якою дивкою говорила, и якъ сайдаты муштровалысь, а про старшого ни чычиркъ. Кругомъ коло него що було, усе розказує и тилки бъ про него що сказаты, то й замовчить, задумаетця, и такъ якъ разъ якъ поломъя зпыхне, зачервоністця, засоромытця, рученькамы закрыетця, перемовчить, та вп'ять за свое: поратысь кынетця, то й гляди, те розылье, те перевернє, те розибье... Маты стане на неи грыматы, а вона жар-

туе, регочетця. . . . та й розвадыть матири.

Сежъ така була сегодня. Завтра жъ то якъ увійшла у хату, такъ нынache и не вона. Смутна, не весела, очи понурить, сидыть, ни зъ мисьця и мовчыть якъ стина. Чого маты ни спыта: «Не знаю. Не бачыла. Не чула. Не доглядалась». Отъ и уся розмова. Маты коло неи убываетця: «може хочешъ сего-того?» розважа усимъ, а Оксана й не слуха іи. Вечеряты не зхотила, и лежучы усе тяжко здыхала.

Що жъ се сталося зъ нашою Оксаниою? Ма-бути що не даромъ? Эге! — такъ такы й е не даромъ. Отъ бачите: прыйшли у ту слободу де вона жыла салдаты на постій; а надъ нымы бувъ копы-

танъ, и збиравъ ихъ на муштру надъ
вечиръ, а дивчата зходылъся дывытыся
на салдативъ, та розглядаты бъ то, зъ
якымъ бы то опися пожартоваты. Отъ
межъ нымы и наша Оксана. Вона на
салдативъ не дуже й доглядалася, а усе
дывыла на копытана: який-то винъ
бравый, який молодый, який красывый,
який проворный и усе его розглядували,
такъ що, опричь его, никого йничого
не бачыла. От-то у першый вечиръ,
такъ и хочетця, такъ и кортыть ін, усе
про него матери й щебетала.

На другой день вышла зарани,
а тутъ и ахвыщеры выйшли и копы-
танъ зъ нымы, та якъ ще не уси салда-
ты позбиралъся, такъ ахвыщеры и давай
зъ дивчатамы разговорюваты, та сміятыся.

та де що выгадуваты. А конытапъ пакынувъ окомъ Оксану, та й почавъ ін хвалыты: яка-то вона, каже, красавыца! Скилки, каже, ні походывъ по-свitu, скилки чого ні выдавъ, та ис выдавъ такон красавыци и межъ паникамы. Се, каже, чудо! Се все Оксана чула и якъ на вогни горила. Дали якъ пидайшовъ до самон ін, такъ вона бъ скрізь землю провалыласъ, зчезла бъ, забигла на край свита. Винъ почавъ ін розытоваты.... такъ що жъ бо! Пыта «де ты живешъ? А вона каже: «Окса—на»— Е въ тебе маты? — А вона каже: — «позавчора» — И сама не тымыть що каже: Дали погладывъ ін по щоци, та й каже: «Не стыдись душынъба! Мы познакомымось зъ тобою» — Тутъ вона трохы —

трохы не сказала: — Та я вже й такъ васъ люблю! — Такъ бо языкъ въ иei не повернувшись, засоромылась и свита не побачыла. А дивчата-жъ то, подругы ѹи, ажъ речочутця зъ своимы ахвыщерамы, не такъ якъ Оксана, що й слова не пидбере, що ёму й сказаты. Покы салдаты муштровались, то коштанъ частинько поглядавъ на Оксану, а та зъ него очей не зводыла, такъ и пылновала на него, и вже въ иei серденько такъ и бьетця, якъ тая рыбонька на удочки; а на души жъ то такъ весело, превесело, що й розказаты не можно! Описля усихъ дивчать, пишла до дому Оксана, якъ розійшлись салдаты и якъ коштанъ ійдучы биля иei, знявъ шапочку, та сказавъ: «прощай красавыця!» такъ

вона й ис зтамылась, и отъ-то така весела прыбигла до матери.

На другой день, побигла Оксана попередъ усихъ на муштру дывытысь. Щожъ?... дывытця, ажъ іи копытанъ вже зъ другою дивчиною стоить, жартуе, заньма іи.... а вона жъ то и пры людяхъ, и посередъ вулыци, и ще куды ще до вечера, а вона сміетця, та регочетця, шо вже радисинька, шо іи копытанъ занявъ. Такъ-то думала Оксана дывлячысь на се; та ій чы досадно стало на копытана, шо винъ, де вздривъ дивку, та й почавъ іи заньматы — и стыда ему нема! чы стыдно за дивку, шо не втика видъ него, та й сама стоить зъ нымъ и разговорюе; та видъ сего ажъ поблидла, затрусылась, та мер-

щій и вернулась до дому.... А колы правду сказаты, Оксана и сама себе не тямыла: вона думала такъ, а се ій було досадно, що копытанъ занявъ другу, а не ін.... Знаете, серденько въ пеи молоденьке, сама себе не разбере; полюбила копытана, защемыла серденько, та якъ зъ роду въ першис, такъ вона й сама не зна, що зъ пею е....

Отъ у такимъ гори вернулася до дому, ледве-ледве дійшла.... и усе у іи на думци от-та дивка, що не постыдилася зъ копытаномъ розговороваты, та й той копытанъ.... бачь який! нехай бы возывся зъ своими салдатамы, яке ему дило до дивчать? Хыба мы ему ривия? Жартуй соби зъ панинкамы!.... Такъ бо ничего бъ и не було, якъ бы

вона втекла, а то й стонть; и рягочет-
ця.... у! безстыдныца! Побачыла бъ іи
маты, що бъ тогди ій було?... От-такъ
то усе сердылась и на неи и на копы-
тана увесь вечирь, и якъ спяты лягла,
то усе у неи одни таки думки та гад-
кы.... ажъ зплакне, сердешна, якъ іи
допече до сердца, що дивка себе не по-
берегла и що копытанъ описля посмієт-
ся зъ неи....

Чы спала, чы не спала, а въранци
ухопыла видра и пинила по воду — и
троха чы не перше зъ роду! — Бо й
правда: де крыныца, а вона потягнула
ажъ геть вульщею до базарю.... думаю-
чы, тамъ близъко кватера копытана
то мабуть вже учорашня дивка снуе коло
неи; щобъ тилки зъ нымъ побачыться...

Та вже не я буду — ажъ крыкнула
Оксана: — колы тишки вздрю іи зъ
нымъ, то далеби, що матери іи скажу;
нехай зопынить іи; нехай вона пе ро-
бить славы на нась усихъ!»

Ажъ — гулькъ!.... копытанъ изъ
за-хаты.... и пизнавъ Оксану, та до
неи. — «Здраствуй, Оксано!»

А у Оксаны и руки и ноги за-
трусылись, стала якъ укопана, якъ пры-
росла до земли, ни зъ мисьця, ни пары
зъ усть....

Копытанъ и ставъ до неи казаты
по нашему, бо хочъ и зъ Москаливъ
бувъ, та, ма-буть, розумный бувъ, що й
по нашему вмивъ. — Што ты не вы-
ходыла учора на салдацьке ученьня смо-
трить, га?»

Оксана мовчить.

«Мыни безъ тебе скучно було.»

Оксана тутъ бы ему й сказала, що ему и безъ неи було весело зъ другою дивкою, такъ позабувала жъ усе те що думала зъ вечора и у ночи. А якъ позабувала, такъ и мовчить, оченькы поинурила у землю, ныначе личить стеблынки ишо пидъ ногамы.

«Скушио було безъ тебе. Я кращои дивкы и не выдавъ нигде... и полюбывъ тебе... крипко полюбывъ...» та узявъ іи за руку и каже тыхенъко: — «тилки полюбы мене, я тебе щасливою сдилаю!»

Оксана якъ у раю! Вона, що не хотила ни за якого мужыка ййти, та усе думала объ панстви, объ роскоши, чуе

теперь ѹи любить панъ, молодый, хороший, богатый — бо по мундъру усе у него золото; и ма-буть сиражий панъ, ѹо уси-жъ то салдаты его слухаютъ и боятьца, и такой панъ каже, ѹо винъ ѹи любить и щасливою зробить; вирно винъ дума ѹи узаты за себѣ, от-отъ вона пансю стане, ѹо жъ ѹй тутъ казаты? Вона видъ щырого сердця, тутъ и каже: — Якъ же васъ ѹе полюбиты?...

«Полюби одъ щырого сердця....
объ мыни думай.... выходь до мене....
полюбы якъ я тебе люблю!»

— Та яжъ такъ и.... люблю....
та ѿ ѹе дужче!...

Оксано, Оксано! якъ бы ты билше
панивъ знала, ты бъ сего николы не

сказала; ты бъ зъ первого слова выдигла бъ видъ него, якъ видъ лыхон годыны! Ты не знала панивъ, чы ще лучше панычивъ! Не дыво имъ одурыгты селянку, що зъ роду ихъ не бачыла, не чула якъ воны брешуть, якъ запрысягаотца, якъ описля гублять тихъ, що имъ пидастца! Панычи звыклыся на тихъ бидныхъ, що озьмутъ видъ батька, видъ матери у дверь за паниочекамы ходыты, заразъ обстрыжутъ имъ косы и пидниуть на грибиноекъ, що такъ и тырчыть на голови, мовъ на пивневи; зъ православной плахты, та нарядялъ ін у той проклятый компотъ; зъ Явдохы, персвернуть на Дуняшку, изъ Ивги на Евгению, зъ Приськи на Афроську.... отъ вона й подума, що й вона стала паниоч-

кою и чипляетца до панычива; и якъ тилки побачить цилкового, то й бижыть и вишаєтца имъ на шыю.... Такъ на такихъ, панычи звыкши, кыдаютца и по селянкамъ и обдурюютъ ихъ дуже, а описля хочь плачь, хочь пропадай, винъ и байдуже, сміетца, та другу пидмовля....

Не знала сего наша Оксана! Вона бо зъ малу начулася, що вона красива, миры нема! Вона усе бажала выйти за пана, а теперь панъ іи полюбывъ.... Вона и въ головахъ не покладала, що бъ панъ мусывъ збрехаты.... отъ и призналася копытанови що любить его.... тилки се вымовыла на-льхо соби, тутъ вже копытанъ самъ не свій, кынувся до неи, обнявъ, поціловавъ.... ему жъ не вдывожу, дивчать

циловаты; мовъ горихы лускаты; яково-
жъ то було нашій, бідній Оксані?....
земля підъ нею запалала, небо надъ
нею загорилося, сонечко, якъ макъ, по-
червонило, вона, мовъ птыченька, під-
нялася видъ земли, що бъ полетиты....
швыденько вхопилася за свого копыта-
на, обвилася коло него рученькамы, що
бъ не розлучытыся зъ нымъ, що бъ
винъ не зостався самъ безъ неи.... об-
няла его и що бъ ѹе ій такъ гарно
було, вона вже его поциловала.... та
туть и зомлила и не видырветця видъ
него....

Згадайте, лышень, братця, якъ вамъ
тогди було, якъ вы зъ роду въ перше
поциловали ту дивчыну, котру вы щы-
ро любылы! Чы можно жъ то розказа-

ты, або зпысаты, яково вамъ тогди було? Не розытуйтесь и мене, яково було нашій Оксани: хыба бъ жаромъ на поломы пысаты, та искрамы засыпать, такъ тогди бъ потрапыть якъ зпысаты.... А копытанови що? — Ничоги-синъко. Згадаймо-жъ, такы, впять, якъ мы, хочь и въ перше циловалы ту дивчыну, котру не люблячи, тилки пиддурювалы. Тильки що смачно, мовъ писля трехъ день безъ люльки, роменъ-скаго тютюну смоктиешъ.

И того, такы, не буду розказуваты, що воны, описля, промежъ собою разговорювалы, бо се вамъ и самимъ втамкы. Якъ вона обпимаочы его пестовала и копытанску мій, и соколыку, и голубчинку, и лебедыку — и усякимы

словами прыговорювала ему; и якъ винъ — по нашому, якъ колись бувало, казавъ, що винъ мас ій де чого багацько розказаты, такъ теперь николы, а просывъ ін яко мога, що колы, каже, вирно любыть, такъ що бъ выйшла вечоркомъ до вербы, що противъ ихъ двора. Тамъ то винъ вже усе добре мавъ ій розказаты. Звисно що Оксана обищалась выйтти, бо ще не наговорилася зъ своимъ мылымъ.

Нациловавшись, наговорившись, побожывшишись ще, що будуть щыро любытыся до смерты, пішли по своимъ мисьцямъ: копытанъ до салдативъ, а Оксана по воду.... ійде й земли пидъ собою не чуе.... згадує усяке слово, яке то ій копытанъ казавъ, якъ ін любыть,

якъ циловавъ, якъ прыгортавъ до себ...
та у сихъ думкахъ, зайнла ажъ геть-
геть, зовсімъ на край села.... «Охъ
мыни лыхо! — ажъ крикиула Оксана
оглядившись: — «куды жъ я от-се ійду?
Та бачытца я жъ по воду пишила.... де
же мои видра? — Що се зо мною ста-
лося? Де крыныця, а де я зопынилася?
Чы я зъ ума зійшла, чы-що?.... Охъ,
моя годынсько! — ажъ закрылася ру-
ченькамы, якъ згадала, що вона середу-
дня зъ копытаномъ стояла, и разгово-
рювала и обнималася.... та й стояла
якъ укопана. — «Ще то добре — дума
соби — що не середъ вульци, а у ку-
точку, підъ тышомъ, на вугли, що ни-
хто тамъ не побачить.... тамъ же я й
видра покыдала.... буде мыни, якъ хто

знайде! — Бачъ, корыла Катрю, що учора зъ копытаномъ гралася, а теперъ сама чого наробыла? — От-такъ-пакъ! — Такъ винъ бо розказувавъ, що винъ Катри овси не любить, що винъ іи занявъ такъ, шутки рады и що вже билишъ не буде іи заньматы, бо любить мене одну.... та якъ же крипко любить! Якъ-то божывся, що, каже, усю ничъ не спыть, усе про мене дума.... Що-жъ-то у вечери скаже? — Може до-мовытця, колы за рушиныкамы прысылаты. Пожалуй, хочь сегодня.... Того якъ стану панею!.... ажъ духъ захвачус видъ радосты!.... И матиръ одягну якъ панию и буду іи иижыты й пестовать.... поклычу до себе своихъ подругъ, покажу имъ яке въ мене добро буде: яки

юпки, шовкови спидници, илахотъ вже не посытemu; сорочечки будуть усе зъ иванивського полотна, скрізь повымережованні шовкамы....

«Чы се не твои видра, Оксана? Я ажъ генъ тамъ знайшовъ, лежали по-рожни и коромисло край ныхъ.» Се облизався до неи парубокъ Петро, ійду-чы зустрічъ еи.

Стонть Оксана противъ него, якъ деревлянина и не второна що винъ ій каже. Та й якъ же уторопати? Вона тилки що була у своїхъ панськихъ будынкахъ, видчыняла свои скрипни, показувала подругамъ свое добро, прымиряла иванивськи сорочечки шовкамы повы-мережованні.... а тутъ де уязвсь Петро,

де узялъсь видра , ишо треба , покышувши паиство, та ійты по воду!

Стоитъ, мовчыть.... а дали зхаменулася, та такы ѹ видбрехалася кажучы: — «Ось бачъ, де воны ! Спасыби тоби ишо знайшовъ. Я се пишла по воду, такъ якъ напалы жъ на мене Трохымови собаки , такъ я якъ побигла видъ ныхъ , та ѹ сама не тямыла зъяку, куды забигла. А дали вже ѹ собакъ нема, я зхаменулася, та ѹ шукаю видерецъ. Ажъ ось воин де!

— Провожу жъ я тебе , Оксано ! Однаково жъ мыни по-быля крыныщи ійты. —

«Проведить , спасыби вамъ. — Отъ и пишли.

— А що, Оксано! — ставъ казаты
Петро, поспишаючи за нею, що мовъ
ластивка лєтить и до земли видъ радо-
щивъ не доторкаетца: — «Чы вже ты
хочъ трохы надумалася? Казала що пи-
дешъ за мене, то не моры мене: пехай
я прышлю людей, поберимося вже
соби. —

Яково жъ то було Оксани се впять
слушаты? Вона тилки що слухала копы-
тана, якъ винъ божывся запрысягався,
що дуже-дуже любить и безъ иси вмре,
такъ вже певно озъме ін за себе; отъ
якъ не выдио людей видъ себе пры-
шле; а тутъ Петро зъ своимы старо-
стамы. Чы можно жъ сему статься? Ще вона не одурила! Вона бъ усе роз-
сказала Петрови, що бъ вже покинувъ

объ ий думаты, що вона вже пиде за копытана; усе бъ ему розсказала, такъ бо копытанъ не веливъ и самій матери ии слова казаты. Я, каже, самъ описля усе розскажу.» Отъ Оксана мовчала-мовчала, дали й каже: — «Вы бъ вже покинулы объ сему й думаты.»

— Ни, Оксано, не такъ я тебе полюбывъ, що бъ выкинувъ свою думку. Подумай це, Оксано! — Сказавъ се Петро, та й пішовъ своею дорогою.

Тилки що Оксана зъ водою у двери маты на неи и напалася: и де вона була, и чого такъ довго ходыла, що вже у друге у пичъ дровецъ накладала, а іи нема, що вже й дижа зійшла, и усе-усе їй вычытовала. Такъ не натачивську — бо напала! Попереду поставила поты-

хенъку видра зъ водою, дали якъ кынетца до матери, якъ стане іи прыголублюваты, прыговорюваты: «не сердься жъ, моя мамочко, рыбочки, перепилочки, зозулечко! Просты жъ мене. Якъ пишла по воду, а тамъ подруженьцы зострилисыя, та й почалы мыши сміятыся, що я й билоручка, якъ вы мене, мамо, зовете, та й я пишла по воду, та невмію видеръ несты, коромисло не такъ держу; зовсімъ обсміялly, а тутъ Трохимови собаки якъ нападуть на мене, а я якъ побіжу, якъ злякаюсь! Та вже, спасыби, Петро оборонывъ, и видра позбираравъ, що я зъ ляку покыдала, та проводивъ мене зновъ до крынини....

Мати вже й забула, що й сердилася на неї. Вже й сама злякалася по-

чувши про собакъ и стала кругомъ оглядаты, чы ии покусалы де, чы ии порвалы де.... Выйшй, каже, доню, воды трошки... або ляжъ на печи.... або чи не хочь, онде молошина каша, учорашня, зынжъ трошки, то й мынется.... або пиду я до Күцайки, нехай прыйде, та тоби переполохъ вылье.... та якъ же и тебе саму покыннуты?.... Бигае, мотастця стара Векла по хати и не зна за-что ухопыттысь; трусытца, бойтца думаочы, отъ што бъ дытыниа до вечера не вмерла видъ переляку'... А дытыниа якъ тая ясочка: — «Та ии, мамочко, ии ридин-сенъка! мыни й ничего. Я й не перелякалась; мыни николы такъ весело на души не було, якъ теперичкы. Я въ тебе, мамо, щаслива дочка; що ты мене

такъ жалуешь и нижыла мене зъ малу.
Благословы мене, що бъ я була щаслы-
ва, що бъ.... усе те збулося, чого ты
мыни хочешъ, то я тебе не покыну до
вику. буду тебе поконты, нижыты, чого
душа забажа, усе тоби поставлятему....

Та такъ одна другу пестуючи, одна
объ другій жалкуючи, забулы було й
объ обидови. И пичъ погасла и дика
перейшла.... Насыму описля сякъ-такъ
зправылышя.

Не бижыть наша Оксана никуды
зъ дому. Не мыли ій и подругы, и пи-
сеньки на умъ нейдутъ и щебетаты пе-
рестала. Ухопыла рукавъ видъ сорочки,
узяла голку, протягла нытку, та й забула
узлыка завязаты, та сила край виконця
и давай бы то шыты. Знай выводыть,

та выводыть.... и спиху нема; не зхватацца, моя голубочка, шо узлыка нема, та ѹ недогадаецца стибаочы, бо знай у віконце погляда, чы высоко сонечко? — «Чого воно такъ тыхенъко котытца? — дума соби: — «Колы бъ я здужала, я бъ его швыдче прыволокла ажъ геть туды до лиску!... Шо сегодня такой довгій день!.... И кипця ему не выдно!.... Вербочко густенька! розпусты свое листъячко ще густишъ; покрый нась, якъ зъ мылимъ зійдемося підъ тобою розмовляты, шо бъ не побачывъ нась ни хто!.... Вже я у вечери спытаюсь, якъ мій мыленъкій копытаныкъ дума, колы мае по мене старостивъ прысылаты?....» Та ѹ почала думаты, якъ вона выйде за него, якъ стане панею, якъ у

добри та у роскоши жытсеме.... та се, то се, та се, то те.... Отъ диждала и вчора.... Не жды мене, мамо! Я шиду до Домахы, та й посыжу тамъ довгенько.... Та зъ симъ словомъ шасть изъ хаты.... двичы трячи стрыбонула.... вже й пидъ вербою!...

Копытана не було. Вона розглядила усюоды.... нема никого, ничъ темна, никто не побачыть.... Не забаромъ бижыть и копытань.... «Чы ты тутъ, Оксано?»

— Тутъ, край твого сердечка! — и прыпала до него... зыбрались що бъ поговорыты, та ничего и не кажутъ, знай цилуютца.... Дали вже й не играшки!.... Оксана ажъ злякалася.... Ничого ій робыты, треба вырыгватыся,

та выпручуваться.... Не бере ни цыпковыхъ, ни бумажокъ, плаучы каже: — Зарижъ мене по-переду, та й робы зомиою що хочъ.

Не выпросылась, а выпручалась наша Оксана и якъ муха видъ него полетила и ускочила у хату.... Господы! блидна, трусытца, мовъ лихоманка іи бье.... «Чого ты, чого ты?» — Векла пытаєтца, а Оксана и слова не промовить.... Дали вже якъ-то зыбралася зъ сылою, та й давай матери брехаты, буцимъ-то Домахы не застала, та ійдуучы назадъ, побачыла видьму, що клубомъ котылася «такъ я—каже—такъ злякалася, що не можно!» Маты й повирыла. А чы довго матиръ, та ще й добру, довесты до того, що повирыть усему, що ій

стань розсказуваты?.... Стара вже ни объ чимъ и не дума, а бойця що бъ дытына зъ переляку не занедужала и стала іи на пичъ покладаты, и кожухомъ укрываты и водою напуваты.... Оксани й добре, що іи на печи маты положыла, що бъ не дывытися ій у вичи, бо соромъ, бо стыдъ, що тыхенько видъ матери почала зъ копытаномъ любытися и зъ нымъ тыхенько зыходытися.... Якъ бы маты тогди до неї пристала, вона бъ усю правду, видъ щирого сердця, усебъ ій розсказала.

Сумуючи чы вечеряла, чы не вечеряла, троха чы й брала ложку у руки звалылася на подушки, та й стала тыхенько плакаты.... та й дума соби: — «Такъ-такъ-то винъ мене любить?....

Такъ-то винъ объ мыни жалкуе, що хотивъ посміятысь надо мною?.... Хыба жъ я тоби не казала, що я тебе дуже-дуже люблю! Не-треба мыни ни панства, ни богатства, будь хочъ простый мужыкъ лычманъ, я тебе усе ривно любытему!.... Не-треба мыни ни золота, ни перстнивъ, ни намыста; нехай сопечко на мене не свитыть, нехай мисяць для мене потуские, нехай зирочки видъ мене поховаютца, квиточки передо мною завъянуть, пташечки не щебечутъ, ричечка высохне, свить зминытица.... мыни до сёго усёго нужды мало, абы бъ я бачыла тебе по усякъ часть, дывылася у твои карін очищи, слухала якъ ты мене зовешъ душкою Оксаною, якъ ты розсказуешъ що якъ мене любыщъ....

отъ мое й щастъя, мое панство, мое
царство у тимъ у воднимъ! Я жъ дума-
ла, що й ты такъ любыши свою Окса-
ну? Ажъ, бачу, ты радиисинъкий згубы-
ты іи, свитъ завъязаты.... Богъ же зъ
тобою! Сказала бъ я, що писля сего, не
буду я тебе любыты: ии; щыро,
вирно тебе любытему до смерти моем; бо
разъ чоловикъ родытца й душу прынь-
ме, такъ разъ и любыть. Казала бъ я
що не хочу тебе любыты: ии; чы скаже
чоловикъ, що не хоче на-свити жыты,
не хоче соби здоровьяя, щастъя? такъ и
я: ты моя радисть, втиха, щастъя,
увесь свитъ.... якъ же мыни тебе пере-
статы любыты? — А що правда, що
не хочу до тебе выхѣдты, не хочу го-
ворыты зъ тобою.... и такы не пиду,

не пиду й не пиду; и не выйду до тебе,
хочъ ты мыни Богъ зна що робы, да-
вай; слова тоби не скажу, покы не по-
берешъ за мене рушныкивъ по зако-
ну...» Та зъ симъ словомъ устала, вда-
рила тры поклоны, та впять и лягla,
вже зъ думкою спокійнишою.

Уранци пораєтця зъ матирью, ажъ
ось изъ волости десятиныкъ рыхъ у ха-
ту. — Помолывшись Богу, сказавши:
«Дай Боже вамъ день добрый! Нехай
вамъ Богъ помога» — Дали й каже: —
«Звилтесь, тётушка, до себе постій пры-
няты!»

— Який тамъ постій? — ажъ
зкрыкинула Векла: — Черезъ віщо сё?
Сказала жъ громада, якъ я просыла, що
бъ у самихъ жинокъ, де чоловика нема,

що бъ тамъ никого не ставыты? — Я
жъ ще плачу постоялне у помичъ бил-
нимъ. Хто жъ се зъ васъ выдумавъ?
Який тамъ постій.

«Я Улáсивно, не знаю, тилки по-
славъ Голова, иехай, каже, прынъмае до
себе копытана. Бачъ, твоя хата, каже,
кráшча, чимъ де винъ стоить.»

Подумала Векла, подумала й каже:
«Що жъ мыни зъ тобою говорыты, ты
посланный. Я сама пиду до Головы и
расскажу усе.»

— Дóбре, тётушка; ходить Голова
у волости.

Швыденько зыбралася Векла, узяла
паллянычку, звычайно якъ передъ Голову
їйти, и каже Оксани: — «Сыды жъ,

дочко, не ходы зъ хаты, та запры сины,
покы я прыйду. Я заразъ вернуся.) —
И пишла зъ десятныкомъ.

Оксана покачала-покачала головою,
здыхнула, утерла слизку.... позасовувала
усюды двери.

Векла прышедши до Головы, поклон-
лася, и стала розпытувати зъ чого се
уялося, шо до неи постій становлять,
та ще й копытана?

— Эге! — казавъ Голова повагомъ:-
Мы бъ тебе, Уласивно Векло, и не за-
чишлилы, такъ бо сёгодня приходывъ
самъ конытанъ и требувавъ, шо бъ ёму
дали квартырю въ тебе. Мы такы —
правди — и казалы ему, шо не можно
по такій и такій прычыни, та якъ
грымне на насть, якъ затупотыть нога-

мы — «давай — кричать не своимъ голосомъ: — «давай мыни сей часть! Справныкъ васъ усихъ мыни у команду видавъ. Той часть пошли очищать кватырю. Я заразъ самъ туды переберусь. Мы, Уласивно, такъ зъ пысаремъ перелякалысь, шо не знали на яку и ступыты, та от-то и послалы до тебе.»

— Гай, гай! — стала казаты Векла: — вы жъ въ насъ Голова, вы жъ намъ, безнѣмошимъ, зашыта! Якъ же се можно? Въ мене однимъ одна дочка, якъ тая порошына у воци! У неи однимъ одна честь наше богатство, наше здоровья, наше усе! Погубымо его, куды мы па свити годытаемыся? Чы можно сино зъ огнемъ до купы зкладаты? Хочь я дуже добре свою дочку знаю и не

сподиваюсь видъ иен ничего не доброго,
такъ люди жъ! такъ языки жъ! Такого
набрешуть ; такого наплестуть , що хочъ
зъ свита втикой ! Лучче мыни руку
утять , лучше мыни очей риштыся ,
чимъ выддаты славу моен дочечки на
поругательство ! — Брехатемуть люде ,
звисно брехатемуть , бо не буде тамъ
правды ничогисинъко , та усе жъ не до-
бре и видъ одони славы . — Не давай-
те, пане Голова , нась у абеду....

— Потурай , Уласивно ! — Мы от-
се усе казалы ему , такъничо́го й не
слуша . —

«Добрежъ — подумавши сказала Ве-
кла: пидите жъ до него и скажыть ему,
нехай трошки згодыть , покы я зъ доч-
кою выберемося до сусидъ.»

— От-такъ бы й давно. — Сказавъ Голова ійдучы зъ хаты. — Вже звисно, що противъ копытана не можно спорыть. —

Отъ вернувшись голова, и каже, що ажъ засумовавъ копытанъ, якъ почувъ, що ты, Уласивно, хочешъ выбиратись у сусиды и каже: Чы не можно іи какъ небудъ зопынить? А я кажу: — Ни жодною мірою не можно; баба дуже за взята. — «Такъ чортъ зъ нею! — Не прогнівайтесь, Уласивно, що винъ такъ сказавъ: — не надать и си и хватыри іи. Такъ я узявъ, та й пишовъ.

Сміхнулася Векла и пішла ради синька до дому, що видвоювалась видъ копытана, а дали ійдучы й засумовала,

що чы не пидбирастця копытанъ до ін дочки? И стала прымичаты.

Що жъ вона прымитыть? За копытаномъ бы й такъ, звисно молодецъке дило; такъ бо моя Оксана — такъ дума соби — дармá що й шутлыва, и жартлыва, та вона не загубить себе, вона зна щó е грихъ и погыбель; вона не напустить на себе славы.

Та й правда жъ бо. Перестала Оксана жартуваты и до подругъ бигаты; усе сидыть дома, то шье, то пряде. По переду сидила зъ роботою пидъ виконцемъ, та якъ забачыла, що копытанъ почавъ, що у Бога день, мымо вікна ходыты, та шапочку знявиши, поклонятыся, болы вона гляне на него; вона се бачучы не разъ и не два, стала казаты ма-

тери: — «Сыдить, мамо, вы биля викна. Вы стареньки, не дуже бачьте, а мыни усюды выдко.

— От-такъ-пакъ! — каже маты: — Чы годыця жъ мыни на старосты сидты у викна, та усимвъ показуваты свою старисть? Ты молодъ чоловикъ, ты дивка; тоби подоба у виконця сидты; ійтыме добрый чоловикъ, побачыть, полюбить, буде зальщатысь за тебе. —

«И вже, мамо, сего не кажить.» Сказала Оксана, та й пересила до полу. Маты втишаетца, що дочка не пидаетца ни на яке дурачество и знай копырса́ слипуючы, то очипкы, то рушиныкы на прыдане дочци, а того й не бачыть, якъ та, роблючы, знай слизонькамы вмываетца!.... Вона добре розыбрала,

зъ якою думкою копытанъ збирався до ныхъ на кватырю!... Се жъ винъ мене любить?.... прыговорювала соби лежучы на подушци, що хочъ выкруты видъ слизочекъ іи....

Не пожывывся нашъ копытанъ кватырою. Не забаремъ — рыпъ у хату до Веклы старосты; одынъ — такы — сусидъ іи, а другій, пидтакачка салдть. Почалы говорыты законни речи; Векла слуха, а Оксана зъ кимнаты и не показуетца, прыслушаетца, що зъ того буде. Якъ договорылы до кинця, такъ за кого жъ се воны прыйшли свататы? — Эг!.... за копытановога денщыка!.... «Виддай — кажуть старосты — паниматко! Дочци твойй добре буде и у хороши походыть и у добри пожыветь»

и се ѹ ти ѹ прыставлялы.... Сердешна Оксана такъ и вдарыласъ у груды, та впала въ подушкы, що бъ маты не почула іи голосиния, що такъ и рыда! А стара Векла выслушавши ихъ, та ще пидъ веселый часъ, не стала имъ выговорюваты, бо дуже добре разыбрала, до чого воно є, та дывытця на нихъ веселенько и каже: — А що? Чы не зъ брехунивки вы, люде добри?»

— Що бъ то якъ? — зпытався першый староста.

«Та такъ каже маты. — Я бачу що воно є. Нема у вашому дили ни словечка правды. Бачу, для чо го воно робытця. Такъ слухайте, люде добри! Е на неби Богъ мылосердны! Винъ не повелива гнушатыся надъ сырѣтствомъ! Тяж-

кий грихъ зобиждаты и усякого чоло-
вика, не то що сыроту. Якъ сонце на
иеби, такъ у усякого человека слава.
Лыхо тому, хто загубить іи; лучше то-
гди на свити не жыты. Цо жъ за чо-
ловикъ, що пидкопуетця пидъ чужу
славу, та ще пидъ дивочу, пидъ сы-
ритьську. Не хочу я ни золота ни сриб-
ла, колы за него погубыты славу мои
дочеки, мои утробы, моего нарожде-
ния!.... Лучче я маю, своимы рукамы
навязаты ій каминь на шыю, та уто-
пыты у ричци, чимъ виддаты на со-
гришенье, на поругательство!.... Госпо-
ды мылостывый! Чимъ я тебе прогни-
вала, що чую таке мыни посміянье?...
Тутъ ажъ сплакнула; дали й каже: —
«Ідить, люде добри, туды, видкиля

прыйшли и до тóго видъ кого прысла-
ни. Грихъ, стыдъ, соромъ тому копыта-
нови! Винъ благородныи, винъ пись-
мений, винъ зна за що грихъ и чого
не можно робыты.... другихъ бы нав-
чавъ, а не такъ робыты....»

Отъ у таки слывки ускόчлы па-
ши старосты! Піймалы облызня; не
знаю! — Поточылыся зъ хаты не озы-
раочысь. Кажуть, якъ розсказалы копы-
танови, що имъ було у Веклы, такъ,
кажуть, ажъ зубамы заскраготавъ.

Оксано, Оксано! де твои шутки та
жарты? де твои танци та скокы? де
твои игры та щебетаньня?.... Усе мы-
нулося!.... Гай, гай! Тажъ дивка, та
вже не та! Нигде іи у беседи не вы́дко,
у розговорахъ не чуте. Сыдить усе дома

та дома, ни словечка не промовыть, ни
шары зъ усть не пустыть! Держыть у
рукахъ або рукавъ видъ сорочки, а го-
лочка застромлена спочыва.... або хочъ
за гребнемъ, то веретено доли лежыть и
мычка на гребни цилиснинка. Руки
зпустыть, голову похыльть, дывытця—и
ничого не бачыть; а часомъ слизочки
тилки капъ капъ! — Була червона якъ
макъ, теперъ що день усе блидинша,
усе блидинша. Щокы булы новиенъки,
теперычки позападалы. Очыци, що
грали якъ зирочки, теперъ прытухлы
и мовъ чимъ заволочени, що, мовъ, и
не бачутьничбго. Хочъ цильй день зъ
матирю сидитем, то колы та до дочки
не заговорыть, то не почуешъ видъ пеш
ни пив-словечка. Колы що маты испы-

тае — «Не знаю, мамо!» — одинъ у неи одвигъ. А часомъ и такъ бувае, що мата пытае про ложкы, а вона ій каже про теля....

«Що зъ тобою, моя доненъко, сталося? Чы въ тебе що болыть? пытае мата.

— Не знаю, мамо! Бачыця ничо́го. —

«Чы журышся объ чимъ?

— Ни, мамо! —

«Такъ бо я знаю що ты журышся и знаю объ чимъ. Ты объ тимъ скрушаешся, що копытанъ думавъ про насъ, що мы пустымося на грихъ и що я продамъ твою славу, а черезъ неи и мою душу? — Бо-дай винь сёго не диждавъ! И бо-дай ёму такъ тяжко и важ-

ко было, якъ моему сердцю, бачучы, що мое мылее дыття, моя порошына у воци, мій квіточокъ завъядае, сохне якъ былинка.... Та й прыгбре іи до сердця.... и плачутъ укупи.

Писля такого пестованья, та бачучы материны слёзы, тужъ-тужъ Оксана не прызнаетца, що се вона плаче, сумуе и вбываетца объ тимъ, що любывши дуже крипко копытана, чула видъ него и винъ ій запрысягався, що любить и іи видъ щырого сердця и що не покынне іи до вику, и що вона ему и краще и мылише усихъ.... та й чы мало чого винъ ій не наговорыў!... Та писля-сего, що задумавъ? Якъ вона видъ него пидъ вербою насылу вырвалась; якъ винъ хотивъ у ныхъ на кватери статы,

що бъ швыдче згубыты іи славу; якъ хотивъ узяты за своего деницыка, що бъ описля орудоваты ею якъ бы захотивъ.... та збираючись объ симъ пожалитись, стыда рады не зможе вымовыты ии словечка, та тилки що зплакне, та впъять за свою думку, що якъ-то копытанъ звивъ іи.

Якъ не въдко було на вульци и нигде Оксаны, то подруги іи часомъ було прыходютъ до неи або шыты, або прасты, що бъ розважыты іи то писенькамы, то усякими разсказамы, такъ усеничого! И дывытця и слуха, та й невсміхнестця якъ тіи регочутця. Бидна Векла, глядючи на неи, журытця, накунуть ій и горишківъ, и медянычківъ, и тарани, и гороху ій спряже.... по-

куштуе, бачыть що други дивчата идять, а вона й байдуже!.... Не хочу, мамо; у душу мыни ни що не ійде».... та худа соби на лыхо, що зовсімъ тилки що не звáлытця. Безъ знахурокъ, та безъ ворожокъ не обійшлось: вилывали персполохъ, вмывали видъ урокивъ, шепталы видъ очей и що не робылы, усеничбого, та йничбого....

Опричъ дивчать, прыходылы провидуваты Оксану и жинкы й молодыци, бо Оксану уси селомъ любылы. Промежъ нымы була Мелашка, молодыця проворна; не було того весилья, дебь вона не була свашкою, на масныци волочыты колодку, вона перша прыводныця, видколядують дивчата, вона зыбрала свій ватажокъ молодыцъ, пишла по пе-

редъ усихъ; зпароваты парубка зъ дивчиною, іи подавай: вона зведé. Отъ якъ стала вона ходыты до Оксаны, якъ стала зъ нею шупу-шупу, ажъ-гулькъ! — наша Оксана стала потрошку видыхаты. Вже ѹ борщыку поистъ, капусткы зъ свыниною забажа, и вже часомъ и всміхнется, якъ чому. Дали та дали, вже ѹ каже: «пиду я, мамо, прохожуся; або на вдвири посыжу, або до Мелашки схожу.»

Маты радисинька, ще сама іи выпровожа. И що пиде Оксана до мелашки, то вернется усе веселенька, усе нібы здоровиша, дали мынулося усе лыхо, стала наша Оксана и здорова, и повновыда, и румъяна якъ була: и наряжастся и чепуритца що дня, и впять узя-

ла свою натуру, и щебече, и смієтця, и выгадуе, и регочетця, и до матери ла-
стытця, ще троха не веселишъ стала
чимъ по-переду була.

Що жъ то ій такъ Мелашка почы-
нила? Ма-буть ворожыла надъ нею, або
що не будь такé зробыла, що якъ зъ
воды вытягla нашу Оксану?.... Эге!
Вона добре поворожыла; вона пидлизла
до Оксаны, та й стала ій розсказуватy,
якъ то копытанъ іи любить, якъ вбыва-
єтця за нею, чуючи, що вона недужа,
и що й самъ, хочъ вмиратy, що не ба-
чить іи.

«Такъ же то й люблять, якъ винъ.»
Стала скризь слезы казатy Оксана, а
самiй ажъ повеселишало трохи, що є
кому свое горе розсказатy и про копы-

тана поговорыты. — «Якъ бы любывъ справди, такъ винъ бы не хотивъ мене погубыты, винъ бы не топывъ моен славы!.... Тутъ и розсказала усе, до чо-го копытани мавъ іи пидвесты; а сама такъ и залываетца слизмы.

Мелашка тутъ и пустылась зъ сво-ими лясамы! Тилки ій того й треба бу-ло, що бъ Оксана стала жалитця на ко-пытана.... тутъ вже вона и почала, и почала.... вже така щебетуха невыбре-ше, якъ кого захоче!... И почала шеп-чуцы казаты, якъ и самъ копытани тѣ-перь жалкуе, що такъ робывъ, що вже теперъ не буде и що вже въ него вже й думки такои нема; що колыбъ тилки ему побачыться зъ Оксаною, то винъ ій розскаже, що дума робыты....

«Що ему зо мною робыты? — Сказала Оксана. — Покынуты мене бидну; нехай пропадаю!.... Не слухаты було его по переду, непрзынаватъшь что и я полюбила его.... А теперь що? Винъ мене не озъмс, а на безчестъя я не пиду, хочъ нехай мене ѹ пече ѹ риже.»

— Та тилки послухай его, що винъ скаже. — Усе свое товкла Мелашка и що день усе объ симъ товковала.

Першъ Оксана и рукамы ѹ ногамы: — не хочу ѹ не хочу. Я бачу що я швидко вмру; за для чо гожъ винъ мыни? Нехай здоровъ живе, та другихъ пиддуриое.» — Дали, слухаючи Мелашки, стала вже казаты: «Не хочу его бачыты, бо ѹ мыни жалко.» — Дали каже: «Я бъ и пишла, а якъ же винъ

впять прыйметца за свое?» — Тутъ же, якъ забожылася и запрысаглася Мелашка, що винъ и не дума ни чимъ досаждаты, а тилки хочъ бы побачытысь хочъ на часынку, то Оксана й сказала: «пиду, колы маты пустыть.» Отъ и пшила.

Не зъ биса жъ лукавый и копытанъ! — Ажъ заплакавъ, якъ вздривъ Оксану и тилки що голубывъ іи, та крипко пынино просывъ, що бъ вона ни объ чимъ не журылася, одужувалабъ швыдче и що винъ мae, таке гарие щось сказаты, що ихъ щастя усихъ буде.

Оксана, якъ дуже крипко любыла копытана, то й повирыла ему и бачуясь зъ нымъ частисинъко, не думала

про него, что бъ винъ ійшовъ на погибель іи. Знай прыходыть до Мелашкы, що въ Бога день, бачытця зъ копытаниомъ; а дали винъ іи довивъ до того, що, чимъ до Мелашкы ходыты далеко, сталы воны жоденъ вечоръ зыходытысь пидъ вербою, биля Веклынои хаты.

Ма-бути що пидглядывъ Петро про си ихъ сходьбыща, а вже не чувъ ни видъ кого, бо никто іи николы не бачывъ пидъ вербою, якъ воны зыходыlyсь. Хыба, може, тилки Петро, якъ небудъ пидуздивъ ихъ, бо пылно слидывъ за Оксаною и колы й бачывъ, то вже никому ни словечка не сказавъ, бо бувъ парень чесный, душу добру мавъ и беригся що бъ кого заняты, або словомъ осудыты. Якъ-то тамъ було, мы

не знаемо, а тилки разъ надъ вечиръ, прыйшовъ винъ до Веклы, впять за тимъ же словомъ.

«Якъ дочка хоче — видвить дала Векла: — такъ нехай и буде. Якъ бы по мыни, такъ я бъ іи сегодня видала. Та я не така маты, сыловаты не буду. Кажы, доню, якъ знаешь.»

Думала Оксана, думала; щыпала той рукавъ у сорочки давиенько, ажъ ныткы повыдергувала и черезъ сылу намирялась сказать: — «Семеновычу! Бачу я, что вы мене даже любыте.... дякую вамъ за те, что вы маєте мене щаслывою зробыты.... ни зъ кимъ не буде мыни такого щастътя, якъ зъ вамы.... та пидождитъ ще...» — Дали зглянула на Бога, перехрестылась и каже: — Отъ

вамъ хрестъ святый! Колы до Покровы.... не вмру, або що не будь.... тогда, мамо, якъ знаете, такъ и робить!»

Здвыгнувъ Петро плечыма, покывавъ головою, та сказавши: «Глядить, що бъ тогда вже не пизно було!» — Махнувъ рукою, та й пишовъ зъ хаты.

«Що се за ричъ така? — думавши довго Векла и дивячысь на дочку, зпытала іи.

— А хто его зна, мамо що се винъ сказавъ. Может що не будь до себе: або у дорогу пиде; або другу дивку знайде, такъ мы що бъ не жалковалы.... —

«Оксано, Оксано! гляды!...»

Вже Оксана и на шыи у матери, вже й обняла и выциловуе іи. «Чы можно, що бъ твоя Оксана, та довела тебе

хочъ слезынку объ своїй доли зпустыты? Я тебе радоватему, я щастя и тоби прынесу.... Николы не заплаченнъ чрезъ мене, не зыхнешъ объ мыни.... бо й мыни лучше от-тутъ заразъ передъ тобою на симъ столи лягты, чымъ погубыты себе, та не тилки погубыты, и славу пустыты на себе.» — Та се скавшы, стрыбъ-strybъ зъ хаты до копыташа що вже дожыдавъ іи пидъ вербою.

«Що жъ, мій орлыку! що зъ сего нашего женыхання буде? — До мене Петро прыстае, маты швыдко прысылуе; а дивчата чулы видъ салдативъ, що вы швидко пидете видъ нась у походъ....» Такъ казала Оксана сыдючы у копыташа на колинкахъ, обнявши его одною

рукою, а другу винъ державъ. — «Колы ты пидешъ, а мене тутъ покынешъ.... почуешь.... про мене....

— А отъ що буде: — сказавъ копытанъ. — Мы збираемся у походъ, я зъ тобою звинчаюсь и тебе озыму съ собою.

И стали воны любыться, и скилки разъ ни зыходылись, у первше ще копытанъ сказавъ, що озыме іи за себе.

Що жъ Оксана? Рукамы зплеснула, затрусилася уся.... и ледве промовыла: «И сему жъ правда?.... Скажы жъ мыни, якъ передъ Богомъ!»

— Якъ передъ Богомъ кажу тоби, моя Оксаночко, що такъ воно е. Я давно узявъ бы тебе, та бумага на наше винчаньня не прыйшла ще зъ полку.

Я думавъ, якъ вона прыйде, не кажучы
ничого, узяты тебе за руку, та й пове-
сты до церкви....

«Такъ я жъ матери объ симъ ска-
жу....»

— Ни, моя Оксаночко, ще не часъ
ій объ симъ казаты. Я думаю ось якъ.
Ни словечка ій не кажучы, мы звичас-
мося и прыйдемо по матери, и прынесе-
семо ій и шовковихъ платьивъ, и плат-
кивъ, и хустокъ, и золотихъ очипкивъ,
и усего що звычайно для панен, бо й
вона стане панею, якъ буде коньтанска
теща. А що тебе вже выряжу, такъ...—

«Мыни ничего не треба — кинув-
шись ему на шию стала его вычи-
ловуваты, та прыговорюваты: — тилки
бъ мыни у сін чорніи оченьки дывы-

тыся та ихъ циловаты, и сіи щочечки,
и си губочки....

Такъ довго женыхавшись и порадившись зовсімъ, що бъ у недилю имъ винчаться, и тогди вже матери объяви-
ты, розійшлись соби. Оксана бижуть до дому и земли пидъ собою не чуе....
Копытанъ, котрого вона такъ любить, озьме ін, вона буде панею, маты буде у роскоши, у богастви жыты.... Чы є така щасlyва якъ я? — думае Оксана убигши у хату.... и досадно ій, що маты вже лягла спаты, якъ се й ча-
стенько бувало, що не диждетця дочки, та й ляже; а теперъ Оксани досадно, що никого ій пестовать, та низьты;
бо сама себе не тямить зъ радосты.

Недиленъка не далéко, треба-бъ
Оксани збиратысь за-минжъ. та чого ій
збиратыся? Хочъ одежа, хочъ сорочки,
вже ій сего не треба, вже въ неи усе
шансъкѣ буде.... и рушныки жъ, и по-
даркы, въ пыхъ усé не по нашему....
такъ дума наша сердешна Оксана и ни
объ чимъ не дума, колыбъ тилки швыд-
че недиленъка прыйшла.

У суботоинъку у вечери, тилки
зійщлысь пидъ вербою, конытанъ и ка-
же Оксани: — «Знаешь що душко? Зав-
тра у ранци мы ійдемо у походъ....»

— А якъ-же се? — ажъ закрыкнула
Оксана злякавшысь.

«Але! не байсяничого. Моя бумага
у полковника. Я завтра видведу салда-

тивъ до и́его, озъму бумагу, та й явлюсь тутъ и къ вечеру. Гляды, дожыдай ме-не, незаходя дѣ далеко. И матери ни пив словечка не кажы.... Що за гарну спидишию я ій зправывъ! люстрынову; и юпку парчеву.... Що вже на усю губу пани буде!....»

Вже колы Оксана чула, что матери іи буде гараздъ, тутъ вже вона ни объ чимъ быльшъ не думала и хочъ что ій ска-жы, усе зробыть и увесимъ послуха. Туть стала знomyшати, якъ маты здывустця, якъ зрадустця.... Колыбъ у нашій цер-кви винчаться, что бъ и дивчата по-дывылись, якъ я панею наряжуся!....»

Чого то вже тутъ копытанъ не бре-хавъ? Чого не выгадувавъ, что бъ тилки одурыты нашу Оксану! А вона, сердеш-

на, якъ рыбонька на удочку, такъ сама
й кыдастца и чиплястца...!

Хочъ тилки и до завтрёго розходылъсь воны, та Оксани щось дуже на сердци жалко було!... Усе бъ вона пла-
кала и сама не зна чого!.... Та се, ма-
буть, видъ того, что я за-минжъ ійду?
что маю покынуты и свое село, и свою
хату, и скрыни?.... Не хай хто хоче
забира: я вже панею буду, пиду у по-
ходъ.... Яково-то ще мыни па панстви
буде?.... Та й зплакнула.

Ранкомъ у недилю проводылы сал-
дативъ зъ села якъ довгъ вельить. Ко-
пытанъ верхы, кланявся и прощався зъ
старыкамы и туды поклонывся, де жин-
ки и дивчата стоялы и Оксана зъ ны-
мы; поклонывся, та й покрився конемъ,

ажъ скилки выдно! Тутъ чогось пидійшовъ Петро до тіи купы, де Оксана стояла, та разговорюочы зъ подругамы, реготалась.... Петро подывывсь на неи, здвыгнувъ плечыма, та й пишовъ соби.

«От-такъ-ты, мамо, зробы, якъ наша Явдоха Горшковозивна! сказала веселенько Оксана, вернувшись до матери.

— А що тамъ таке вона зробыла? —
пытала маты крышачы локшину.

«Помандровала за салдатамы.»

— Іо? —

«Далеби. Та ще середу-дня. Уси бачылы, а вона у вобози ховаецца. Демко ій сміявся, такъ ще й языкъ ему высоловыла.»

— Шо жъ маты?

«Голосыть не що.»

— И не вмерла видъ тугы, та видъ сорому людського? —

«Ажъ жалко на неи дывытись, якъ то плаче. Зосталася па старосты якъ перстъ! У! якъ бы я піймала от-ту бузувирку, я бъ ій голову видтяла, що бъ не кыдала матери, та не робыла стыда па усе село.»

Такъ имъ сее чудно було, що увес-денычки усе говорылы объ Явдоши и объ іи бидній матери. Оксана никуды зъ хаты не выходить, хочъ маты и посыла іи до подругъ. — «Не хочу, мамо. Мыни и зъ тобою весело.» Тилки сонечко повернуло вже вона й выглядя копытана, а его нема. Вже й надъ вечиръ, нема. Сонечко зайшло, копытана нема,

Оксана у слезы.... «Що жъ? — каже—
хочъ и обманувъ, та не посміявся....
Колы не вмру зъ журбы, то зможу за-
буты его. На соби усе лыхо перетерплю,
а вже никому, никому не скажу.»

Такъ сидыть на завалини и сви-
томъ пудыть, а вже й смеркло. Якъ
ось копытанъ, хапъ іи за руку.... Пой-
демъ, Оксано, винчаться.»

У Оксаны такъ сердце й захолону-
ло.... «Пиду жъ я.... до матери.»
каже.

«Не можно, Оксано. Описля прый-
демо.

— А благословытысь? —

«Вона описля нась поблагословыть.
Ходимъ, душко, швыдче, пипъ дожыда.»

Не пишла Оксана, а винъ іи по-
вивъ....

«Куды жъ вы ійдете? Ад-же онде
цёрква, а се вже зъ села...».

— Не можно, душко; я полковый,
такъ треба що бъ нась винчавъ полко-
вый пипъ....

«Такъ дё се?....»

— Генъ у тимъ сели, де полкъ по-
чуе, п'ятнадцать верстовъ видсиля. —

«Такъ що жъ от-се?.... вже ис-
іиде, а копытанъ таштыть іи; и въ иси
и руки й ногы одубилы!

— От-то що треба швыдче поспи-
шаты. И пипъ дожыда, и госьци на ве-
силля зыбралися.... Скориши ійды,
ось-де й брычка моя. Поидемо. —

«А маты?.... Охъ, вернуся я, та скажу....»

— Та куды ты будешъ вертатысь?
Вона вже далеко, а ось де й брычка.
Швыденько сидай, мы заразъ до неи
вернемося....

«А не обманюешь ты мене?»

Туть копытанъ и почавъ божытысь
й запрысагатыся, що усему правда,
и що тилки полковый пинъ ихъ звичча,
такъ и вернутца до матери и озъмуть
іи зъ собою.... Та сее кажучы,
зовсимъ нечувственну Оксану упхнувъ у
брычку, сивъ самъ, крикинувъ: «Пашоль!»
и помчалысь кони якъ стрила!....

Оксана на взрыдъ плаче, а копытанъ іи уговорюе и усе ій прыставля,

якъ от-отъ прыидуть, звинчаотца и вернутца до матери....

Не забаремъ и добиглы. Копытанъ увивъ Оксану у свою кватырю, ни жыву, ни мертву.... такъ и впала на постиль, та слизмы обливаетца!....

Копытанъ заразъ и крыкнувъ: — «Горбуновъ! Бижи, скажы батюющи, щобъ ійшовъ винчать скорише.»

— Слушаю, ваше благородые! — крыкнувъ салдатъ, и побигъ.

«Дайте намъ чаю. — Гукнувъ Копытанъ — «Напыйсь, душко, чаю; ты зовсімъ зомлила, впадешъ пидъ винцемъ.»

— Я его зъ роду не пыла и не хочу. Видвезить мене до матери. —

«Треба выпыты хочъ трошки, прывыкай. Теперь будешъ панею, треба усякый день пыты. На, хочъ ложечку, колы любыши мене.

Ничого Оксани робыть, узяла ложечку, солодке, горло промочыла, що дуже запеклось у неи.... «На, ще ложечку!» — ще ложечку прыняла. — «Хлысны зъ чашкы хочъ трошки.» хлыснула, и у друге, и у третье, и у пяте.... и выпыла усю чашку.

Трошки полежавши, пиднялась, вже й веселенька; не видмагаетця видъ другои.... очыщи посоловилы.... защебетала наша Оксана! Знай росказуе, якъ вона нарядытця пидъ винець, якъ прыиде до матери, якъ та здывуетця, зраляетця.... а тутъ сама третю чашку

сама узяла и выпывши, вже съдить у
копытана на колинкахъ и сама соби
весильныхъ писенёкъ прыспивуе, дами
щось забормотала и голову похыныла...

Напылась Оксана панського чаю!
Будешъ, сердешна тымыты и по викъ
оскомы не збудешъ!

. .

«Пропала я теперь на свити!....
крыкнула сердешна Оксана якъ, про-
кинулась у ранци, дывлячысь дё вона
и що зъ нею сталося.... Господы мы-
лостивый!.... стоить и на мисьци не
устоить, блидна якъ смерть, трусытця
усимъ тиломъ, якъ зчепыла руки, такъ
воны въ неи и закостенилы; розплетени
косы повыслы по плечамъ, очи й ды-

влятица, та не бачуть, що тутъ лежыть
копытанъ погубытель іи и спыть не
чувстве що винъ наробывъ!...

Прокинувся винъ скоро и бачучы
таку Оксану, що зовсимъ якъ смерть,
кинувшись до неи, що бъ уговорюваты іи;
зхопывъ іи за руки, рукъ не разведе;
посадывъ іи на постиль, вона й сила...
хылытица.... хылытица, и впала зъ по-
стели до долу.... и не жыва зовсимъ.

То водою видльзы, то натыралы
ій выскы, то уксусу давалы нюхаты,
сякъ-такъ зивула Сердешна.... звела
очици до Бога.... и ледве-ледве промо-
выла:—«Зарижте.... мене.... зовсимъ...»
Тутъ копытанъ кинувся до неи, ставъ
іи розважаты, ставъ прохаты, ставъ
умоляты, що бъ не вбывалася такъ,

шо бъ не журылася, шо се ничего, шо отъ же прынъмуть законъ, звинчаютца и усе винъ покрые, якъ довгъ велить...

Оксана хочъ и дыше съдочы на лижку, куды посадылы іи, и не бачыть якъ винъ коло иней вѣвастця и шо винъ ій говорыть; зырнула очицамы.... «Мамочки!.... де ты?....» промовыла.... та якъ зарыда!....

Горбуновъ, денщики, и той ставъ плакаты, дывлячысь на иней.

А копытанъ усе вьетця коло иней, та просытъ шо бъ не журылася, шо се ничего, та щобъ убиралась швыдче, шо вже пора ихаты....

Не слухаочы его ничего; такъ сердешна и повалылась ему у ногы. Охватыла ихъ рукамы, цилуе, облыва слизь-

мы гиркимы, не зъ очей вже, а видъ самаго сердця, и стала его молыты: — «Копытаночку мій! Ваше благородые! Не знаю якъ васъ ще вышче возвелычаты? Будьте мыни братикомъ, ще пушче: батенькомъ риднымъ!... Послухайте мене, бидную, погыбшую зовсимъ.... озьмите ижъ, вырижте мою рукою сердце мое, рижте мою душу, заколить мене!.... Я недостойна жыты на свити Божому; мыни не можно быты зъ людьмы!.... Я вбыла матинку мою риднесеньку! Що вона теперь безъ мене?.... Вона не пережыве такого сорому!.... Я згубыла свою славу.... Я запропастыла душу свою!.... Рижте, колить мене не боячысь гриха!.... Я й сей грихъ озьму на свою душу.... На що мыни

жызнь безъ славы, зъ безчестьямъ!....
Колы жъ, мій копытаныку, прямо у
сердце! Не бійтесь гриха.... вы вже ме-
не гиршъ вбылы, вы погубылы мене
на вики вишні; вы, шутячи, смію-
чысь, виднялы въ мене що було у мене
дорогшого, святишого.... дорижте мене;
се вже вамъ буде за-мисць играшки!....
Я погыбшая на симъ свити!.... Якъ
згадаю про матиночку мою, жыва бъ у
землю пишла... Матинко моя, ридненъ-
тая!.... Що я тоби наробыла!.... Чы
се жъ твоя Оксана?.... Чы се жъ ра-
дисть твоя?....

Тяжко жалибно прыговорювала Ок-
сана, а сама першъ плакала-плакала,
ажъ слизмы пидпльма.... волосъ на

соби рве, у груды бьетца, а дали впять зомлила ѹ покотылась....

Салдатъ убигъ до копытана и крыкнувъ: — «Пожалуйте ваше благородые; все готово, васъ ждутъ.»

Копытанъ обтерши слезы, бо ѹ самъ, хочъ и запекла душа, а зплакнувъ такы трохы, ухватывъ безчувствену Оксану, завернувъ у салдацъку шинелю и вынись іи на рукахъ и уложывъ у брычку.... Поихалы далшъ!

Ни жыва, ни мертвя лежить наша Оксана у брычи; оччувственца, трохы, бачить, везутъ іи, денщики быля иei... Згляне до Бога.... «Господы мылосердный!.... Чы се я? И от-се зо мною зробылося? Матиночко моя! Не проклы-

най же тієи, що була твоєю донелькою...»

Сталы на кватерю на другу ничъ. Оксана злягла зовсімъ. Ни исты, ни питы ничего не хоче, и не згадуй ій.

«Чы не хочь душко, чаю?» Зпытаў копытанъ, хлебучы его зъ люлькою.

— Будь проклять винъ видъ мене! Ажъ крыкнула, затрусывшись Оксана:— то не напытокъ, то пекелний вогонь... и якъ замовкла — замовкла, и вже що копытанъ ни говорывъ до неи, якъ то вже не розважавъ ін, такъ ни якого одвиту не дала, а усе здыха́ла тяжко, а часомъ и перехристытиця... Ма-буль що не-будь замышляла.

Якъ ось у ночи, прычуваетця Оксана, уси добре сплять.... вона тыхесенько устала, чы обулася, чы ни, чы вдягла що, чы не вдягла, та тыхою ступою ійде.... ійде.... ажъ духъ прытила.... ійде.... та до дверей... рышъ! и вышила. Тутъ ій вже легше стало дыхаты и вже смилишъ пишла до дверей надвирныхъ.... Налапала поночи засувъ и що то вже довго его двыгала, потыхесеньку, та по малесеньку, що бъ не стукинуты, та не разбудыты денцы-кивъ, що у хаты сплять. И двыга засувъ и бойтця, и уся трусытця, и дума соби, якъ-то якъ выскочить на дверь, якъ поблизуть куды очи, зховаетця де не-будь покы свить стане, а тамъ пиде прямисинъко до матери... Видсунула....

и двери тихенько видчыняютца, спасы-
би й не рыплять.... отъ и зовсімъ
видчыныла.... «Хто ійде?» крикнувъ
часовыій, шо тутъ былі двери стоявъ...
Оксана такъ и змертвила! — Престра-
шениій салдатъ, зъ предовгымъ оруж-
жомъ, якъ зхопыть Оксану за руку, якъ
потаска іи у хату, та видчынывы двери,
такъ и впхнувъ іи, крикнувы: —
«Вы спытё, а дѣвка ваша уйшла було...»
Тутъ дешыцы прокынулысь, пиднялы
Оксану, шо впала було, якъ іи салдатъ
іхнувъ. А тутъ и копытанъ прокынуўся
и ставъ выговорюваты Оксани, за чимъ
вона дума втикасты? Сего вже не можно
й подуматы.

У ранци не поіхалы ни-куды, тре-
ба було салдатамъ перестояты. Отъ и

прыйшовъ ахвыцеръ до копытана ; розглядавъ Оксану и ставъ ему завыдоваты, що таку красиву дивку добувъ соби. Дали, буцимъ то й добрый, и каже, що ходывъ, каже, винъ до попа, що бъ Оксану зъ копытаномъ винчать , такъ зовсімъ бы дило , заразъ бы повинчали , такъ нема видъ іи матери бамагы , а безъ того не можно винчати. Послали, каже, яко мога швидче, що бъ поспила бумага , коли не сегодня , такъ завтра чутъ свитъ.

Оксана сидить похильвши голову и ничего имъ не каже.

Дали той ахвыцеръ и ставъ казаты, що копытанови не можно у походи дивки зъ собою возыты , такъ треба іи нарядыты мовъ денщикъ. Треба , каже,

ій сіи косы выдризати и голову обстрыгти.

Копытанъ тукнувъ на денщика, що бъ обстрыгъ Оксану. Тилки що той приступывъ, та намирився, вона якъ выхопыть ножныци, якъ зскочила и каже: — «Не дамъ никому орудовать надъ мою косою! Не вмила я зберегты свои славы, не достойна носяты и дивочои красы!» — Та зъ симъ словомъ — чиркъ! — Якъ не було, славнои, русои, довгои, густои та пышнои косы! Оксана зхопыла іи у руку, прыгорнула до сердця, поциловала.... та гирко-гирко заплакала.... дали и по голови себе ножныцями чиркъ, чиркъ... и пострыгла мисьцями усю голову.... зыбрала волосья и тежъ оплакала ихъ и

каже: — Такъ тоби, Оксано й треба. Згубыла свою славу, ходы жъ обстриженя!.... Я й забула, що мене треба було ще вчора обстригты! — Чесна дивка красуется косою, а така якъ я, завсегда обстрижена бува.... Забрала свою косу и волосьсячко усе, завернула у хусточку и прыгорнула до сердця.

Ахвыщеры думалы, що имъ вельика морока буде одягаючи ін по хлопъячій, и стали заговорюваты.... вона имъ и каже: — «Робить що хочете зъ стриженою Оксаною.... вона усе погубыла: и славу свою и косу, и розумъ; ій вже не можно ничего дивочого носыты!....»

Якъ ін одягалы, якъ постригали по хлопъячій, вона не пручалася, ничего не казала, тилки що плакала....

Сердце болыть розсказуючи, якъ-то
страждала наша сердешна Оксана и що
терпила видъ копытана, злого чолови-
ка!.... Усего й пересказати не можно,
Якъ винъ іи по походамъ возвивъ зъ со-
бою, якъ іи стереглы и ничъ и день,
що бъ не втекла. А зберутця до него
ахвыщеры, то вона що бъ стояла передъ
нимы, люльки имъ подавала и хочъ
уси зналы, що вона дивка, та переря-
жена по хлюпъячи, та взвывали іи:
«Іванькою» и жартовалы зъ нею и вы-
гадовалы де що. Вона жъ якъ стина
мовчыть передъ нымы и ни пары зъ
устъ не пустыть, тилки здыхне и по-
дума: — «Слухай, Оксано, якъ заробыла»

Ще такы безсовистный копытанъ
не перестававъ іи обдурювати. Ще та-

кы, якъ часомъ Оксана дуже розплачется, та стане его поприкаты, та стане ему прыставляты, який-то винъ грихъ надъ нею зробивъ, то буцимъ-то ѹ жалкую и почне впять божытись и клястись, що винъ зъ нею звищается, тилки отъ не прыйшла бумага видъ матери; и почне ій усяки теревени праывты розважаочы іи; то, сердешна, хочъ и не зовсимъ, а часомъ було трошки стане вириты, може, дума соби, и зправды колы-небудь винъ зхаменется и покрые свій грихъ? Пидожду до случного часу!

Вже ѿ хлопчыкъ въ неи явився!... Тутъ-то копытанъ, пры тій жинци, куды ще за здалегида завизъ іи для такого слушаю, тутъ-то вже божывся, и

образъ съ стинъ знімавъ и запрысягнувъ, що тилки Оксана не зробить надъ собою ничего и благополучно ришиштця, такъ заразъ и звинчаетця зъ нею, що бъ и грихъ покрыты и рабъснка у законъ увѣсты. Ще не дуже писля родынъ выходылась, а винъ вже и прывизъ іи впять до себе, боячысь, що бъ вона не втекла, бо усе у неи на думци се було и часомъ, якъ допече іи журба, то вона й проговорытця.

Писля родынъ не винчаетця копытанъ. Стане Оксана плакаты, стане копытана выпытоваты, що винъ дума зъ нею? Супостать засмієтця, та й тилки. Треба Оксани на хытроши пидниматыся.

Стала вееленька, перестала тужыть

стала говорлыва хочъ зъ копытапомъ,
хочъ зъ ахвыщерамы якъ зійдутця. Про-
матирь не згадуе и про винчаннія не
зпомына.... Агу! ій стало бише воли.
Стала прымичаты, вже за пею не такъ
доглядаютъ, а дали вже й не караву-
лять. Дали-дали, вже ій можно, по пе-
реду зъ салдатомъ, а дали й самій, свою
дытыну, своего Мытрыка одвидаты, що
годувавсь у другимъ сели, не далечко.
Вже ій можно, колы захотила, и по ба-
зарю самій походыты, хочъ до пив-дня.
Ходыть вона по базарю и колы лучат-
ця яки люде що знаютъ, отъ вона и
ропытує, на яки и на яки миста, до-
рога у такій Губернії до такого села?
Хто зна, то й розскажують ій. Вже вона
сама не разъ чула, якъ зійдутця ахвы-

щеры до копытана, та стануть той проклятенный чай пить, зъ якоюсь пидлывкою, видъ чого и вона на викъ пропала, и копытанъ имъ розсказуе, що винъ и не думавъ николы винчаться зъ нею, а тилки обдурювавъ; а теперъ що бъ усе покрыты, думаю, каже, звинчати іи зъ своимъ денщикомъ, або вамъ кому, паниве, програты у карты, бо вже вона мыни надокучá.

Чула се Оксана и не одынъ разъ и свою думку усе гадала.

Разъ, у вечери, зійшлися ахвыщеры, и богатенько ихъ, до копытана. У карты грають, люльки смокнуть, пуншъ пьють и по чарци не забивають; гомонять соби одынъ-одного не слухаочы; а денщицы, одынъ кушанья готовыть,

а другой побиғъ у трахтыръ за напыткамы, Оксана знаочы, що за нею не буде ни якого дила и що вона було соби, пры такимъ банкети, що до-свitu будуть гуляты, завсегда ляговылася спаты, вона, узявиши, шынелю свою звернула и положыла на свою постиль, мовъ чоловикъ лежыть и якъ уложыла, та зъ хаты, та зъ двора и вулыцями усе бигла, ажъ покы выбигла зъ того города, та у село, де годовався іи Мытрыкъ.

Убигши у хату, такъ и брызнулась жинци у ногы, що доглядала іи Мытрыка и розсказала, що вона задумала. Сяя молодыця знала усе що зъ Оксаною поводылось и не разъ вона плакала зъ нею объ такій іи годыни, подумяла, що вже, дума соби, мыни заплачено

упередъ гараздъ, а якъ Оксана зробить такъ якъ дума, такъ на мене й пени не буде. Узявши, нарядыла Оксану у свое жиноче, и голову ій покрыла; дала ій и кожушокъ старенький дытыны рады, закутала Мытрыка, що вже трохы не году бувъ, и положыла ій на руки. А тамъ зыбравши усю хлопьячу одежду, що Оксана зкинула, та старенькихъ пельюшокъ дитскихъ и пишила зъ нею.... та до ставка.... Ничь; никто ихъ не бачывъ; положылы на берези усю тую хлопьячу одежду дитськи пельюшки, буцимъ-то Оксана зъ дытыною втопылась, дала Оксани гривню на дорогу и выпроводыла іи ажъ геть по вулыци.

Зосталася Оксана сама соби у саму, темну, глупу ничь, якъ палец! И ійты

бъ, и боитца; и куды ійты и не зна
добре: зна тилки города розпытуваты,
на яки ій ійтвы. Подумала-подумала соби
Оксана, дали ѹ каже: — «Умила ты,
Оксано, матирь покынуты, умій же ѹ
знайты іи! Не боялась мандруваты, не
бійся жъ и вертатись! Мала у роско-
ши жыты, терпы жъ теперь и голодъ,
и холодъ, и услаку биду!.... Що жъ ро-
быты! Що ступлю, то далше видъ гри-
ха, а блыжче до матери.... Господы
благословы!» Перехрестылась и пишла.

Хочъ и темна ничъ, а прыглядаяю-
чысь, дорогу выдко. И видъ страху, що
бъ іи тамъ не зопынывъ хто и видъ
радощивъ, що вырвалася зъ пекла, Окса-
на якъ зъ холоду, такъ дрыжалася, а тутъ
и пустылась ійтвы швыдче, що бъ зо-

гритысь. Чы видыйшла скилки, чы ще
й не дуже, а вже й зогрилась. А туть
ще й кожушокъ, и въ узли пемюшки
для дытыни, и паляныця и пив-хлиба
дала хозяйка, спасыби іи! — Такъ вже
Оксана такъ зогрилась що не можно!
Вже ійде, ійде, та й спочыне, и дума
соби: — От-се ійду я до матиночки
моей ридиенъко! — Чы жыва-то вона
ще? Может зъ журбы, та зъ тугы и по-
мерла, що бъ не бачыты сорому, який
я панесла на іи старенъку голову? —
Колы не застану іи жывои, то вже звис-
но, що вона и вмираючи прокляла!....
У! страшно!.... Я проклята видъ мате-
тери!.... Не устану зъ іи гроба, тамъ
лежатему ни ившы, ни пышши, покы
сама не вмру!.... Проклятій видъ мате-

ри, не треба жыты межь людьмы....
земля не здржыть!.... Колы жъ ще
живенъка?.... О Господы! Якъ я яв-
люсь до неи?.... Се та Оксана, що
була ій радисть, и втиха, и що сю ма-
ты потишалась и величалась!.... Се
Оксана, що сміялася зъ Горшковозивны,
що помандрувала зъ салдатамы: чула,
якъ маты дывовалася, що Явдошина
маты не вмерла видь тугы, що дочка
їи покинула, а сама черезъ годину ту-
ды жъ помандрувала!.... Явдоха жъ
може у вечери и вернулася, а Оксана
горда, та пышная, що и за мужыка
не думала ійты, и що величалася надъ
усима, сял повисылась на шию ко-
питанови, захотила разомъ напею буты; та-
скалась зъ пымъ по усёму свиту, и ды-

тыну добула!.... От-тоби, мамо, Мытрыкъ. Няньчысь зъ нымъ, тишъ ёго; се твоей Оксаны заробитокъ, що за ахвыщерамы бигала. Прыдбала тоби и честы и радосты и поваженныя. Бери ёго, мамо, на-руки! выходь на вулыцу, похваляйся добримъ людямъ, отъ моя Оксана якъ наробыла! Ни сама послидня дивка у нашему сели такъ бы не зробыла, якъ моя дочка, що поважалася за саму першу!.... Розступыся сыра земля, прыймы мене, що бъ я не бачыла материныхъ слизочекъ, тяжкого стыда іи, що я ій наробыла!»

Такъ прыговорювала и дуже гирко плачуучи лежала на земли Оксана край своего Мытрыка, що спавъ закутаний у плюшкы, та у кожухъ. Плакала, пла-

кала дывлячись на сына, и каже соби:—
«На-що винъ родився на свитъ? На
стыдъ, на лыхо, на горе. Просвітку
ёму не буде видъ посмишыща; зъ бай-
стрюка не выходытеме. Моя маты
ёго бачыты не захоче, проклесе уку-
пи зо мною; я буду ховатця зъ нымъ
видъ людей!.... Прыбери ёго Господы!
покы ще я не дійшла до матери! Колы
бъ звиръ, або що.... А я що? хыба я
чоловикъ? — ажъ закричала Оксана
зекочывши зъ земли и стала выпрямыв-
шись и озыраочись быстро по усёму
полю. У вочахъ у неи искры загралы,
волосъ дыбомъ стало, руки якъ про-
тягла, та й не зведе ихъ. — «Я люти-
ша усякого звиря!.... Я вбыла свою
матирь ридну.... Я выпыла кровъ іи

но капельци!.... Такъ пожалкую своего
дытяты? — Воно не дытя мыни, воно
урагъ мій!.... Якъ я зъ нымъ показу-
ся до матери, у свое село? Воно мыни
стыдъ, страмъ, посмишище!.... Не тре-
ба сго.... Пропадай воно нечестивого
роду, урага мого, губытеля мого!....
О — о — о! якъ бы мыни попалась
камынюка! Тутъ бы ёму и аминь! По
головци гарненъко-бъ.... и не пыс-
нуло бъ. — Ни; не такъ. Отъ тутъ у
чапави, выкопаю ёму гарненъку ямку,
положу ёго любенъко.... та разомъ зем-
лею и засыплю и гробыкъ выведу; воно
и не зчуєтца, мовъ засне.... Нехай ко-
пытанъ съкае своего сына!.... Та сес
кажучы и прынялась обома рукамы у
чапави, на рушенні земли копаты ямку,

а сама ажъ речочетца, що якъ-то гарно выдумала: и прыйде у село и бесчестъя не прынесе зъ собою и никто объ іи стыди и не знахемс. Звисно, що тогди сердешна Оксана видъ великои журбы не объ своимъ уми була.

Отъ выконала ямку и якъ вже добре розсвило, вычекурыла іи гарненъко — зовсімъ готово. Уставши на поғы, глянула на ямку, здригиула крипко усімъ тиломъ.... дали зкрепилася на сердци.... и худко пішла за дытыною, прыговорюочы: «ступай Мытрыку, годи тоби спати на голій земли копитанський сыну! От-тоби вична кватеря готова!...» Підбигцемъ підійшла до дытыни, протягнула руки щобъ узяты ёго.... а воно, сердешныньке! виспавшись про-

кинулось и соби протянуло рученяточки, та смієтця такъ веселенько, звисно якъ годовычокъ, та й крыкнуло: «мамо!.... мамо!....» та такъ жалибно, словнисинко иныначе просытця, що бъ мама ёго не губыла. Здрыгнула Оксана дуже.... дали перемоглась, якъ кынетця, якъ ухопыть дытыни.... а дытына рученятамы и обняло іи и цилус и белькоче: — «мамо!... Бозя!....» Оксана такъ и зомлила, и не зчулася якъ и впала на землю!....

Утрення роса, та витерець дмухнувъ на иei, отъ вона отямилася.... дывытця и не зна дё вона. А дытynятко лазить по іii, та усе що вміє, та й белькоче: — «мамо!... Бозя!....» Тутъ Оксана згадала, що вона мала зро-

быты. Згадала и морозъ по ній такъ и пройшовъ!.... уздрила ямку, що було для своеи дытыни выкопала, разомъ зскочила, ухопыла дытыну на руки и якъ стрила побигла видъ того мисьця, и видбигши, кинулась на вколишкы, положыла дытыну и стала Богу молытись щыро, и поклоны быты, и обищоватись, що ни за-що вже не зробить ни якого худа дытыни, донесе ёго до дому и колы й маты ёго не благословить и видкыне видъ себе, и хочъ усе село гнушатеметця ёго, и байстрюкомъ дражнытемуть, хочъ щобъ то ни було ій за дытыну, вона ёго не покыне, выгодуетъ его и до розуму доведеть; а дали й каже: — «Колы я не вмила буты дочкою, такъ буду вже матирью!» — и

стала впять молытыся и Бога прохаты щобъ простыивъ ій сей тяжкий, смертельный грихъ, що вона хотила зробыты надъ дытыною. Тилки що помолячысь стала уставаты, тутъ якъ разъ сонечко зийшло, та такъ ясно и такъ пречисто.... Оксани стало на души трошки веселише, утерла слезы, поспідала трошки, дала й дытыни папки, завернула ёго, прыгорнула ёго до сердця, де у неи лежала у платочку дивоча ін кося — и пишила зъ своею думкою, часто здыхаочы и усе зъ дытыною розмовляла: «Бозя! — мамо!» а Мытрыкъ щебеставъ за нею, сміявсь ловлячы ін слёзы, що такъ на нёго каналы, та й заспувъ соби.

Довго того розсказуваты, якъ наша

сердешна Оксана зъ своимъ Мытрыкомъ пробиралась черезъ уси миста до своего села. Часомъ добрый чоловикъ лучався и пидвозывъ іи, а бильшъ того що ійшла. Рукъ не чула иссучы дытышу, ноги дуже болилы видъ ходьбы, де выпросить чого зъисты, а де йничого не дадуть, то й голодовала часто зоставляючи дытыни и послидно крыхту. Отъ-вже доходыть, вже усе блыжче, усе блыжче до своего села.... а сердце тильки тёхъ-тёхъ! а на сердци, такъ Богъ зна яки думки! — Якъ вона явытца матери?.... що мати скаже ій? — Ще то чы жыва маты?.... Горечко ій тяжке!

Скилки вона тамъ ійшла и якъ вже ійшла, а такы дійшла. Ось верстовъ

зъ десятокъ зосталося до своего села. Дума соби: хочь и не рано вже, а якъ поспишу у останынье, то хочь смеркомъ, а такы добреду до дому.... Якъ же въ неи одна думка, що якъ-то вона побачытца зъ матерью.... або знайде вже ѹи на кладбыщи, такъ ійде й ногы нейдуть, и спотыкастца, и становытца, впять пиде, дрыжыть усимъ тиломъ, у горли засыха, де найде водыщю, промочыть смажни уста, впять пиде.... духъ ій захвачуе, не здужа, сяде, чы виддохне хочь трохы, чы ин, впять скочыть, впять пиде и впять не на довго.... та такъ и опизнылась. Полуношна зирка зійшла, а вона ще далеко видъ села. Дыбала-дыбала, знемоглась зовсимъ, стало сприты, забачыла що

маячить ихъ церква, вона такъ и впала на колишки.... «Церква свята! Я увиходыла у неи чиста й непорочна. Чы достойна жъ буду статы у ній зъ своимы грихамы!» — И що то вже плакала стоячы тамъ та молячысь!.... Глянула що землю змочыла слизмы, отъ и каже: «отъ який ралецъ прynesла я на родыму землю!.... Не довго буду я тебе экверниты ступаочы по тоби!... Не зступляйся передо мною, прыймы гришие тило въ себе посмерты, хочъ за те, що буду тебе рано й вечиръ слизмы полываты!....»

Посылкувалась щобъ устаты, не змогла, тутъ на дорози и прышала стогнучы й плаучы.

Обвыднило. Иде чоловикъ дорогою

у село. Бачыть, щось лежыть на доро-
зи.... пидыйшовъ блыжче, жника зъ-
дытыною, ма-буть недужа; лежыть, пла-
че, стогне и руки ламá. — «Чого ты
тутъ, молодыце, на шляху лягл?» Пы-
тастця чоловикъ.

Зыриула Оксана на голось, прыди-
вилась пылью.... Охъ, Господы! крик-
нула, обернулась и къ земли, заплакала
навзрыдъ и каже: «покрый мене сыра
земле, нехай я небачу!...»

— Та що ты таке? Чы недужа,
чы-що?

Оксана не каженичого, тилки гир-
ко плаче.

«Та ну бо; колы недужа, то я тебе
пидвезу.» Сказавъ чоловикъ и ставъ іи

поворочуваты, що бъ знаты, що се
таке е.

— Убый мене, Петре! — Крыкнула Оксана. — Убый на симъ мисьци: я за тебе буду Бога молыты! —

«Та хто се такый? Щось я тебе не пизнáю.

— Убый Оксану! роздавы іи пьятою. . . . —

«Оксано! се ты?» — Крыкнувъ Петро, и виступывся видъ иен, зчепывъ руки, и, дывуючысь, дывытиця на иен....

И якъ ёму було пизнаты Оксану? Вишь знаў іи дивкою здоровою, повновыдою, румъяною, веселою, жартовлывою, сёгдня розрядытця, а завтра ище лучче. А теперъ, бачыть, лежыть передъ нымъ щось худе та прехуде, сухе, блиде,

замлие, ажъ почорнила на выду! Не одежа на ній, а старцеве лохмотья на ній, и голова покрыта чорнимъ, пречорнимъ дирявимъ очіпochкомъ; лежить, не здужае устаты, и гирко плаче.

Добра Петрова душа! Кынувся до неи, поднявъ ін, посадывъ и самъ сивъ быля неи, розважавъ ін, самъ поплакавъ зъ нею, и якъ вона даже выпытувала про матирь, чы жыва вона и якъ живе, то винъ и розсказавъ:

«Маты твоя, Оксано, жыва, та що зъ тбого? Лучче бъ ій Богъ смерть пославъ? Ось що я тоби розскажу. У той вечиръ, якъ ты.... тес-то.... якъ вже тебе не було, вона и не хопылася, лягла спаты, думаочы, що ты не рано прыйдешъ. Якъ же вздрила у ранци,

що тебе нема и що ты не почувала до-
ма, отъ тутъ вона вже не знала що й
робыты! Побигла до сусиды на пораду,
на провидкы.... черезъ годину усе село
загуло, що Оксаны нема! Бидна твоя
маты, и сказати не можно, якъ журыв-
лася, та усе никто недогадуетця, де ты
дивалася. Никто не зиавъ, що бъ ты зъ
кимъ изъ служавыхъ любылася, а объ
копытанови й байдуже, никто й не думавъ.
Колы жъ вона не за москалямы
побигла — казалы люде — такъ або
вточилася, або що. Шукалы и у ставку.
Ажъ ось и вернувшись нашъ Киндрать
такы; ёго пидводу бралы пидъ салдативъ,
а винъ почувавъ у тимъ двори у дядь-
ка, де й копытанъ на кватери стоявъ.
Чуе Киндрать, що люды розскажують,

що копытани прывізъ зъ нашого села якусь дивку. Винъ щобъ подывытись, хто тамъ така, чы не зъ дочокъ ёго хто; зыркъ у викио.... ажъ Оксана сыдить у копытана на колиникахъ, и обними ёго, и цилус, и веселенька, и веселни писенъки соби жъ прыспивуе.... Правда жъ сёму, Оксано? було се?»

Оксана похыльла голову и втерла слизочки.... Петро ій каже:

«Ну, дарма, се винъ такъ розказувавъ. Винъ здывовався, та якъ не ёго дило, то й видыйшовъ. На другой, каже, день, копытани поставывъ водкы щось багато и для своихъ людей и хазяинамъ. И Киндрать, каже, пывъ.... Не плачь, Оксано, и не соромся; я розказую, якъ винъ казавъ. От-то Киндрать вернув-

шысь до Веклы, та прямо ій и каже:
спе шукайте Оксаны свои, вона от-такъ
и такъ; тамъ и тамъ.... Тутъ вже не
зналы що зъ твою матирю и робыты?
Вона не заплакала, а тилки уся поде-
ревянила.... Сталы іи розважаты, вона
мовчыть, та все у куточъ пынио ды-
вытиця. Я тамъ бувъ и не видходывъ
видъ иси.

Оксана хотила щось сказаты дякую-
чи ёму, та за слизьмы не змогла.

«Отъ мовчала-мовчала и усё дывыт-
ця такъ страшио на усихъ, дали и за-
говорыла таке ѹо ѹо сказаты не можно!
То кричала, ѹо бъ ловылы салдативъ,
що вкрады въ иси душу, ѹо вже въ
иси нема души, ѹо вже вона не чоло-
викъ, ѹо вона колода, ии на-що не по-

требна. То помовчить, та ѹ стане людей прохаты до себе на весильля, що вона ійде за копытана и почне повязувати соби на голову що небудь, замисць скипіячокъ, та ѹ заведе весильныхъ писенёкъ.... а якъ — каже — прыведу соби доцю Оксаночку, гарну та перегарну.... та разомъ зъ сердцемъ и крыкнє: — «то я іи за нижки, та объ лавку. Убью гадюку, убью змію!.... Вона зъ мене кровь выссала, вона...» та тутъ вже таке понесé, що не хочу тоби ѹ розказуваты, бо ѹ такъ дуже плачешъ!....

«Годи-жъ, годи, перестань — казавъ Петро: — слухай, що дали тоби буду розказуваты. Страждала твоя маты такъ довго. Мы думалы що вона тронулась

зъ ума; одначе сякъ-такъ то молодыци, то знахури видволодалы іи, прыйшла вона до памъяты.... такъ що-жъ? Тутъ-то, яке іи лыхо постыгло, тутъ и напалы на неи наши пьявкы! Заразъ начальство зъ громадою прысудылы, якъ Векла ё бездушная и сына и прыпымыта нема й не буде, то землю іи узялы у обществену и подилылы начальники межъ собою. Тутъ пысарь по книгамъ зпайшовъ, шо бъ то твій дидусь, та ёго дідови, та выненъ бувъ п'ятдесятъ рубливъ, и объ тимъ и бумагу чытавъ передъ громадою.... а що громада зна? — Отъ и прысудылы вашъ дверъ виддаты пысареви.... отъ твоя маты и пишла у сусиды....»

— Моя маты у сусидахъ? — крик-

иула Оксана руки ламаочы. — Се я ій такъ наробыла! — Та ажъ прыпала до земли плачуучы....

«Та якъ выйшла? Обибрана зовсімъ! То на лікы пишло, то бралы добри люды, за якусь, колись-то нозычку, а то й пидкрадалы, такъ що Векла, зъ богатон на усе село, у чимъ стояла, у тимъ и перейшла до Мыколы Штыри. Я ходывъ у дорогу, се безъ мёне воны такъ упралясь! — Вернувсь, дышлюсь, зовсімъ запастылы и звелы інни на-шо!.... Хотивъ уступытись за неи.... «Не рушь! — сказала мыни Векла: — Богъ зъ нымы! Се мыниничогисинъко! Колы Оксана такъ зробыла, а вже люды!.... И на-шо воно мыни безъ неи? Помру и безъ худобы. Вона

поіздыть зъ коньтапомъ, заробыть ба-
гато грошей, у роскоши пожыве а я на
смитти помру! . . .»

Що вже плакала, та былась сер-
дешна Оксана, такъ и миры нема! Якъ
бы що, сама бъ на себе руки пидняла,
слухаочы, до якои биды довела вона
матирь! — Петро сякъ-такъ розважавъ
їй и ставъ совитоватысь, якъ ій до ма-
тери явытысь; Оксана ничего того не
слушала, пиду, каже, просто до пси, якъ
и помандрувала просто. Умру биля нигъ
їй! Нехай, що хоче, те й робыть зо
мною!»

Петро довго сидивъ та усе думавъ,
дали й каже: — «Якъ тоби, Оксано, и
у наше село явытысь? Тебе засміютъ,
закыркаютъ, про-свитку тоби пе буде.

Послухай мене. Сидай на мій визъ , я тебе провезу до моего двора , такъ , что никто и не побачить . Тамъ знайду мастерину плахту и свитыну и очипокъ , та и прийдемо по за вулыцямъ до папотця , нехай насть звича , та тогда вже явымось и до матери . Вона побачивши что ты вже у законъ уведена , не такъ буде на тебе жалковаты ; а и у сели , ни кто не посміє зъ тебе сміятьсь , бо ты вже будешъ мужня жона

Ще Петро гараздъ и не договорывъ , а вже Оксана и быля нигъ ёго ! Хвата ихъ , цилус , слизмы обмыва , ажъ задыхаетца и не зможе слова сказать : — «Петре! Петре! ты не чоловикъ , ты Янголь Божий! Братикъ ридний сёго бъ не прыдумавъ , что бъ такъ

мене утишыты!.... Що се ты здумавъ?....
Чы достойна жъ я, того, щобъ ты й
думавъ такъ? — Якъ у твій чесный
домъ, що була Богобоязлыва симъя зъ
батька, зъ дида, та увесты мене, пота-
скуху, що соромъ на неи дывытись,
що земля не держыть?...

— Ты знаешьъ, Оксано, що я тебе
любывъ щыро и теперь ще тебе люб-
лю. Я знаю твою душу, ты зпиткиулась
тришки. Хочъ що хочъ про копытана
рассказуй, а й ты вышина.... ну, та дар-
ма, усе забиваю и ни объ чимъ згаду-
вати не буду, мовъ дивкою тебе беру...

«Ни, Семеновычу, не остыжу нико-
лы твоей славы, не запакошу твоей
симъи й роду!.... Я пропаща на ви-

кы!.... Хыба не бачыши, он-де и за-
робитокъ мій....

— Винъ буде моимъ сыномъ ри-
днымъ. Черезъ тебе я и ёго любытему.
Послухай мене: покрый свою славу, дай
ему батька, а матери сына!....

«Ось-де моя слава — сказала Оксана
и вынула платочекъ зъ своею косою
и показала Петрови: — ось-де вона! Ни
хто не може іш прыставыты до мене!
Нихто іш не узяў у мене, я сама, свои-
мы рукамы видризала, якъ сама себе и
погубыла. Прыставыты іш, и вернуты
мою славу, ии якъ вже не можно. Хлоп-
ця выгодую, якъ здукаю; матери, колы
ще допустыть до себе, буду ій и сы-
номъ, и дочкою, и роботыщю и кре-
пачкою. Буду ничъ и день робыты, що

бъ іи пропытуваты за те добро , що че-
резъ мене ришилась вона . А чужого
вику не хочу заидати , не хочу щобъ
ты за свою добристъ , терпивъ черезъ
мене.....

Що то вже довго уговорюавъ іи
Петро , такъ вона ии за-що не захотила
зробити по его думци , хочъ зовсімъ
бачила , що винъ дуже велике добро для
иси , и для матери робывъ . Не захотила
що бъ винъ іи проводывъ черезъ село
и видъ сміху оборонывъ , ии за що не
захотила . « Якъ заробила , такъ буду й
чуты . Я ще й не сего достойна ! »

Пожалковавши , пойхавъ Петро сво-
єю дорогою , а Оксана подумавши , по-
гадавши , узяла сына , перехрестыясь ,
пішла селомъ.....

Першъ усего зострилась зъ Оксаниою молодыця, прежня іи подруга. Прыдывылась — и крикнула: — Такъ и ё! се Оксана. — Мотре! — дывысь Оксана іайде! — Мотря соби: — «Та Оксана жъ! и зъ заробиткомъ!» — Одна по одній, и пишли по усему селу.... тилки доходыть сердешна Оксана до якого двора, дывытца, вже уси зъ хаты выйшли, и дивуютца на неи, и сміютца зъ неи, и кричать: — «А що? по-«гуляла за салдатамы? — Добула славы? — «Несы салдатченка матери на втиху. — «Чы байстрюкомъ матери хвалытца ій-«дешъ? — Не дывысь на мене паплю-«го!» — От-така ій честь була зо всихъ дворивъ. А колы дивчата выйдутъ дывытыся на неи, то матери загаляютъ и

лають, що бъ и не дывылыся на иси.—
«Вона — кажуть — не достойна того,
за свое мандрування за салдатамы.
Остыдила усе село!» А що пуще дитвора!
Такъ ти чувши усе видъ старшихъ;
такъ ажъ на вулыцю выбиглы, и заполы
їи сипають, и кричать, и вже й,
прыложылы: — «Салдатка ійде, бай-
стрия несе.... кыръ, кыръ, кыръ, кыръ!

Оксано, Оксано! Чы ты се усе чуешъ
у тимъ же сели, де колись тилки
выйдешъ на вулыцю, то уси выбигаютъ
протывъ тебе, що бъ хоть подывытысь
на тебе, та позавидуваты на твою красу;
а колы було заговорышъ зъ кимъ,
такъ и той радисинъкій и уси збираютъ
кругъ тебе, що бъ послухаты твоихъ

ричей, шутокъ та выгадокъ. И що то: и самый престарений дядь и немощный, что вывелы ёго на вдвирия, та посадыны на завалыни, и той якъ було проходыши мимо него, то такъ пылио дывытця на тебе, та ажъ не втерпить и скаже: — «Отъ дивка, такъ-такъ! — А теперь яка тоби честь!.... Що то ще буде видъ матери?....

Середъ такого величанья, ійде сердешна Оксана, и куде ійде, не зна, бо отъ стыда и свита не бачыть! Плакала бъ, такъ вже й слизъ нема, такъ вже сердце запеклось, що й слизынки очи не пустятъ....

Сякъ-такъ добрела черезъ сылу до Микольшон хаты, де, чула, що маты ін жыве. Зкрипила сердце, видчышла си-

ны, посадила хлюпца доли, подумала, перехрестылась, видчыныла хату, глядь! Господы! Хто-то лежыть?.... На полу, на рядине, лежыть старенъка, худа-худа, якъ ишкеистъ, жовта, блида, очи запалы, зъ пидъ старенъкаго очника свитыть биле, сиде, волосья, вкрыта старенъкимъ кожушкомъ и выставыла руку, а рука суха-пресуха якъ скибка, и хочъ сныть, а стогне.... Хто се? дума Оксана. Чы не маты? — Такъ я жъ не таку покышнула іи! Хочъ вже й старенъка була, та була повновыда и ще не сида.... Та хто се?.... Стоить якъ укопана.... трусытыца.... зовсімъ зомліты.... Тутъ слезы ажъ до сердца підступыны.... якъ побіжать ричкою зъ очей.... не здержалася, проговорыла хлыпаочы: —

«Матиночко! — рид-ненька! Чы сежь-
ты?

Стара лушила очыма, быстро по-
дывылася на Оксану, а та ажъ за пиль
ухватылась, не встобить на ногахъ....
стара заплющылась, впять пидняла
очи и дуже пынио прыглядалась, дали
струснулась, стало іи дергаты по лыцио,
глянула до Бога, пидняла руки.... и
тилки крыкнула — охъ! вже Оксана
кынулася до нигъ, достае ихъ, хвата-
шо бъ поциловать, а сама такъ и залы-
ваецца слизьмы.... Векла, се вона й
була, выпручала ногы, пиднялась, и сила
на полу; трусытця, до Бога руки пид-
водыть, сылкуетця щось сказать и не
промовыть.... Оксана лежыть доли,
ажъ пидплыла слизьмы, потимъ стала

на вкóлишки, пíймала руку материшу, и хочъ та виднимала, а вона такы держыть, та выциловуе іи.... и соби не зможе слова промовыты!

Довго сего було, стара черезъ сылу и сказала: — «що се ты наробыма зъ собою? — та сказала такъ тыхенъко, та любъязно; звисно якъ маты!

Хлыпа Оксана стоячы на вколишкахъ и слова не скаже. Духъ ій захвачуе.

«Ты, бачу, й сама знаешьъ, якъ себе звела! — стала казаты Векла и словъ не збере. Далисылкующысь, промовыла: — «ійды соби туды, куды видъ мене пишила. На-що я тоби!»

— Охъ, мамочко!.... — Тилки й чуть видъ Оксаны.

«Мыни безъ тебе легше было!....
Я не можу на тебе дывытысь!.... ійды
соби.... колы здужаю.... клыкину тебе...

Оксана не встает....

«Мамо! ... Бозя!.... Се Мытрыкъ,
що покынула его маты у синяхъ, бачу-
чи що двери у хату видчынени, по-
лизъ-полизъ, перелизъ черезъ поригъ,
долизъ до середъ хаты, сивъ, разглядавъ,
глянувъ на образы, та показуе ручкою
и белькоче: «Мамо.... Бозя!....»

Векла глянула на него пылно, здрог-
нула, и пытае дочки: «Се воно?»

— Воно, мамочко! —

«Подай мыни еро!»

Оксана сама себе не тямлочи, ухо-
пыла дытьшу, положыла на руки мате-
ри, и прыпала до пигъ материныхъ.

Векла, узявиши дытыну, дывылась на неи довго, перехрестыла его: «Во имъя отца, и сына и святого духа. — Слава тоби Господы, що ты не звела его; не взяла нового гриха на душу.»

Мытрыкъ съюочы на рукахъ у Веклы, байдуже що тутъ робытця, усе ручкою показуе на образы, та усе знай: — «Мамо!... Бозя!... бачъ...»

«Такъ, мій Янголе Божый! — сказала Векла, прыгорнувиши дытыну до себе: — «такъ, Бозя! Богъ и Самъ проща гришиныківъ и намъ гришинимъ веліть прощать ворогамъ нашымъ.... устань Оксано ійды до сердця матери-ного, будь мою дытыною впять....

Господы! и сказать не можно, що тутъ вже було межъ нымы. Скилки

воны плакалы, обнималысь.... Оксана усе вынытуе матиръ, чы видъ щырого сердца вона іи прощае, бо сама соби невирыть видъ радосты....

И увесь день на тимъ пройшовъ, що усе воны пестовалыся.... Стара Векла ажъ пышаче здоровиша стала, и усе до Бога, усе до Бога, щобъ и Вишъ такъ простыивъ, якъ вона простыла дочку свою.

Надъ вечиръ, бачыла Оксана, що Петро прыходывъ до хазяина и розытувавъ, що тутъ у ныхъ було, а до Веклы й не заходывъ.

Увечери, Оксана розсказала матери усе, якъ спизналася зъ копытамъ и якъ усе було, ажъ до послидиёго часу. Векла усе пылио слухала, не разъ

зплакнула, слухаочы стражданья Оксаныно, а дали сказала: — «Не було бъ сего ничего, якъ бы ты мыни попереду сказала, що полюбила копытана, и зъ якою думкою. Я бъ тебе видвела видъ него. Де такы сему статьсь, щобъ пань, та узявъ мужычку? Колы и явытца такий супостать и стане таке казаты, то се на-смихъ, на погыбель. А якъ бы ты не гордылася, та не думала щобъ буты за паномъ, а выйшла бъ за мужыка, отъ хочь и за Петра, що дуже мыни у велыкій прыгоди ставъ безъ тебе, то було бъ усе не те.... Охъ моя годынонъка лыхая!... Ну, та вже сказано, Богъ простыть!... Будемо жыты, ныначе ничего и не було; и не зпомъянемо ни чимъ. А за копытана.... нехай

я буду молытись! — Спасыби Господу, мылосердному, що тоби на розумъ по-
• славъ «уклонытыся отъ зла» що покы-
нула ессы своего урага, не подумала за-
нимъ таскатись; кинула уссе зло, прый-
шла до мене, и дытыну сохранила. Че-
резъ се ты знайша впять мое сердце.
Годи-жъ годи, не плачь вже. Зпочинъ
писля такого турбовання. Завтра прынъ-
мемось за дило, якъ и попереду бувало.

Отъ и справди, почалы жыты со-
би любенько. Векла чула якъ селомъ
осміялы іи Оксану; чула и видъ Мыко-
лы, хазяина де жыла, що не буде дер-
держаты «мандрѣхъ» якъ уси узывали
Оксану; такъ отъ вона и прызвала и
своихъ хазяинивъ и ще де кого зъ ро-
зумнишихъ людей, та й розказала имъ

про Оксаныно стражданья. Отъ уситуть и розсудыны, що се билшъ насыльство було, чимъ своя охота.

Дали та дали, хочъ де й побачутъ люде Оксану, то усе меншъ усе меншъ сміютця Оксани и усе меншъ прыкладають прыкладокъ. Бо насміялъсь, такъ вже й годи. Такъ Оксана бо свое знала. Никуды видъ матери ни на пядь, и ни зъ кимъ вже нигде не водылась и не зналась. Одна соби у хати сидыть та робыть; и матиръ зодяга и пропытуе іи, ничъ и день рукъ не поклада. Тилки ій и проходкы, що до церкви Божои, та по-воду, та куды роботу виднесты.

Якъ обжылъся трошки, тогди ставъ Петро ходыты до ныхъ помагавъ

имъ де у чимъ, и знай усе свое товко-
вавъ, щобъ Оксана пишла за него. Развѣ
слушавши его довго, що винъ ій обь
симвъ казавъ, вона просыла его, щобъ
ійшовъ зе исю. Отъ и пійшли и прый-
шли на кладбище. Отъ Оксана й каже:
— «Петре! я завсегда знала твою до-
бу душу; знала що ты чесній и ро-
зумій чоловикъ. Мыни тебе жалко бу-
ло, що ты за мною убываешся и я ско-
ришъ усихъ пишла бъ за тебе, якъ бы
не явивесь.... винъ, погубицъ мій!
Писля сего що я зъ собою зробила, я
недостойна ни тилки тебе, та й послид-
нєго личмана. Тутъ на батьковому гро-
бови, де й сама колись лежатему, зако-
пала я свою славу, що показувала тоби,
якъ ще ійшла у село, свою дивочую

косу, свою волю, до суду, до вику. Закопавши, поклялася, якъ не можно прыставыты знову моси косы, такъ не можно мыни статы достойною чесного чоловика не прынесу никому бесчестъя, не завъяжу чужого вику, не остыжу ни якои симы, не пиду ни за кого. — Петре! Ты вѣявавсь за мою матинку, якъ я згубыла було іи, ты не покинувъ іи! Ты мене, якъ я у самій великий биди була, скрізь землю пинила бъ, ты не покинувъ мене на шляху, розважавъ мене, и якъ уси на мене напали, сміяльсь зъ мене, поприкалы мыни, плёвали на мене й цуралысь мене, ты саме тогди хотивъ мене узяты, покрыты мій стыдъ и соромъ, увесты мене меjkъ чесніхъ людей..., Хто жъ такъ зробивъ

бы, якъ не сынъ мои матери, братъ мій ридный? — Петре! Будь мыни братикомъ ридненъкымъ! Не покынь мене, колы мене уси люде покынулы! Прыймы тутъ, де моя слава, де моя воля лежыть, де й я колысь лежатему, прыймы мою прысягу, що не пиду ни за тебе и ни за кого! Буду матери дочкою, якою колысь була; буду сыну матирю, покы.... покы его батько.... колы-то ще не видцураетца!....»

— Оксано! Жалко мыни тебе ришатысь, бо бачыть Богъ! — и теперь тебе такъ люблю, якъ спершу полюбивъ. Хотивъ покрыты твою славу; хотивъ показаты людямъ, що воны не-праведно осуждають; хотивъ буты батькомъ твоему сыроти, бо на.... него ни-

чого сподиватись. Колы, кажешъ, хочешъ буты дочкою якою й була, такъ у симъ дили, послухаймо матери: якъ вона скаже, такъ нехай и буде. —

Подумавши, Оксана сказала: — «Нехай буде, якъ маты скаже.» — Отъ и пішли до дому.

Маты высушала Петра, потимъ высушала и Оксану, и сказала: — Петре, велика твоя душа! Богъ тоби нехай тоби видплатить за усе, що робывъ для нась и що теперъ хочешъ робыты. Дяки нашони тоби мало! Дуже бъ я сего хотила, щобъ ще на своєму вику побачыты моєї Оксаночки славу покритою, та що-жъ робыты? Оксана правду каже: Ты молодъ чоловикъ, ты ще не знаєшъ, що можуть зробыты людьскіи речи?

Хочъ по капельци дощыкъ крапа на каминъ, а такы происть его; такъ и тутъ. Стануть говорыты, товковаты, судыты; ты сее усе чуешь; попереду тобиничого; а дали станешъ прыслушатысь, думаты, передумоваты; дали й повирышъ, и станешъ жалкуваты що уявъ таку.... зненавыдышишъ іи.... А яка іи доля тогди вже буде? — Теперь яка есть вона одыимъ-одна душою, усе перестражда, усе перетернишъ. Такъ, Петре! Правда бачу Оксанына. Будь же ій братикомъ, не покынь іи зъ сыриткою, якъ я вмру, а мыни будь такымъ, якъ я и до сего часу тебе бачу, и благословляю тебе за се.»

— Матинко ридная! — поклоныvсь ажъ у ногы Петро и каже: Прыймы жъ

мене, сыроту, у свою симью. Благословы мене якъ сына! Не цурайтесь мене и не боронить мыни зодержаты вась. Сестро! Оксано! — Уручы жъ мыни твого хлопца. Я прышьмаю его замисьцъ сына. Якъ ты прысягалася свою словою, такъ и я, отъ передъ матирю, запрысягаюсь, що не оженюсь николы. Писля мене, винъ наследиude и мою худобу. Благословы мамо! —

Всіла поблагословила ихъ усихъ и видала Мытрыка Петрови рукамы, и сказала: «Нехай же винъ буде, Мытро Завъязысвитъ, бо винъ намъ усимъ завъязавъ свитъ.»

Такъ и почалы хлопца зваты и у сельски спыскы такъ ёго запысалы.

Векла зъ дочкою не малы ии у чимъ нужды: Петро имъ помогавъ и усимъ подилявся. Сякъ-такъ зибралися купныы двиръ и жылы соби хвалочы Бога мылосердного.

Разъ, такъ вже годивъ черезъ пять, писля того якъ се діялось, убигъ у хату Мытрыкъ и кричыть до Оксаны: — «Мамо — мамо! а въ мене е биленький шажокъ. Ось-бачъ.» — И показуе грывениныкъ.

«А хто се тоби, сыну, давъ? — пыта Оксана.

— Панъ давъ. — Каже.

«Який же тамъ панъ?

— А ось який — каже вже Петро, що увійшовъ за нымъ у хату. — Коньтапъ.

Оксана такъ и поблидла и затру-
сылась.

«Та не лякайтесь , а слухайте що
було. — Казавъ Петро: — Дывлюсь, на
станціоннимъ двори , що биля мене ,
стоить брычка и ходить по двору таке
мовъ нашъ копытанъ, Я пидійшовъ
блыжче.... дывлюсь.... винъ и с. Я
подумавъ, що зъ него буде? Поклыкавъ
Мытрыка, та и ійду у хату , буцимъ до
смотрителя, а винъ мене и зопыннывъ:—
«Се твой малчыкъ?» — Каже.

— Нъту, ваше благородые! — кажу
я: — се копытанський. — Такъ прямо
ї видризавъ.

«Какъ копытанський?» — Ажъ зкрык-
нувъ, и пидійшовъ до хлопця.

— Такъ, ваше благородые! — кажу: —
Команда стояла тутъ, такъ копытани
змашивъ у насъ дивку Оксану. Такъ
она утекла вицъ него, и прynesла сего
хлончыка. —

«Такъ это её сынъ? — Да мошен-
никъ, какой бойкий!» — та узявъ его
за чубчиkъ и поскубъ легенько, та й
каже: «Такъ она такы дойшла назадъ? —
А мыни сказали, что она и зъ сыномъ
утопылась.»

— Ни, ваше благородные! — сказавъ
я: — прыйшла сюды и живеть тутъ у
велькій бидности —

«Вышъ какъ мене обманулы! —
Каже. — «О да плуть будеть малчиkъ!
Увесь у меня.»

Тутъ ще подёргавъ его то за ухо, то за чубчыкъ, а дали вышиявъ грывенышка, та ѹ давъ хлюпцеви, и каже: — «На, отдай матери, чтобъ тоби оришковъ купыла.» А самъ сивъ у брычку, и поихавъ.»

Такъ розсказовавъ Петро.

Оксана узяла грывенышкъ, звела очи до Бога, и кинула той грывенышкъ у викио, ажъ геть на вулыцю, де диты гралысь; обняла Мытрыка и гирко-гирко заплакала!

Г. Основ'яйенко.

ГОЛУБЪ.

Ой застогнавъ голубъ
У темній дубрави,
На голми сухенькій;
Ой заплакавъ тяжко
Гиркимы слюзами
Козакъ молоденький;
Ой застогнавъ голубъ
У темній дубрави,
Неначе въ неволи,
Ой заплакавъ тяжко
Козакъ молоденький
По нещасній доли.

• • • • • • •
• • • • • • •
«Ой чогожъ ты голубъ

Да такъ тяжко стогнешь?»

Козакъ попытався.

— Того, козаченьку,

Того кучерявый;

Що я спарувався,

Та иепожывъ лита

Зъ сзыю своею:

Яструбы убылы!

И дитокъ прыдбалы

Двойко малюсенькихъ,

Згодувать иевспилы;

Погынулы й дитки

За мылою швидко,

Я стогнать оставилъ.

И воля не мыла,

Нема того бильше,

Кимъ я потишався,

Сызон немае!

Луинъ зо мною стогне, —

Се моя утиха
У лютому гори,
Въ нещасній годыни —
Стогне хочь безъ лыха. —

•
«Чо гожъ ты у лиси,
Голубчыку сзыый?
Тыбъ летивъ у поле;
Ты тутъ одынъ сыдыши,
Тамъ бы на ишовъ стадо,
Можебъ прогиавъ горе.»

• . . . :
•
Що стадо поможе
Мыни бидоласи?
— Тамъ усе чужіи.
Одніяны у мене
Голубку и ридныхъ
Ворогы лыхіи.

Колы суха витка,
Котра иидо мною,
Зновъ зазеленіе;
Тогда сыза буде
Зъ риднымы до мене,
И серце зрадіе. —
Тай застогнавъ дуже,
И сплеснувъ крыламы,
Ажъ лисъ стрепенувся,
Полетивъ по пущи....
Бильшъ на тую витку
Винъ и не вернувшись.

• • • • • • •
• • • • • • •
Тогда козакъ сказавъ:
«Треба забуваты,
Котру я кохаю;
И мыни такъ буде,

Що жинку изъ дитъмы
Вмисти поховаю;
Бо я безъ худобы.
Може диткы будуть,
Хто жъ ихъ нагодуе?...»
Козакъ той у свити,
Якъ голубъ въ дубрави,
Стогне та сумуе.

B. Забъла.

Е. П. Г-Къ.

Скажи мыни правду мій добрый козаче,
Що діяты серцю, якъ серце болыть?
Якъ важко застогне, якъ гирко заплаче,
Якъ дуже безъ щастя воно защемыть?

Якъ горе, мовъ теренъ, всю душу поколе,
Колы одцуралось одъ тебе усе —
И ты, якъ сухее перекоты-поле,
Незнаешъ куды тебе витеръ несе? —

«Э ни, кажешъ мовчки, — скосывши былыну
Хочъ ранокъ и вечиръ водою полый —
Незазеленіе: кохай сыротыну,
А матери й батька небачыты ій.»

Оттакъ и на свити — хто рано почуе
Якъ серце застогне, якъ серце здыхне —
Той рано й заплаче, а доля шуткуе;
Поманыть, помашыть и геть полыне...»

А можиажъ утерпить якъ яснее сонце
Блышне и засле для мыру всіого,
И глянне до тебе въ убоге виконце? —
Ослишишъ а дывышся все на юго.

A. Чужбинскій.

ПАНЬСКЕ СЛОВО,
ВЕЛЫКЕ ДИЛО.

«Зима прыходить, треба свыты,
«А въ мене и чобить чортъ-ма!
«Ии хмызу, въ хати протопыты,
«Кожуха жъ и зо-всімъ не ма!
«От-се останыя жупанына,
«Ии носывъ ще дидъ Явтухъ.
«Якъ бы жъ було у калытнин;
«То збывся бъ може на кожухъ.
«Якъ помогты от-сій напасты?
«Чы йты куды прохать, чы красты?
«До пана? — очи заилюе;
«А може такъ, юшо ѹ побъе.
«Та де ты, скаже, вражый сыну,
«Пропывъ, пропивъ усе на сласть?

«Та вже жъ: що буде, а не згыну,
«Пиду до пана; може й дастъ.»
Такъ размовлявъ Петро Терпило,
Дѣ бъ винъ кожухъ соби прыдбавъ.
Ще тилки на двори сирило,
Вже винъ до пана прычвалавъ.
«Помылуй, напочку ридненъкій!
«Тоби я може й прыгожусь.
«Будь ласкавъ, дай хочъ поганенъкій
Кожухъ! Ось бачышъ, якъ трушусь,
«Морозъ по шкури выступае,
«Мовъ наче у петривку пить;
«Де хто и въ шленицкихъ похожае,
«А я хожу ще й безъ чобитъ.»
Панъ справди бачыть, що сердека,
Повисивъ голову свою.
А тутъ Риздво вже недалеко —
«Іди — сказавъ — кожухъ прышлю.»
Петро се чувши, поклонывся,

Бижесть до дому, ажъ стрыба . . .
де дилася ёго й журба?
Якъ можно жъ: на кожухъ винъ збывся,
Кожухъ и спаты не дае.
Винъ дума все про кожушыну,
«Ось бачышъ, Петре, вражай сыну!
«Пишовъ до пана, отъ и е.
Пройшла недиля, винъ не мае
Кожуха, панъ не прысылае.
Пройшла и друга — панъ забувсь,
Що обищавсь Петрови даты.
Тогда Петро вже зхаменувсь
«Що вже видъ пана та не ждати?
А панъ звычайно обищавъ,
Водывъ его, а все не давъ.
Петро вже ходить и сумуе;
Зъ петра жъ хто вздрить, усякъ глузуе:
«Але жъ! Казавъ май панъ: кожухъ я дамъ,

«Та й слово тепле. — Такъ бува частенько
намъ ,

Що намъ тилки обищае,
Згадай; не дастъ, та ѿе й полае.

П. Писаревскій.

СОВАКА ТА ЗЛОДІЙ.

К а з к а.

На прывязи, биля коморы,
Собака зблизя стерегла;
Бо зъ черта дуже зла була.
Вона харцызъ була на вора.
Іи хазлини шанувавъ,
А щобъ людей у день не рвала,
Всякъ день на прывязи державъ.
Отъ разъ — вже темний вечиръ бувъ;
Рябка забувши видвязаты,

Пишовъ хазлини — та й заснувъ,
А се й ковинька супостатамъ!
На двори жъ ничъ, морозъ, мете.
Що жъ дальше буде! — Якъ на те
Ось злодій до двора чваласе,
Прышовъ, комору однирае....
Собака жъ тилки скавучыть!
Вона-бъ то злодія й знынала,
Помъяла бъ трохы, подавыла,
Такъ щожъ, ланцюгъ ін держыть!
Забравши злодій все гарнецько:
Якъ вамъ сказать? — до шматка!
Занеръ комору потыхенъку,
Та ще й глузуе изъ рабка.
Рабко вже бачыть що видъ хаты
Ему пидмогы та не ма;
Сказавъ: теперь-то й глузоваты,
«Якъ въ мене волонъкы чортъ-ма!»

П. Писаревскій.

ДЯДЬКО НА ДЗВОНЫЦИ.

Излизъ мій дядько на дзвоныцу,
Та знай гука: «Отце кумедія яка!
«Вси люде на земли, мовъ ти перепелыци:
«Здається бильшый зъ ныхъ не бильше пъятака.
«Гай; гай! Якижъ вони дрибненьки!
«Такъ ось колы я ихъ, якъ треба, розыбравъ,

А мымо йдучи хтось на дядька показавъ,
Та, далеби, мене спытавъ:
Що то таке, чы щуръ, чы горобецъ маленький?»

E. Гребенка.

ПИСНЯ.

По-узъ дверъ де жыве мыла
Я проихавъ двичи;
Та не бачывъ голубоньки
Я ни разу ввичи.
Затѣхкало серце въ мене
Якъ зъ дворомъ зривнявся;
Дуже бачыться хотилось,
И кинь зопынався.
Та не рано було уже
Якъ я мымо ихавъ;
Оглядався назадъ довго,
Неначе хто клыкавъ.
Такъ я самъ соби подумавъ:
Чы-й-ты такъ скучаешь?
Колы мене вирно любышъ

То ѹ бачыть бажаешъ.
Ой якъ вирио мене любышъ,
Будемъ жыть зъ тобою
Цилый викъ, мое серденько;
Якъ рыба зъ водою! ...

B. Забыла.

Казка.

Д У В Ъ.

У одного Велыкого Пана у лиси,
рись дубъ. Та-й дубъ-же! такой гарный,
що надъ увесъ лисъ краще ёго не було
ни одного. Що-то за превысокий, що-то
за претовстый, що-то за кучерявый! —
Чы летыть яка велыка птыця по пидне-
бесью, та утомывшись мас одыхаты,
то на той дубъ сида; чы маленьки пта-
шечки хочуть сховать диточекъ одъ во-
рония, то мерцій скликають ихъ пидъ
широкий листъ того дуба; чы прыпекло
сонце чередыка зъ чередою, або зъ ва-
тагою, то винъ зъ коровамы, або зъ

овечкамы скорище пидъ той дубъ; а прохожи и стари, и мали и середови, якъ бы добратьця до того дуба; чы въ дощъ, то перестоять, мовъ пидъ стрихою, чы въ витеръ, то якъ пидъ захистомъ, чы въ сонце, то якъ у нетопленій свитлыци. Да що-то-й казать: кому-то тамъ не гараздъ було? И билочка зъ горишкомъ одъ собакъ бижыть стрилочкою до того дуба, да скорище въ дупло; и дятель зъ комашкамы; и метельки, и комашки и де-яка Божа тварь мае нужду у тому дуби, то якъ у батька ридного найде, что кому треба. Любуетця тимъ дубомъ Панъ зъ Панею и зъ диткамы; похваля ёго увесь хрещеный мырь; красуетця имъ дубрава, и сами лисычи боятьця продать его злодіямъ, а де-яки

ще зъ диткамы ходють одыхать пидъ нимъ на шовковій трави и слухать, якъ зорямы щебечутъ на ёму пташки на розни голосы.

Отъ-геть, тамъ за межею рисъ другій дубъ, хочь не такой, та все-такы просторый и великий. Тильки лиснычи тамъ булы дримакы, або такъ соби зпроста, а мабуть зъ хытрощамы. Воны далы пидъ нимъ розвестыся черви. А на що се? На те, щобъ, якъ стане одъ неи дубъ сохнуть и опадать гилля, то тутъ и имъ пожыва: гилля на топлыво, а зъ дуба буде човенъ, або корыто, а триски жинкамъ на пидпалъ. Такъ жидивски сыны й зробыны. Черва якъ розвелась пидъ дубомъ, давай пидрываютця пидъ корень. То пливочку у кореня подточить,

то тоненьки коринчики, а тамъ и кору
и товстый корень: а дубъ усе чахне,
сухне и гилля опадаютъ тимъ лисычимъ
на дрова. Остався голый дубъ!.... Да
и нехай бы тильки тамъ те й діялось, то
намъ бы й жалю не було. А то, одъ
де-яки лисови запагубывши свій дубъ,
перейшли до Пана у лисъ, де гарний
дубъ; а проклятая черва одъ сухого дуба
стала переповзать черезъ межу и до сё-
го. Догадалысь пташечки, що и имъ
буде негараздъ. Чырыкаютъ зъ рапнои
зори до пизнои: зклыкаютъ своихъ и
сторожять гуртомъ черву. Чы де яку за-
бачуть, то цапъ іи носыкомъ и розно-
сять по лису диткамъ до гніздъ; а тамъ
и э друге лито, давай робить гнізда и
на дуби: то въ дуплахъ, то подъ листомъ

на гилькахъ и все черву клюютъ да по-
слють дитямъ—и де який червякъ, хыба
ночию добою прышовзе пидъ дубъ до
кореня, да-й тихъ коровы, та овечки,
прыходючы топчутъ пидъ дерномъ.
Щожъ? — Бисова черва, плодюща!
Осталось на зиму подъ корнемъ десят-
окъ, мабуть другой, а на лито уже кы-
шыть, и на дуби сами верхни гилечки
уже стали сохнуть!.... Панъ каже ли-
совимъ: «чого се дубъ всыха?» А ти, що
перейшли одъ сухого дуба кажуть: «бачь,
Пане, якихъ багацько гнездъ на ёму за-
вельы штахи: одъ того верхъ и сохне, а
знызу овечки обглодують на кори мохъ,
а коровы и волы достають листъ.» А
того не скажуть, що штахи тоди бильшъ
и завельись, якъ черва появилась и уми-

сти зъ коровамы и овечкамы іи плюн-
друютъ. Тимъ уременемъ досталась сему
жъ Пану и та дубрава, де дубъ уже за-
сохъ. Панъ веливъ розкопать межу, а
бисова черва сему й рада: то ривъ ій
мишавъ, а то прямцемъ видтиль полиз-
ла; да все боиться птахъ и скоту. А якъ
послухавъ Панъ лисычихъ, та веливъ
спужувать зъ дуба птахъ и не пускатъ
близъко его скотину, такъ уже не тиль-
ки ничью и днемъ повзе черва до дуба
и корень точить. А дубъ? Ще нема и
осени, а листъ уже жовтіе, а де який
пада!.... Скотына бидна бачыть, що
сыплються листки, иде до дуба будто
за листомъ, а тамъ, щобъ подавыть чер-
ву пидъ дубомъ; да та бѣда: прыставлени,
щобъ не пускатъ іи до дуба, бьють по

ребрамъ кіямы и цькують собакамы.
Пташкы злетятьца, поховаютьца про-
мижъ листъ, да промиже траву добуты
червякивъ: такъ тиже сторожови затре-
щать, зашугукаютъ, засвыстять и пополо-
хаютъ. — И что зъ того дуба буде опи-
сля?.... А буде те, что Богъ дастъ!
Тильки жаль того дуба и Пану, и пташ-
камъ, и коровамъ, и овечкамъ и всему
хрещеному миру: хыба нехрысть який
не жаліе!

Д.

П Р Ы Ч Ы Н Н А.

Реве та стогие Дніпръ широкий;
Сердитый вітеръ завыва,
Додолу вербы гне высоки,
Гсрамы хвилью пидыйма.
И близдний мисяць на ту пору
Изъ хмары де де выглядавъ,
Пеначе човенъ въ сънімъ морю
То вырынавъ, то потонавъ,
Ще трети пивни не спивалы,
Нихто нигде не гомонивъ,
Сычи въ гаю переклыкалысь,
Та ясенъ разъ у разъ скрынавъ.

* * *

Въ таку добу пидъ горою,

Была того гаю,
Що чорніе надъ водою,
Щось блукае.
Може выйшла русалонька
Матери шукаты,
А може жде козаченька
Щобъ залоскотаты;
Не русалонька блукае
То дивчина ходыть:
И сама не зна (бо прычнина)
Що такее робыть.
Такъ ворожка поробыла
Щобъ меныше скучала,
Щобъ, бачъ, ходя о пивночи,
Спала й выглядала
Козаченька молодого
Що торикъ покынувъ;
Обищався вернутыся
Та мабуть и сгынувъ!

Не кытайкою покрымысь
Козацкіи очи,
Не вымылы биле личко
Слизоньки дивочи,
Орель выннявъ кари очи
На чужому поли,
Биле тило вовкы зъилы,
Така его доля.
Дарма що ничъ, дивчынонька
Его выглядает.
Не вернется чорнобривый
Та й не прывытае,
Не росплете довгу косу,
Хустку не завъяже,
Не на лижко въ домовыну
Сыротою ляже!

*
* *

Така іи доля, о Боже мій мылый

За щожъ ты караешь іи молоду?
За те что такъ щыро вона полюбила
Козацкіи очи?... просты сыроту!
Когожъ ій любыты? ии батька ии ненькы;
Одна, якъ та пташка. въ далекимъ краю!
Пошлижъ ты ій долю, вона молоденька,
Бо люди чужіи іи засміютъ.
Чы вынажъ голубка, що голуба любыть?
Чы выненъ той голубъ, що сокиль убывъ?
Сумуе, воркуе, билымъ свитомъ шудыть,
Литае, шукае, дума заблудывъ.
Щастлива голубка, высоко литае,
Полыне до Бога мылого пытать.
Когожъ сыротына кого запытае,
И хто ій роскаже и хто тее зна?
Де мылый иочуе, чы въ темному гаю,
Чы въ быстримъ Дунаю коня напува,
Чы може зъ другою, другую кохае,
Іи чорнобриву уже забува

Якъ бы то далыся орлыныи крыла
За синимъ бы моремъ мылого знайшиа;
Жывогобъ любыла, другубъ задушыла,
А до нежывого у яму бъ лягла,
Не такъ серце любить щобъ съ кимъ по-
дилыться,
Не такъ воно хоче якъ Богъ намъ дае;
Воно жыть не хоче, не хоче журьться,
Журысь каже думка жалю задае.
О Боже мій мылый така Твоя воля;
Таке іи щастя, така іи доля!

Вона все ходыть, зъ усть ни пары.
Шырокий Дніпръ не гомоныть;
Розбывши витеръ чории хмари
Лигъ билля моря одночыть,
А зъ неба мисяцъ такъ и сле;
И надъ водою и надъ гаемъ,
Кругомъ, якъ въ уси все мовчыть.

Ажъ: гулькъ зъ Дніпра повырыналы
Малыи диты сміючысь.

«Ходимо грится» закрычали,
Зыйшло вже сонце голи скризь,
Съ осоки косы (бо дивчата)

• • • • • • • • •
«Чы вси вы тута? клыче маты!
Ходимъ шукаты вечерять.

Пограемось, погуляймо,
Та писеньку заспиваймо:

Ухъ, Ухъ!

Соломъянный духъ, духъ!

Мене маты породыла,

Нехрещену положыла.

Мисяченъку!

Нашъ голубонъку!

Ходы до нась вечеряты;

У нась козакъ въ очерети,

Въ очерети, въ осоци,

Срибный перстень на руци;
Молоденъкій, чорнобровый,
Знайшли вчора у дібрovi;
Свity давше въ чистимъ поли,
Щобъ нагулятысь до воли,
Покы видьмы ще литають,
Покы пивни не сипвають,
Посвity намъ, онъ щось ходыть!
Онъ пидъ дубомъ щось тамъ робыть.
Ухъ, Ухъ!

Соломъяный духъ, духъ!
Мене маты породыла,
Нехрещену положыла.»

Зареготалысь нехрещени....
Гай обызвався, галасъ, зыкъ;
Орда мовъ риже, мовъ скажени
Летятъ до дуба.... иничичиркъ....
Схаменулись нехрещени,
Дывлятся мелькае

Щось лизе въ верхъ по стовбуру
До самого краю.
Отожъ тая дивчынонька
Що сонна блудыла;
Отаку то ій прычныу
Ворожка зробыла.
На самый верхъ нагильячи
Стала; въ серце коле,
Подывылась на вси бокы,
Та й лизе додолу.
Кругомъ дуба русалоньки
Мовчкы дожыдалы
Взяли іи сердешную
Та й залоскоталы.
Довго, довго дывовалысь
На іи уроду....
Третыи пивни кукурику—
Шелесиулы въ воду.

Защебетавъ жайворошокъ
У гору летючи;
Закувала зузуленъка
На дубу сыдачы
Защебетавъ соловейко,
Пишила луна гаемъ,
Червоніе за горою;
Плугатырь спивае;
Чорніе гай надъ водою
Де ляхы ходылы;
Засыпилы по надъ Дніпромъ
Высоки могилы;
Пишовъ шелестъ по діброви;
Шепчуть густы лозы;
А дивчына спыть надъ дубомъ
При бытій дорози;
Знать добре спыть що не чуе
Якъ куе зузуля;
Що не личыть чы довго жыть;

Знать добре заснула.

А тимъ часомъ изъ дибравы
Козакъ выизжае;
Пидъ нимъ коныкъ вороценький
Насылу. стунае
«Изнемигся товарышу!
Сегодня спочынымъ:
Близко хата де дивчина
«Ворота одчыныть.
А може вже одчыныла
«Не мни, другому,
Швыдче коню, швыдче коню
«Поспишай до дому —
Утомывся вороненъкий,
Иде, спотыкнется,
Коло серця козацкого
Якъ гадына вьется.
«Ось и дубъ той кучеравый....

«Вона! Боже мылый!
Бачь засиула выглядавши
«Моя сызокрыла!
Кынувъ коня та до неи:
Боже ты мій Боже!
Клыче іи та цилуе....
Ни вже не поможе.
За щожъ воны розлучыны
«Мене изъ тобою?
Зареготавсь, розогнався—
Та въ дубъ головою.

Идуть дивчата въ поле жаты
Та знай спивають идучы:
Якъ провожала сына маты,
Якъ бывсь татарынь у-ночи;
Идуть.... пидъ дубомъ зелененькимъ
Кинь замурдований стонить,
А биля его молоденъкій

Козакъ, та дивчына лежыть.
Цикави (нигде правды диты)
Пидкралыся шобъ излякать;
Колы подывлятся що вбытый
Съ переполоху ну втикатъ.

Збиralыся подруженьки
Слизоньки втыраютъ;
Збиralыся товарыши
Та ямы копаютъ;
Прышлы попы съ коровгамы,
Задзвенили дзвоны:
Поховалы громадою
Якъ сидѣть по закону.
Насыпалы край дорогы
Дви могилы въ жыти.
Нема кому запытаты
За що ихъ убыто?
Посадылы надъ козакомъ

Явишъ та ямыну,
А въ головахъ у дивчыны
Червону калышу.
Прылитае зузуленька
Надъ нимы куваты;
Прылитае соловейко
Що ничъ щебетаты,
Выспивуе та щебече
Покы мисляцъ зыйде,
Покы тіи русалоньки
Зъ Дніпра гритысь выйдутъ.

T. Шевченко.

* * *

Повиалы витры буйни
Та надъ синимъ моремъ,
Забылося серце мое
Передъ лютымъ горемъ.
Повиалы витры буйни
Зъ холодного краю:
Розлучылы зъ дивчыною,
Котру я кохаю.
Та не витры, люде злый,
Мыни се зробылы;
Самы мене звелы зъ нею,
Самы й розлучылы..
Пересталы витры буйни,
Всюды стало тыхо,
А у мене бидолахы

Все на серци лыхо.
Якъ лысточокъ одырваний
Зеленый весною,
Якъ травыця покошена
На зори косою,
Покы роса не обсохне,
Поты й зеленіе,
Неростыме вона бильше
Якъ сонце прыгrie;
Нескошеная травыця
Сонечка бажала,
А теперь на тее зыйде
Щобъ скорій зовъяла;
И лысточокъ одырваний
Зсохне пожовtie,
Такъ и мое серце бидне
Молодимъ змарніe;
И въ мене ценаче въ грудяхъ
Та щось одырвалось;

Не легше мыни на серци,
А ще гирше сталось

• • • • • • • •

Ой повийте витры буйни,
Застогны дубрава,
Нехай пиде на злихъ людей
Всюды худа слава.

B. Забъла.

ПАЛІЙ.

Люлька въ роти зашкварчала,
Шабля въ ножнахъ забряжчала;
Шабля ризаныну чуе,
Люлька пожари вищуе.

* * *

Сыдить дома, на покой
Непрыстало козакови:
Склычъ, козаче, склычъ дружины,
Иди, Палій, въ Ляхивицьни.

* * *

Годи, коню, въ стійли спаты,
Пидемъ Ляхивъ полякаты:
Швыдче мчы, нижъ кремнемъ збыта
Згасне искра видъ копыта....

* * *

Хто якъ стрилка изъ майдану
Выхремъ мчытся за Украину?
Яръ, лисъ, ричка, туча синя
Козакови не запына,

* * *

Хто въ трави — вривни съ травою;
Хто въ води — вривни зъ водою;
Хто у лиси — вривни зъ лисомъ,
Ниччу — перевертиемъ бисомъ?
Палій!

* * *

Ранни ѹ пивни не снивали ,
Въ Польщи замкы западали :
У пожари жыда шкварыть,
И зъ пожару люльку палыть
Палій.

Де бувъ замокъ,— попелище ;
Де цвивъ городъ, тамъ кладбыще:

Враже поле кровью мочыть,
И объ камень шаблю точить
Палій!

* *

Ще й не мрило, не свитало,
Польщи край — якъ не бувало....
У Палія на прычилку
Крыкнувъ пивень на засику
«Кукурику!»

Л. Борошковскій.

В О Л О ХЪ.

За моремъ степъ, край моря степъ,
Въ степахъ Волохъ зъ шатрамы ходить;
Крыва коса, зубатый серпъ
Волоха въ поле не выводить.

Волохъ нейде въ полки служить;
Волохъ живе — якъ набиженъ.

Шырокый степъ — его постиль;
Кругомъ стина — изъ небомъ горы;
Не жатый хлибъ; не брана силь;
Пивголый самъ и диты голи:

За тежъ Татарынъ, Нимецъ, Ляхъ,
Не грилы рукъ въ его шатрахъ.
Паны въ будынкахъ сплять безъ сна;
Купецъ моря переплывае;

Въ води шука рыбалка дна;
Мужыкъ въ судахъ поригъ змитае:
 Волохъ соби въ шатри сыдыть,
 Охоче есть и смашно спить.
Зима—коло огня въ шатрахъ;
Весна—лежыть винъ пидъ звездамы ;
А летомъ—ходыть по степахъ
Зъ ширококрылымы шатрамы:
 Безъ хлиба—сыть; безъ хаты—панъ;
 Густый туманъ—его жупанъ.

Л. Боровиковскій.

ПАРХИМОВЕ СНИДАНЬНЯ.

Не було и на усій слободи дурнишого, якъ Пархимъ Шеревертень. А ѹ слобода не мала була! Опричъ що по недилямъ зыходылъся бабы зъ слободы, та зъ блыжчыхъ хуторивъ, и прыносылы на продажъ и маслычко , и смытанку, и лечокъ, и буханицивъ, и солы товченони и усякого такого товару ; а то ще двичи на годъ булы и ярмарки у тій слободи : одна обь теплому Олексію , а друга обь першихъ Параскахъ. И чого то на тихъ ярмаркахъ не було? — Ажъ зъ самаго города прыижжавъ крамарь зъ зализнимы гвіздочкамы , кому , знаете ,

треба чоботы пидбыты. Та бувавъ и купець зъ хорошимъ товаромъ: зъ хвыгамы, та родзынкамы, и зъ сынимъ каминцемъ. А вже цыганивъ, от-тихъ коноводивъ, мошенникивъ, що обдурюють народъ, такъ и не розмынишся! Обманувъ, укравъ, обминявъ лычко на реми-нець, та й далишъ!

Такъ черезъ таки ярмарки, се вже не слобода звалася, а мистечко. И скилки тамъ ни було народу, що тамъ жылы, и на ярмарки наизжалы, не було дурнишого, якъ, я кажу, Пархима Шеревертня.

Эге! — Дурный соби, та такы оженившись, знайшовъ соби жинку. — Пожалуй; богатенький-бо бувъ; а черезъ таку благодать, дивчата не дуже дывлютца,

чи хороший, чи поганый; чи розумный чи прыдурковатый; абы у кышени повно було. Ось и тутъ такычкы. Тилки задумавъ жепытыся пашъ Пархимъ, якъ разъ и выскочыла за него дивка бойка: сама ѹ послата себе за него, сама и вессильямъ орудовала и якъ хотила, такъ и вправылась.

Вона була попереду паньмычкою у городи по купцямъ, такъ знала усякіи порядкы и свиту повыдала. А якось-то навернулася у свою слободу, бачыть, що Пархимъ зоставшысь, писля батька, самъ соби господарь, не зна ничего и невміс кинцивъ ни у чому звесты, а худобыны до гаспзыда! — Вона и пидлизла до него зъ своимы теревенямы.... а завтра вже

и рушиныки подавала, а у педиленьку и весильля видбулы!

Люде дывовалыся: «Чы не навиженна сяя Настуся, такъ іи звалы, що ійдэ прытбомъ за дурня, за Пархима Шеревертня?»—А вона соби й байдуже?—«Нехай—каже—що хочуть говорить, а я свое робытэму!»

Та й прынялася жъ добре! — Усе попрыбирава до своихъ рукъ. Мужыкови, колы дастъ-колы, добре пообидаты, то то ему и праздныкъ; а пе те, такъ частисинъко окроме сухого хлиба черезъ цилисинъкий день ничего не побачыть?

Одежа на нему абы яка, сорочка разхристана, чботы порвани, а частишъ и зовсимъ босый. Пыка не вмыта, боро-

да не голена.... и такы зъ разу можно
було бачыты, що винъ ё.

Сама жъ? — такъ иу! — Выраже-
на нынче мищанка. Свекрушины и
плахты, и очипки, и памыста одвича-
ютъ по усякъ день! — Ласо есть, на
мъякому спыть — и така выходылася,
шо — молодыця хочъ куды! А зубата
була! Вже не заидайся зъ иею нихто.
Тилки зачепы іи, такъ разомъ якъ за-
лящыть, затрыщыть, загомоныть, пере-
кореныть и батька, й матиръ и увесь-
ридъ и такихъ прыкладокъ попрыклада,
шо й не додумашся видкиля вона ус-
го набралася? И вже іи, ни за-що, не
переговорышъ. Якъ вода, бува греблю
прорвавшы, и бижыть, и шумыть, и
реве, и клекоче, такъ и Настуся, якъ зъ

кимъ зчепытця. Вже, пакъ, иедурно
стилки прожыла у городи.

Швидко стали знаты іи и произ-
жающи. И купецъ, и панычъ, и кра-
маръ, и ремесный, и школляръ, якъ ти-
ки идуть черезъ слободу, то вже неод-
минно и заидуть до Настуси. И хочъ
бы якъ ще за раньни було, что можно
бъ було верстовъ зъ десятокъ уихаты—
ни, и не кажы; зостанутця почуваты
хочъ якъ. Та умила жъ усихъ прывады-
ты до себе. Купцеви, заразъ чайнычокъ
настановыть: — а усе мала у себе. Про-
стому народу доброго борщу зъ саломъ
постановыть; панычеви молошиси каши
подастъ; стареньки паны не заизжали
до иен: заразъ скаже: «не прынъмаю ии

кого.» — Та такъ участуе усихъ, що довго згадують Настусю.

А мужыкови іи, Пархиму, то не було добра, а якъ заідуть постояльци такъ ему зовсімъ халепа! — Знай жинка посыла его по усій слободи: бижы туды, достань того, прышесы те. Набигаетця лебедаха, утомытця, засапаєтця, дума иначю відпочити. — Такъ куды жъ! — Жинка пропуриТЬ его до постояльцевихъ коней: — «и сина підкладай, и дывись щобъ безперестанно илы, и щобъ хто коней не вкравъ, калявурь и не видыходъ, видъ ныхъ; а у хату и не думай забиратись; не смій и носа показати. — То Пархимъ було и слуха жинки: ходить коло постояльцевихъ коней, и тилки чує якъ у хати

чаркы брязгать , мыски цокотять , и хазяйка съ постояльцамы щебече , та не у лайку и не у споръ . Въ ныхъ усе іайде до ладу .

А Пархимъ ходыть , та голодный , дрыжакы есть по холодній зори , не маючи у вищо и одягтысь!...

Терпивъ такы багато , сердега , видъ такон жинки !

Якъ дила нема дома , пиде , було , блукаты по селу . Вже й зналы уси , шо винъ терпить дома видъ жинки ! Хто було заклыче нагодуе его , хто й до дому налянычки , або грудку каши дастъ.... И Пархимъ де було вздрыть , шо люде чого не-будъ зійшлися , то и винъ ту-течка . Слуха соби готового , а вже своего

иепытай. Наслухався скилки ему треба, и пишовъ. И то зъ него.

Сыдючи разъ зъ людьмы быля волосного правленыя, слухавъ де чого багато, и про те, дали стали розсказуваты, якъ жинки своихъ мужыкивъ обдурюютъ. А що найпуще, якъ почне жинка вередуваты забажаочы або нового очинка, або яловычны, чы усякои ласощи; або часомъ грошей забажа. И стогне вона, и не дужа; и ни-знатъ-що говорыть, и буцимъ що ій преставляетца, и мужыка гоныть зъ очей, и лае его на уси заставки. И таку волю, черезъ вередованыя, озъме, що бидному мужыкови и пидступыты до неи не можно. Ходить, сердешный, по синямъ, руки ломыть, та вбываетца за бидною жин-

кою! — Тутъ вже й знахурка поспила.
И що-то! чого не робить, чого не діє;
и пидкуриє, и шепче, и вмыва, и злы-
зує:ничого не лехша!

Мужыкъ ажъ до нигъ до знахурки
прыпада, та просить: «Титусю! ослобо-
ни жинку видъ биды! — Цілый годъ
матирю зватему; що хочь заплачу, ти-
ки порятуй ін!

— Але! — вжебъ я нерада ій по-
могты! — каже знахурка: — Такъ щожъ
колы дано, та ще й уміочы. Се, чоло-
виче, дала твой жинци удова, що може
и ты ін знаєшъ....

— Та якже? — Знаю, знаю. Ще
вона и дивкою була, такъ було....

«Та также-такъ. — Се вона хоче

звесты твою жинку, щобъ описля самій за тебе выйты.»

— А щобъ вона не диждала! — Я вже лучше озыму Хвениу, ось-що за Терешкомъ Бульбахомъ, колы овдовіе, а іи не хочу. —

«Такъ, бачъ, не знаю чимъ и ослобоныты твою жинку!»

— Та вже чимъ хочъ, а тилки зведы іи: я кошту не пожалію. Бо якъ вмре, такъ самый похоронъ билшъ буде коштуваты, чимъ лика. —

«Такъ хыба ось-що зробимо: купы, лышень, ій, кавьяру солоного, та булочку; нехай вона поисть. А якъ писля сего захочетця ій пыты, такъ ты ій купы осьмуху пыва; нехай пъе, скілки хоче. А дали вже, щобъ не гирко було

писля пыва, такъ купы ій медянычківъ, родзынківъ, чорносльву. Нехай наідаецца добрае, покы ажъ зпотіе. Та тогди вже будемо прыслушатыся, чого вона зъ немоющи забажа, та швыдче ій и купышъ, щобъ лыхо прогнаты.»

Сердега-мужыкъ усего того накупыть; наистыця жинка, напьетця, та ѹ почне крычаты: — «Ой проби! Очипка хочу! Очипка по вышиневій земли, зъ зеленимы розводамы!... Проби такого хочу, якъ и на дачыси!...» .

— Та купуй, Охриме; купуй мерщій! — Бачъ чого лыхоманка забажала? Поставляй ій усе, а то щобъ до вечора не вмерла. —

Побигъ Охримъ, купывъ, подае жинци.... Тутъ лыхоманка, якъ поба-

чыть очипокъ, та такъ этрясне болящу, шо насылу улежыть; а дали й почне стогнаты, та охаты и ледви каже: «Колыбъ ще мыни... теперь... та пять кипъ... тобъ я и устала....!»

Туть жинка стогне, та бажа; а туть знахурка нападаетца щобъ дававъ мерщій, щобъ лыхоманка гроши побачывши, зовсимъ видійшла видъ неи. Ничего Охримови робыты! Выньма зъ кышени гроши, личыть пять кипъ, та усе жъ то повимы пъятакамы! — Кладе биля жинки.... Жинка стогнуучы берε безъ ликы.... Загарбала уси и вже и устала, и пишла поратысь, и сюды и туды.... и ще до вечера разивъ трячи зъ мужыкомъ полаялась.

От-таки-то вередлыви жинки у

бидныхъ, сердешнихъ, простихъ людей! — Добре панамъ жыты, що въ ныхъ жинкы, и не сміютъ, и не зъ-уміютъ такъ вередуваты! — У ныхъ жинкы передъ мужыкамы якъ по струночци ходють и противъ мужыковои воли, ни у чимъ ни чычыркъ!

Про таке жипоче вередуванья, слухавъ нашъ Пархимъ, та й узявъ соби на розумъ; та ійдучы до дому и каже самъ соби: «Не я жъ буду, щобъ я не зробивъ по своему! — Выстачай, жинко, катъ бывъ бы твою матиръ! — Выстачай усе! . . .»

Якъ прыйшовъ до дому, заразъ и почавъ стогнаты на усю хату и пробираєтца, щобъ-то злизты на пичь....

«А якого гаспыда ты тамъ стогнешъ? — Пыта его Настуся, дывуючысь що іи дурень, та осмияляетца безъ спросу листы на пичь.

— Але!... гаспыда!... Колы жъ я недужъ!... И у груды коле, и въ бикъ штрыка, и у спыну шпыга, и на поперекъ непиднимуся.... —

«Та що се тоби сталося?»

— Але, що!... Не знаешьъ?.... вередую. —

«Що.... що таке?....»

— Вередую, кажу тоби. Хыба не знаешьъ вередуванья? Се ваша жиноча натура на мене напала. —

«Ось я тоби дамъ!.... Ще й винъ вередуваты! — Устань кажу тоби. Колы тебе напала жиноча натура, то я озьму

мужычу натуру, та туть тебе такъ вид-
вередую, що ты й гадкы не матымешъ!»

— Я такы й то гадкы немаю, та
лежу соби, та усе вередую соби. —

«О щобъ тебе зъ твоимы выгадка-
мы! — И смихъ и лыхо зъ дурнемъ! —
Скажы-жъ мыни на мылость: чого такы
ты вередуешьъ?»

— Такъ. Вередую, та й вередую.
Ласощивъ хочу! Ой, хочу ласощивъ!....
и поты усе вередуватыму, ажъ покы
купышъ ласощивъ. —

«А рожна не хочъ? — А трясьци,
та болячки?»

— Не хочу сёго ничего. Мыни дай
ласощивъ, то я й перестану вередуваты.
А не дасы, то я и вмру, справди
вмру. —

«Та пропадай, вража лычыно! —
Колыбъ вже й давно зчезъ!»

— Такъ не пропаду бо, покы не
довередуюсь до своего! — Ой вередую! —
Ой лышечко, ласошивъ хочу!...

«Та якихъ тоби ласошивъ? — Зди-
лай мылость иекрычы; Сусиды почують
ще билшъ сміятымутця; скажуть, що
ты зовсімъ одуривъ.»

— Та й кричатему, и одурію, и
вмру тоби, покы ласошивъ не купышъ.

«Та якихъ же, кажы мерцій.
Запхну тоби пельку, щобъ не кричавъ.»

— И родзынивъ купы, и рогозу
купы, и горохвянычкивъ.... и кавьяру....
и паслёну.... и усего ласого....

«Бачъ чого навередувавъ? Се бъ то
я покинула усе, та пишла по ярмарку,

усего ему купуваты! — А дзускы не хо-
чешъ?»

— Я и дзускы, и трясьци твоен не
хочу; мыни купы тихъ ласошивъ, шо
я, вередуючи, хочу. —

«Захотилося гыри, противъ-ночи
киснычка! — От-се такъ и побижу,
якъ-гень-купци зъизжають на двиръ.
Геть, кажу тоби, зъ печи! — Вбрайся
зъ хаты. Не знаешъ, шо пры чужихъ
людяхъ тоби не можно тутъ буты.»

— Знаю я, голубочко, усе! — Ты
думаешъ, я ничего не знаю? Ни; я усе
знаю. Тымъ-то и почавъ вередуваты, шо
я де шо знаю. Отъ бачъ; и не устану,
и не пиду зъ хаты, хочъ тутъ шо
прыизжи робытымуть. Не устану, та й

не устану. Бачъ, вередую, покы дасы ласошивъ. А тамъ ще й грошей забажаю.

«Та на вже, цуръ тоби, й грошей. тилки втикай швыдче зъ хаты.» — И дала ему тры шагы, знаочы, що винъ ликивъ не зна.

— Мыни треба симъ кипъ. — Одначе узявъ гроши, перекыдувавъ ихъ у руци, перекыдувавъ; дали устас и каже: — Ну, такъ и ё! — Ухопывъ мерщій шапку, та, павтикача, зъ хаты; и пишовъ сміоучись, та думаочы соби: — «От-такъ ты жинку провчы! Тамытеметь мене довго!»

Пишовъ же нашъ Пархимъ по ярмарку и не журытца ни объ чимъ. Гроши е; теперь дума, чого бъ тилки пакупыты? Отъ и дума: — «Свыты въ

мене катъ-ма! — Не знаю, чы сынёго сукна узяты, чы хочь и сирого, та тилки доброго мыльного; та выбирайтemu довженну, та шыроку!.... Або, ось и чоботы въ мене роты порозязлялы, исты просяют; такъ може чоботы лучше? — И правда: шкапови куплю, зъ довгими халявамы, зъ пидковкамы, а дёготь такъ щобъ и тикъ!.... Цуръ дурня тоби, пане Пархиме? — (се усе самъ соби каже) Та масла грудка па прыкуску. — Чы не дурный же ты справди? — На якого Гаспыда ты будешъ траты-тись? — Одежу и чоботы нехай тоби жинка постачыть, а ты си гроши, що вывередувавъ, есы, проласуй на чимъ хочешъ, чого душа забажа! — От-ся ричъ до дила. Такъ и зроблю. Накуплю

усего що побачу, та й наимся, щобъ ажъ зъ души перло!.... Чого бъ же то накупыты?... Э, генъ сластёны; подавай ихъ сюды!....»

Отъ и пидійшовъ до сластёнищи... що за гарно дывлютця на голодного Пархима!.... и такъ и шкварчать у олійци!....

«Подавай сластёне! — гукиувъ Пархимъ на жинку, що ихъ тутъ прягла.

— А на скилки тоби треба? —
пытаєтця вона.

«Подавай уси!» — ажъ кричить вже Пархимъ, узявшиесь у бокы.

— Та тутъ, дядюшка, якъ увесь товаръ озьмешъ, такъ его буде на шистъ золотихъ. —

«Увесь, увесь беру; на гроши.» Та
й тыче ий одынъ шагъ.

— Та что се ты мыни даешь? Се
на смихъ, чы що? — Ты давай билшъ,
давай уси; сорокъ алтынъ. —

«Якъ же я дамъ уси? — От - се я
наимся, такъ и пыты захочетця. Такъ
от-се другой на збытень, а се ще, пиду
до москаля, та родзыникивъ накуплю...»

— Такъ ты, бачу, такой? — Геть
же видъ лавки, не мишай людамъ въ
мене товаръ розбираты. Сихъ грошай
трохы; або давай уси, або геть соби!...

Пиновъ сердега дашъ чупрыну
чухаочы — и каже соби:

«Урагова баба скуча! — Та дарма!
Я ий стовицивъ наимся.»

Пидійшовъ до Москаля зъ стовпця-
мы. Такъ що жъ бо? Дае москаль за
его гроши, тилки тры стовиця....

«Цуръ и ему! — Який дорогий! —
Не вмру безъ пыхъ, знайду ще чого
смашишого!....»

И пишовъ по базарю вытрышкывъ
исты! — И що-то: що вздрить те й
купывъ-бы. Та не дума одно-двоє купы-
ты; ни, давай усе! а грошей катъ-ма!
Тилки тры шагы и ё!

Ходывъ нашъ Пархимъ, ходывъ по
базарю! выбиравъ, прыщнявся, усе до-
рого; не по его грошамъ!.... Вже винъ
и гречаныки, и горохвяныки, и млыни-
ци, и буханци, и пырижки торгувавъ;
кыдався и на мочени кыслыци, и на
ягалени горихы, и на медяныки....

Такъ ураговы люде, потрошку даютъ за его гроши. Що ему зъ одного, або зъ трёхъ: ему давай усе, багато наклады ему, такъ-такъ!

Ходывъ винъ, ходывъ, ажъ остыло!.... Бачыть, жинка продае якись коринци, и усякъ хто ійде, то й купуе тихъ коринцивъ и вже кучка не вельика зостаєця....

«От-же, щобъ не впустыты товару!»
— Сказавъ Пархимъ, и пидбигъ до жинки и пыта:

«А скилки тоби, молодыще, за твій товаръ?»

— А покажы, лышень, скилки въ тебе грошай? — зпыталася молодыща.

Пархимъ вынявъ свою суму на длоню и брязка передъ молодыщю....

— Добре, дядюшка! — берить увесь товаръ. Кете гроши сюды. —

«Увесь?» — Пыта Пархимъ и самъ соби не вирить.

— Та увесь, увесь. Треба було вамъ денежку здачи даты, та пороздавала. Нехай за васъ подамъ на бидность. — Зибралась молодыця и покрылась даشه, щобъ купецъ не раздумавъ, та не прыкнувъ бы ій товару....

А Пархимъ такъ зрадивъ, шо ничего не бачыть и не чуе! Выдымо не выдымо накупнывъ ласощивъ!... Забира у полу, не влизе; позапыхувавъ за пазуху и вже останни, насылу зыбгавъ, та ужмени забравъ; а самъ усе прыговорюе: — «Не кыдай, Пархиме, ничего; не зоставляй, забирай усе : ты за си ласощи

гроши платывъ. — А ты, бисова жинко! Не диждешъ, щобъ я тоби и лызнуты давъ! — Ни; самъ поимъ усе.

Отъ и выбравъ соби мисыце, на горбыку. Зиявъ свыту, розыславъ, по зкладувавъ свій товаръ, позасукувавъ рукава и сидаочы каже: — «Ось теперъ, Пархиме Уласовычу, посидаешь соби добре! — Ижъ у волю; никто тоби не помиша.... Усе до останьёго поимъ; та такъ обренаюсь, що може, черезъ силу, и до дому дійду....»

Та зъ симъ словомъ, зхопывъ копринецъ, та.... кусь!... жуе, сердега!.... Тутъ жуе, а тутъ у нисъ такъ и шпига, и слёзы зъ очей такъ и бижать.... Жуе, жуе и не проковтне. — Дали утеръ

слезы, ставъ видыхаты, бо духъ ему захвачуе, и каже:

«Бачъ, якъ за пресучою жинкою давно вже не ласовавъ, такъ ось ласоши и у горло не іайдуть.»

Та впять стане исты; то по тры, то по четыри кориньца вже пха въ ротъ, такъ щожъ бо? — Ни жоваты ни ковтаты не можно: не іайде у горло. Се бо бувъ «хринъ»! — Дежъ его можно исты?

Лыхо нашему Пархимови! — Вже скилки винъ ни потрощывъ кориницывъ, а кучка ни трошки ни позиачылась. — Вже ажъ не змигъ съдиты, прылигъ, и за живить беретця....

Видпочыне, видпочыне, та впять за хринъ; и чубъ ему мокрый, и пыку

ажъ роздуло, губы порепались, а винъ
сыкаетца исты....

«Та ѹ до биса жъ я пакупывъ сихъ
ласонщикъ! — казавъ стогиучы, та слезы
втыраючи Пархимъ. — «Але имъ-имъ,
и кинця невыдно. А слёзы такъ и за-
зываютъ!... Ажъ очи рогомъ лизутъ!...
Охъ, лышечко!.... «Бачылы гортовы
оғи що куповалы; ижте-жъ!»....

• • • • • • • • • • • • • • • • • • •

Отъ зъ такого-то Пархимового си-
данья, пійшла межъ людей и прыго-
ворка.

Г. Основьяненко.

ХЛОПЦИ.

Учора я дывивсь якъ хлопци
Гулялы на толоци:
Здається, крамъ тамъ продававъ одынъ,
Други въ опуки, то що гралы,
То въ дучку булку заганялы,
А дали здумалы скакаты черезъ тынъ.
Хлопьыта тамъ булы и прости и письменни,
И кожный зъ ныхъ по своему скакавъ:
Одынъ летивъ якъ невиженый,
Знай вызвирывсь на тынъ, та била юго й
ставъ;
А ииший голову, мой той москаль, зздравши,
Пряменько вытягнувсь, та й скочывъ черезъ
тынъ,
Та якъ же вризався объ землю, вражий сынъ,

Колошу розыдравши.

А выборного хлончия

Такъ скаке wysoko, такъ здорово литае!

Воно мале зовсимъ, одъ чогожъ такъ
скакае?

Соби подумавъ я,

Тай прыдывляться ставъ: ажъ сее бисыни
Якъ хоче скочить, то ажъ въ землю
прысидае,

Тай прысне разомъ видтыл!

Якъ ии круты, а правды нигде диты:

Колыбъ, якъ выборного диты,

И дрѹги вмилы прысидать,

То можебъ и воны зумилы такъ скакать.

E. Гребенка.

ЗИМНІЙ ВЕЧИРЬ.

(Зъ Пушкина.)

Буря въ хмары небо крье,
Сыпле снигъ, якъ зъ рукава,
То звирюкою завые,
То застогне, якъ сова,
То солому закрутывши,
По пидъ стрихою шумыть,
То въ викио, мовъ, прыпизнывысь
Подорожній, торготыть.

* * *

Вся промолкла наша хатка,
Тыло въ хаты и темно;
Щожъ на лавци паниматка
Зажурылась пидъ викномъ?
Чы пидслушуешъ, якъ свыще,

Вые витеръ и шумыть,
Чы якъ дзыгою на дныши
Веретенечко дзыжчыть? —

* *

Выпьемъ, добра паниматко!
Иу-по-одній наливай;
Выпьемъ зъ горя: дежъ кухлятко?
Зъ веретеномъ не дримай
Заспивай «якъ маты сына
Выганаля до Орды,
Якъ до зироткии дивына
Ненци прынесла воды.»

* *

Буря въ хмары небо крые,
Сыпле снигъ, якъ зъ рукава,
То звирюкою завые,
То застогне, якъ сова.....
Выпьемъ добра паниматко,
Иу-по-одній наливай;

Выпьемъ зъ горя, дежъ кухлятко?
За почынкомъ не дримай.

Л. Боровиковскій.

МИРОШНИКЪ.

(зъ Державина.)

Изъвчора мыни дивчата
Мишокъ пшеницы прынеслы:
«Одначе розклюють циплата,
«То на, дидусю, та змелы.»

Пшеница гарная, червона,
На зерно чиста, гарна такъ,
Що де взялася хить моторна
Пустывъ на млынъ я свій витрякъ.

Всю пичь я прыязно трудывся,
Ни окомъ ис змыгнувъ, моловъ.
Пить въ тры ряды изъ мене лывся;
А ны зерна не розколовъ.

Дивки не мене тутъ зъ пеною:
«Щожъ ты ни мелешъ, ни дерешъ?»
— «Але! — сказавъ я: — вы зъ пашнею
Прыишлы, якъ каминъ не бере!...

Стенъко Шереперя.

ПАНЬКО ТА ВЕРСТВА.

Бувъ въ Липицяхъ щвецъ, — Панькомъ винъ
звався;

Мовъ зъ Пысаремъ усякъ братався
И всякъ Панька того кохавъ.
Бо жывъ въ сели соби смирненько.
Шывъ чоботы усимъ крипенько,
И, дешевенько зъ нывъ винъ бравъ.

* * *

Разъ пидошовъ въ Панька нестало,—
Та-й передивъ було щось мало,—
Бо все село винъ обшивавъ,—

Такъ сходъ товару бувъ чымалый;
Въ сели жъ хочъ бувъ, такъ все поганый,
Панько у городъ почвалавъ.

* * *

Видъ Линцивъ городъ неблызенько,
Панько вморывся чымаленько,
Такъ сивъ ницъ верству видыхать;
Сыдивъ винъ довго сумувавши
Дали схопивсь мовъ що згадавши,
Почавъ верстви тій такъ казать:

* * *

«Отъ скилки въ городъ нечваляю,
«А все тебе я тутъ стричаю,
«Ни кашли зъ мисяца незійша! . . .
«Та хочъ бы жъ трохи ворохнулась,
«Хочъ бы изъ мисця издвыгнулась,
«И въ городъ трохи подійша! . . .

* * *

«Бо тутъ на холоди трясешися,
«Бо тутъ на сонци ты печешися,
«И кыснешъ тута пидъ дощемъ;
«Въ башкы прохожимъ зазыраешъ,
«И видъ шудьги соби куняешьъ,
«Стоишъ сердешна все стовбцемъ.

* *

«Ну годи жъ тутъ тоби сторчаты,
«Пора у городъ поспишаты
«Пора у піого зазырнуть!....
«Пора вже йты туды, небого,
«Куда лежыть отца дорога,
«Куда и я, и вси идутъ. . .»

* *

Верства Панькови видвичала:
«Ты говорывъ, а я мовчала,
«Теперь послухай вже мене!
«Та слухай Паньку не кунявшы,

«И замичай все незивавшы
«Теперь скажу щось для тебе!....

* *

«Мене уткиулы тутъ небогу,
«Щобъ я казала всимъ дорогу,
«Хто скильки выхавъ и пройшовъ;
«Та-й скильки треба мандруваты,
«Щобъ що у городи узяты:
«Чы брыль кому, чы пидошовъ.

* *

«Но хочъ усимъ я произжалымъ,
«И всимъ по шляху прохожалымъ,
«Дорогу въ городъ и кажу,—
«Сама жъ стою, та все куняю,
«Иты у городъ небажаю,
«Та и николы нехожу.»

* *

«Такыхъ въ сели у насъ бацацько!»
Сказавъ Панько ій скорохвацько,—

«Що учуть нась,—а самы сплять;
«Що намъ велять, добро робыты,
«Мовлявъ туды й сюды ходыты,
«Самы жъ по хатахъ все сыдлать!

П. Кореницкій.

НА ПУЩАНЬЯ ЯКЪ ЗАВЪЯЗАНО.

Диждалыся пущаньня на пистъ.
Хома й каже жинци: «Гляды-жъ, Кулыно! Нагодуй мене такъ, щобъ черезъ цилисинъкій пистъ не захотилося мыни исты.»

— «Та добрежъ, добре. Ижъ тилки на здоровья, а то прыдбала усего.» — Сказала Кулына и постановыла передъ нымъ макотерть вареныкивъ, та повинисинъку мыску млынцивъ. Учыстывъ Хома якъ разъ, маслычкомъ полываочы, та у смытану обмокуюочы.

Зибрала Кулына same черипъя, и постановыла обидаты. Борщъ зъ сулою

мудрый, смытанкою засмаженый ; каша тоби пшоняна, такъ и плава у маслычку; локшина у молоци ; галушечки на лячкахъ, та тежъ зъ молокомъ; тараня у маслычу напряжена; та молошинои каши пив-макитры ; тилки и усего. Ажъ повыскромажувавъ усе сердешниій Хома, та на потуху пивъ-глека молока , та й сивъ, и дрима.

Ще не гараздъ и прочуявшъ, вже й полуднуваты пора. Тутъ и вродылася каша до молока ; гречаныкы гарячи до маслычка; упсыавъ ихъ Хома самотужкы ажъ зо-тры, та добравъ пятирко рыбокъ тарани у масли шварчачыхъ.

«Що-жъ? Недалеко вже до вечера. Будемо пидвечиркуваты.» Такъ сказавъ Хома, ледви духъ переводючи.

Мысочку млынцивъ, та буханцивъ зо-два у смытанку обмокуючи, отъ чоловикови ѹ буде. «Нехай — каже — ще повечеряю чого не-будъ.»

Упорався Хома и зъ вечерею: доволикъ усе, що постановила жинка, и борщику, и каши, и рыбки, и млынцивъ и буханцивъ; а дали тырыть и вареныкивъ макитру. Якъ кулакы, плавають у масли. Сопе Хома, дотрошуе ихъ, та вже спочываючи. Росперезався, сылкуєтца.... отъ-отъ и дно выдко, та бачить що лыхо, отъ здыхнувшы и каже:

«Що се, жинко, зо мною сталося? —
Що-сь недоимъ.»

— «Охъ мыни лыхо! — Чы не зъ очей?» —

«Ни! — ледви промовывъ, тяжко
дыхаючи, сердешний Хома : — «Бачу,
на пущаньня якъ завъязано!»

Г. Основьяненко.

В А Й К Ы.

. . . . Quis rides?

Мол Байка

Ни бійка, ни лайка:

Нехай никто на себе не прыймае,

А всякъ на усь соби мотае —

Хто усы мае....

==

M e t e l y k ɔ.

Загрузъ зъ воламы визъ. Втомувшияся волы

Въ багни ляглы,

Втомувши ѹ мужыка небога.

На вози сидючи, Метелыкъ розсудывъ,

Що винъ зъ сиопамы визъ въ болоти загру-

зывъ —

Изиявся ѹ пөлетивъ , сказавши : «идьте зъ
Богомъ!»

Ликарь та Здоровъя.

Разъ Ликарь въ городъ одиравмъвсь
И на поли зъ здоровъямъ постричавсь:
«Видкиль ты?»—Зъ города.—«Куды?»—Въ село
служыты:
Мыци зъ тобою вдвохъ не жыты.

Дядъко ѹ Дядына.

Мій Дядъко деколы мене побье ѹ полас —
Та ѹ суне въ руку медяныкъ
(Я до того ѹ прывыкъ!);
А Дядына моя—цилуючы кусае!

К л ы м ь.

Спыталы Клыма разъ: яка найлучча птыця:
Чы чыжъ, чы соловей, чы читка, чы сыныца?

Голодный Клымъ озвавсь, баса:
«Найлучча итыця — ковбаса.»

*Голодній, бачъ, куми
Хлібъ на уми.*

C y c i d c t v o.

Зійшла на поли коноплыша,
Одна, въ степу, якъ сыротына.
А округы порисъ будякъ,
Свыриша й коровьякъ:
Бадылля вкоренылось,
И коноплышну — заглушыло.

Миръ, голодъ и війна — то страшни людоиды;
А ще страшниши — эли сусиды.

Грыцькова жинка.

Грыцько въ могылу жинку провожавъ,
И плачучы Паламаря прохавъ —

Щобъ тыхо мавъ дзвоныты:
Щобъ жинкы, Боже крый, упъять нерозбудыты!
Мабуть Грыцько хотивъ безъ горя жыты!

Москаль и Мотря.

Москаль у Мотри гуску вкравъ,
Сховавъ пидъ полу—й драла давъ!
А Мотря, зуздрившы, кричыть прытъмомъ:
«Москалю!

Оттакъ!

Взявъ гуску-та-й бижышъ! — виддай же, бо
нааю!»

Москаль виддавъ, сказавши Мотри такъ:
«А разви гуска-ста? — я, право-ста, неизнаю! —
На, тетка, не сердись: — я думалъ, што гусакъ.»

Бачь: гуску вкравъ
Ще й выйшовъ правъ!

Клымъ пьянъ.

Клымъ, пьянъ лиз землю, зъ шинка ишовъ
въ витрякъ,

Та ставъ на улицы и ключъ держыть въ ру-
кахъ;

А кумъ, побачывши, озвався такъ до Клымса:

«Иди въ витрякъ—витрякъ передъ очима
А Клымъ ему: «Тривай — млыны до мене
йдуть —

Пидійде мій — ось ключъ — зумію виддым-
кинуть!»

«Свій домъ — своя воля.»

Хомыха чоловика была

(Не на лыхо жъ Хому Хомыха вчыла!):

Хома постиль

Видъ жинки заховавсь — пидъ пиль
И въ три погибели звернувшись, трусывся

И плакавъ и просывся....

Хомыха зъ рогачемъ прыникалась: «вылазь!

Вылазь, лычнио зла!»... Хома въ куточку
бгавсь

И плачуучы озвавсь:

«Не вылизу! — тоби я потураты годи! —

Я господынъ въ свой господи!»

Rичка ѹ Mоре,

На Ричку Море разъ гнивылось и ревло,

Що Ричка берегы водою розбовтала;

А Ричка Морю такъ сказала:

«Якъ бы не мы, Рички, — тыбъ Моремъ не
було.»

Левъ Боровиковскій,

**ДВА ОТРЫВКА ИЗЪ ОПЕРЫ
МОСКАЛЬ ЧАРИВНЫКЪ.**

1.

(изъ явленія седьмаго)

Солдатъ.

Эхъ, кабы теперь подала хозяйка лавреничковъ. Этихъ знаешь треугольничковъ.

Мытхайло.

Лавреничковъ! Якый то у васъ москаливъ языкъ лубяный! скильки межъ намы вештастесъ, а ѹдоси не вымовыши вареникивъ.

Солдатъ.

Ну варениковъ; да что ты чупрунь объ москаляхъ такъ плохо думаешь. Да

я какъ захочу то по хахлатски буду говорить не хуже тебя.

Мыхайло.

(повагомъ) Дыво! може и заспивасшъ по нашому? —

Солдатъ.

А почему жъ и нѣтъ; слушай въ оба.

Мыхайло.

Слухаю, слухаю. Прислухайся и ты Тетяно.

Солдатъ. (співа)

Ой былъ да нѣма, да поѣхалъ на мѣлницу
Бѣдна моя головушка, одна дома осталась.

Дѣвчина моя Переяславка

Дай ми ѿ поужинать моя ласточка

Охъ я бѣдняжка яжъ не топила

За водою какъ пошла віодры побила.

А до одной пришовши, пѣчку развалила

За то меня родимая чуть чуть не ушибла.

(Михайло и Тетяна регочутся солдатъ на нихъ глядя тожь смиется а да ли каже.)

Солдатъ.

Что жъ вы смеетесь? развѣ худо спѣлъ.

Михайло и Тетяна (разомъ).

Гарно, гарно ничего сказаты.

Михайло.

Утавъ до гаплыківъ (сміется).

Тетяна.

Ажъ пальци знаты.

Михайло.

Де ты такъ вывчывся? се дыковыпа! не можно й розпизнаты; такы зовсимъ по нашему (сміется).

Солдатъ.

Да спойка ты хозяинъ, хоть одну Русскую пѣсню. — Ну спой! Э братъ сталъ! —

Михайло.

Вашу! а яку може соколыка, або ку-
кушечку; може лапушку, або кумошку;
може рукавычку, або пидпоясочку? уби-
райся съ своими писнями! правду ска-
зать есть що й перейматы — жинко!
заспивай же ты по своему ту писню,
що москалъ спивавъ (салдату) сядь та
послухай, якъ вона спива.

Тетяна.

Добре чоловиче заспиваю.

Ой бувъ та нема, та поихавъ до млина.
Бидна моя головонька, що я дома не була! 2

* *

Дивчино моя тыжъ моя й маты
Довгожъ миши мое сердце безъ тебе скучаты? 2

* *

Дивчино моя Переяславко

Дай мыни вечеряты моя ластивко! 2

* *

Яжъ ли топыла яжъ ли варыла

По воду пышла, видра побыла 2

* *

А до дому прышла, ничь розвалыла

За те мене моя мати троха не побыла. 2

* *

Михайло.

А що? яково?

2.

(изъ явленія одиннадцатаго)

Михайло.

Що уже моя Тетяна, то чернобрыва,
кохана.

Съ того часу якъ женывсь

Я николы не журывсь.

Ой чукъ Тетяна
Чорнобрыва кохана.

За Тетлину сто кипъ давъ,
Бо Тетлану сподобавъ.

Ой чукъ Тетяна и проч.
За марусю пъятака,
Бо маруся не така.

Ой чукъ Тетяна и проч.
Я веселый и здоровъ
Одъ Тетлинынихъ бровъ.

Ой чукъ Тетяна и проч.
Якъ Тетяна засміется
Въ души радость отдаєтся.

Ой чукъ Тетяно и проч.

Солдатъ.

Ай хозяинъ! да ты братъ хватъ?

Тетяна.

А ты думавъ що у мене человикъ
абы який, не байсь, себе не выдасть.

Будь у мене мужычокъ съ кулачокъ
А таки я мужыкова жинка.

Я за іого захылюсь, захылюсь,
Та ии кого не боюсь, не боюсь 2.
Ой до мене губерецъ пидсыпавсь
И любови добывавсь, добывавсь,

Я губерця любыты не стала,
Іого трясьця напала, напала 2.
Молодыце чія ты? чія ты?
Пусты мене до хаты, до хаты;

Пиды къ чорту убирайсь, убрайсь
Коло воритъ немотайсь, немотайсь.
Михайло.

Воно такъ, вашечи проше сучка
санчата замчала, у насъ реминьця за
лычко не выминяешь.

I. Котляревский.

НА ВИЧНУ ПАМЯТЬ КОТЛАРЕВСКОМУ.

Сонце гріє, витеръ віе
Съ поля на долыну,
Надъ водою гне зъ вербою
Червону калыну;
На калыни одышоке
Гніздечко гойдае.
А дежъ дився соловейко?
Неныхтай, незнае.
Згадай лыхо той байдуже,
Мынулось пропало;
Згадай добре — серце въяне
Чому неосталось.
Отожъ гляну тай згадаю,
Було, якъ смеркае,
Зашебече на калыни,

Ни хто ни мынае;
Чы богатый, кого доля,
Якъ маты дытыну
Убирае, доглядае,
Не мене калыну;
Чы сырота, що до свита
Мусыть уставаты,
Опыныться, послухае,
Мовъ батько та маты
Роспытують, размовляютъ,
Сердце бьется любо,
И свитъ божый якъ великъ-день,
И люде якъ люде!
Чы дивчына що мылого
Щоденъ выглядас
Вянне, сохне сыротою,
Де дитысь незнае,
Пиде на шляхъ подывиться,
Поплакаты въ лозы,

Защебече соловейко,
Сохнуть дрибни слезы,
Послухае, усмихнется,
Пиде темнымъ гаемъ....
Нибы зъ мыльимъ розмовляла.

А винъ знай спивае

Та дрибно, та ривно, якъ Бога благае
Покы выйде злодій на шляхъ погулять
Зъ ножемъ у халави—пиде луна гаемъ
Пиде та замовкине—на що щебетать?
Запеклуу душу злодія неспыныть
Тильки стратыть голось добру не навчыть;
Нехай винъ лютуе покы самъ загыне
Покы безголовья воронъ прокрычыть
Засне долына, на калыни
И соловейко задрима.
Повіе витеръ по долыни,
Пишла дибровою луна,
Луна гулле, божа мова,

Встануть сердеги праціовать;
Пійдуть коровы на дібровы;
Выйдуть дивчата воду братъ,
Выгляне сонце. Рай та й годи!
Верба сміється,—свято скризь!
Злодій заплаче, дарма що злодій,
Такъ було першъ; теперъ дывысь.

Сонце гріє, витеръ віє
Съ поля на долину;
Надъ водою гне зъ вербою
Червону калыну;
На калыни одыноке
Гніздечко гойдае.
А де дився соловейко
Не пытай, незнае.

Недавно, недавно у нась въ України
Старий Котляревский отакъ щебетавъ;
Замовкъ неборака, сыротами кинувъ
И горы и море де перше вытавъ

Де ватагу пройдышвита
Водывъ за собою,
Все осталось, все сумуе,
Якъ руины Трои;
Все сумуе тильки слава
Сонцемъ засілла;
Не вмре кобзарь бо на-вики
Его прывитала.
Будешъ батьку пануваты
Покы живуть люде,
Покы сонце зъ неба сле
Тебе не забудуть.

Праведная душа, прыймыжъ мою мову
Не мудру та щыру прыймы прывитай
Некынъ сыротою, якъ кынувъ дибровы,
Прымыны до мене хочь на одно слово,
Та про Украину мыни заспивай.
Нехай усмихнется душа на чужбыни
Хочь разъ усмихнется.—Дывлючысь якъ ты

Всю славу козацьку за словомъ едынымъ
Перенись въ убогу хату сыроты.
Прымынь сзызый орле — бо я одынокый
Сырота на свиты въ чужому краю;
Дывлюся на море широке, глыбоке,
Поплывъ бы на той бикъ човна ии даютъ!
Згадаю Энея, згадаю родину,
Згадаю, заплачу якъ тая дытына;
А хвали на той бикъ идуть, та ревуть,
А може я й темный ничего не бачу,
Може моя доля на тимъ боци плаче,
Бо сыроту всюды люди осміютъ;
Нехай бы сміялъсь, та тамъ море грае,
Тамъ мисяцъ, тамъ сонце яснийше сія,
И зъ витромъ могыла въ степу размовляе,
Тамъ не одынокий зъ нею бувъ бы я.
Праведная душе, прыймы мою мову
Не мудру та піру, прыймы прывитай
Не кинь сыротою якъ кынувъ дібровы

Прылни до мене хочъ на одно слово,
Та про Украину мыни заспивай.

Тече вода въ сине море
Та ни вытикае,
Шука казакъ свою долю,
А доли немае.
Пишовъ козакъ свить за очи;
Грае сине море,
Грае серце козацкее,
А думка говорыть :
«Куды ты йдешь не спытавшись ?
На кого покынувъ
Батька, неньку старенькую,
Молоду дивчыну?
На чужыни не ти люде
Тажко зъ нымы жыты!
Нискимъ буде поплакаты,
Ни поговорыты,
Сыдить козакъ на тимъ боци;

Грае сине море,
Думавъ доля застринется,
Спиткалося горе!
А журавли летять соби
Додому ключамы!
Плаче козакъ, шляхи быти
Зарослы тернамы.

T. Шевченко.

ПРОЩАННЯ.

Прощай весела сторона!
Ябъ не покинувъ Украины:
Твоя пахучая весна,
Твои квитчастыи долины
Твои веселии небеса,
Твои луги, твои лисы,
Твои густы, червони лозы,

Пидъ темный вечиръ соловей,
Усе краса.... Чогожъ зъ очей
Гарячи покотылысь слезы?

Ни! серденько повне якоись печали
Ты гарна мовъ ридна моя сторона,
И писни твои мыни въ душу запалы,
У серци звынить отъ тихъ писень луна!
Такъ тильки жъ пизнавъ я на сій Украини
Чого ще не зновъ у своїй сторони,
Скризъ пусто, скризъ пусто на свити мыни,
Якъ въ чистому поли самотній былъни.

Чого жъ я плачу? Геть печаль!

Чого жъ сумую? Годи! буде!

Мыни ни кого тутъ ни жаль,

Небраталысь зо мною люде...

Мене ни хто тутъ ни кохавъ

Якъ ридный братъ қохае брата,

Ни кто незнавъ, не шанувавъ,

Тай хтобъ пожалувавъ солдата?

Далеко десь моя семья!

А тутъ усими неридный я...

Усяке цурается... охъ на чужбыни

Неистся и хлиба святого шматокъ!

И хлибъ подадуть той не якъ сыротыни

А кынуть мовъ часомъ собаці кистокъ.

Колыжъ ты сердега недужый застогнешъ

И пыты попросыши, ии брате не жды:

Уже ты видъ себе усихъ порозгонышъ,

Хочъ тильки попросыши и кухлыкъ воды.

Теперь же я запевно бачу

Чого такъ дуже гирко плачу,

Чого сумую, що мыни

У сїй веселій сторони

Зъ печалью душу одружыло.

Недобрый краю зновъ прощай!...

Ни! покыдаочы сей край,

Ще серденько чогось заныло....

Мовъ сышяя стричка Донецъ пидъ горою

Кругъ юго лисы та шыроки лугы,
Мовъ кылымъ шовковый здаются весною
У квіткахъ пахучихъ юго берегы,
А тамъ зеленіе гора за пискамы,
Черезъ гору стежечка геть простяглась,
Пишла по байракахъ, ярамы, степамы,
И въ двиръ ажъ до паньскихъ будынокъ якъ
разъ....

За тіі будынки ховается сонце,
Далеко ихъ тинь полягла по луци;
И дивчина гарна стоить край виконьця,
И перстень ажъ сле на билій руци.

А. Чужбинский.

НАРОДНИ ПОСЛОВЫЦІ.

Загубылась дытыша у ярмарку: бигае, рыдае, ридион матери шукае! А народъ дытыны пытае: яка жъ твоя, галочко маты? — А дытына кризъ-слёзы й каже: «мовъ вы й пезнаете?—найкраща видъ усихъ!—вона мене голубыла й годувала, и въ недиленьку билу сорочечку надягала...»

Моя маты — Малороссія: вона мене голубыла й годувала, и на все добре наставляла. Якъ щира дытыша, я іи слухавъ — и по-викъ не забуду, що вона мыни говорила, якъ на все-добре вчыла — якъ зъ людьмы жыты, якъ на свити

добре робыты.... Послухайте, мыряне,
хочь соту долю, що вона мыни—маты
ридній дытыни—казала:

1.

Абы булы побрязкачи
То будуть и послухачи.

2.

Абы мыни мисяцъ свитывъ; а звезды я
й кулакомъ побью.

3.

Абы не лежачого Татары взялы!

4.

Або ты, тату, иди по дрова,
А я буду дома;
Або жъ я буду дома.
А ты иди по дрова.

5.

Багато панивъ — а на греблю я никому.

6.

Безъ хазлина — ѹ товаръ плаче.

7.

Богъ не безъ мылосты, а козакъ не безъ счастя.

8.

Брехио увесь свитъ прійдешъ — та назадъ не вернешся.

9.

Видъ Москали (злого) — полы врижъ,
та втирай!

10.

Гости первого дня — золото;

Другого — срибло;

А третёго — мидъ

Хочь додому идъ!

11.

Добувсь — якъ Шведъ пидъ Полтавою.

12.

Е въ глеку молоко — та голова не влизе!

13.

Жывы ни шатко, ни валко, ни на
сторону.

14.

Заставъ дурного Богу молыця — то
вииъ и лобъ пробье.

15.

Зъ брехни не мрутъ —
Та виры былышъ ие-ймутъ.

16.

Зъ дужымъ — не борись;
А зъ богатымъ — не судись.

17.

Зъ ледачого вовка — хоть шерсты клокъ.

18.

Зъ чужого воза — посередъ калюжи вста-
нешьъ.

19.

Казавъ панъ:

Кожухъ дамъ—

Та й слово ёго тепле.

20.

Колыбъ знаття, де впаду—то бъ и соломки пидмостывъ.

21.

Колы не ковалъ,

То й рукъ (молотка) непоганъ.

22.

Кому-кому, а куцому-зась!

23.

Кому чарка, кому дви;

Кому нема й одныи.

24.

Куля мыне; а матерыне слово не мыне.

25.

Ледачому жывотови—и пирогы вадять

26.

Лучче свое—латане,
А нижъ чуже—хапане.

27.

Лыхо Лытвына нападе, якъ не дзѣкнс.

28.

Людей слухай—та й свій розумъ май.

29.

Москаль зна—та ще пытаецца.

30.

На чужый коровай
Очей не порывай,
Та соби дбай

31.

На чымъ вози сыдыши;
Того й волю волы.

32.

Не Богъ на смерть веде,
Самъ чоловикъ идзе.

55.

Не виры
То звиры:

Хочь не вкусыть — то злякае.

54.

Не все те ѹ переймать, що на води
плыве.

55.

Не въ тимъ сына,
Що кобыла сыва;
А якъ вона везе?

56.

Не дурий той вовкъ, що въ нусту
кошару заглядае!

57.

Не жалій ухиала бо пидкову згубышъ.

58.

Не ила душа часныку — не буде ѹ во-
ніяты:

59.

Не море топыть — калюжа.

40.

Не на-довго старый женытца,

41.

Не на те козакъ бъе,

Що е;

А на те — що буде.

42.

Не той дужий, що поборовъ; а той, що
вывернувся.

43.

Николы съ панамы

Не мирлійсь рукамы:

Бо якъ довги — видрижутъ;

А коротки — вытягнутъ.

44.

Нихто не знае — чый чобшть мулыть.

45.

Оженысь—

Та й зажурысь

46.

Паны скубутця,—а въ мужыкинъ чубы
болятъ!

47.

Пидъ лежачый каминъ и вода не тече.

48.

Писял шкоды—и Лахъ мудрый.

49.

Покирне телятко дви маткы ссе; а злес
ни однои.

50.

Покы сонце зійде—роса очи выисть.

51.

Половина свита скаче;

А половина—плаче.

52.

Поможы, Боже иежонатому; а жонатому
й жинка поможе.

53.

По·неволи Пани
Ходить у жунани—
Бо свытки исма

54.

Попередъ невода не ловы рыбы.

55.

Поставъ хату зъ лободы—
Та въ чужую не веды.

56.

Пошли дуриого,
А за нымъ другого

57.

Рада бъ мама
За пана,
Такъ панъ не берε.

58.

Свыни не до порослять,
Колы свиню смалютъ.

59.

Симъ рикъ маку не родило—та голоду
не було.

60.

Скачы, враже,
Якъ панъ каже.

61.

Сова хочь спыть—та курей бачыть,

62.

Старый виль борозны не поргтыть.

63.

Сто бабъ — сто немочей.

64.

Товаръ у вози
А надія у Бози.

65.

Тогда деры лубъя — якъ дерутца

66.

Тогда сыроти Великдень — якъ сорочка
била.

67.

Треба жыть
Якъ набижишь.

68.

Тыха вода гребли рве.

69.

У лиси вовкы выють; а на печи страши-
но.

70.

Хатвёго злодія не встережешся.

71.

Хочь блызъко
Та слизъко;

Хочь далеко
Та легко.

72.

Хочь варыла — не варыла,
Абы гараздъ говорыла

73.

Хочь въ орди
Та въ добри.

74.

Хочь погано баба танцюе — та довго.

75.

Хочь пыка въ крови — та наша взяла!

76.

Хочетца — лкъ голому на-улыцю.

77.

Хто дба
Той ма.

78.

Хто не слуха тата,
Той послуха ката.

79.

Хто про-ющ; а винъ про Налывайка.

80.

Чужа хата
Гирше ката.

81.

Языкъ до Киева доведе—и до кыл.

82.

Якъ е старе (старше) въ хати—
То бывъ бы,
А якъ нема—
Купывъ бы,—
Та ингде!

==

На сей разъ—буде ; выбачайте. Колысь
я вамъ землякамъ , сколько въ мене е—вси
передамъ. А теперь , щобъ съ сею книжкою
не скучалы—можебъ лку загадку прочитали?

З А Г А Д К Ы.

1.

Плыве щука
Зъ Кременчука:
Куды гляне—
Трава вьяне.

2.

Лежыть гася
Простяглася,
Якъ устане—
То и неба достане

5.

Шыло — мотовыло
Понидъ небесамы ходыло,
По-Нимецкы говорыло;
По-Турецкы закыдало.

4.

Била ришка — чорне насиння.

5.

Повна пичь паляныць,
Посередынц — кнышъ.

6.

Крыкнула утка
На мори чутка:
Збиглыся дитки
Не одили матки.

7.

Стоить стриля
Середъ двора;

А въ тій стрили
Симъ-согъ и дви.

8.

Ходыть квочки
Коло килочка,
Та все: квокъ! квокъ!

9.

Лежыть колода
Середъ болота,
Та ще й не зогныла

10.

Летивъ горобецъ
Черезъ хливецъ,
Та въ-гору хуръ, хуръ!

11.

Крыкнувъ виль
На сто гирь,
На тысячу городивъ,

12.

У Кыеви дрова рублють,
А на увесь мыръ триски летять

13.

Лысый виль кризъ ворота дывытца.

14.

Костянъ, деревъяниъ,
Черезъ гору свыни гнавъ.

15.

Крутъ—верть—
Пидъ черепочкомъ смерть.

16.

Що въ хати есть не тесане?

17.

Биглы два псы,
Позадыралы носы.

18.

Межъ трёма дубамы
Завязло телл зубамы.

19.

За лисомъ, за пролисомъ шнуръ плаття
висыть.

20.

Жовта курыця
Пидъ тыномъ кублыция.

21.

Чориеньке, маленьке,
Увесь свитъ провидало
Въ Царя обидало.

22.

Чориеньке , маленьке—хочь яку колоду
то поверне.

23.

Одно каже: свитай, Боже!
Друго каже: не-дай, Боже!
А трете каже: мыни все одинаково!

24.

Сире сукио
Лизе въ викио.

25.

Чорне сукио
Лизе въ викио.

26.

Прыйшоъ хтось
Та взявъ щось:
Бигъ бы я за нымъ—
Та не знаю: за кимъ?

27.

Ии виконъ, ии дверей,
Повна церква людей.

28.

За лисомъ; за промисомъ червона дижка
сходыть.

29.

Стоить дидъ надъ водою,
Колывае бородою.

50.

Чориеньке
Маленьке
Кризъ тынъ кышечки тягне.

В И Д Г А Д К Ы.

1. Коса.
2. Дорога.
5. Ластивка.
4. Бумага та слова.
5. Звезды та мысль.

6. Дзвинъ, паражвіяне, церковъ.
7. Макивка.
8. Ветушка.
9. Языкъ.
10. Дымъ изъ верха.
11. Гримъ.
12. Дзвинъ и луна его.
13. Мислиць.
14. Гребинець.
15. Завертка.
16. Павутына.
17. Сани (полозья).
18. Сокыра.
19. Зубы.
20. Морква.
21. Перець.
22. Блоха.
23. Викно—Двери—Сволокъ.
24. Ранокъ.

25. Ничъ.
26. Огонь.
27. Огурокъ.
28. Сонце.
29. Очеретъ.
30. Голка — полотно — ныткы.

Л. Боровиковскій.

НАРОДНИ МАЛОРОССІЙСКИ ПІСНІ.

1.

Ой зійди зійди ясний мисяцю,
Высоко надъ горою!
Ой выйди выйди сердце дивчино, } 2 раз.
Поговорымъ съ тобою!

Ой якъ же буду серденько мое,
До тебе выходыты?
Насъ люде знаютъ та-й-осуждаютъ, } 2 р.
Щобъ тебе не любыты!

Нехай же судять, нехай говорють,
Хочь по всіому свиту;
Яжъ тебе люблю и любытыму, } 2 раз.
Охъ мій маковий цвиту!

Тыжъ мене любывъ,
Тыжъ мене кохавъ,
Якъ ядерце въ гориси;
Теперь поихавъ, мене покынувъ,
Якъ горобоинку въ стриси!

Ой куды идешъ, куды поидешъ
Та мій милый видъ мене?
Недаленько, мое серденько, }
За тры мыли видъ тебе. } 2 раз.

2.

Ой маты маты старая
На щожъ ты мене карала,
За пьяныченъку давала ?
А пьяныченъко усе пье,
Прыайде до дому мене бье.
А ты донецъко умыкай
Та въ виконечко утикай

Чортъ югожъ матицко утече,
Винъ мене піймае за плече,
А въ мене плече гаряче;
Винъ соби рученьки попече,
Такы мыни головоньку натовче.

5.

Та вжежъ мы-й-понедили
Світонька не выдалы;
Пидемо, поскачемо,
Світонька побачымо,
А ты старосто не сиды
Насъ танцюваты поведы,
А якъ не встанешъ—пидведемо;
Мыжъ тебе до сорома доведемо.

4.

И жывъ не любыла,
И вмеръ не тужыла,

Тоди трошки потужыла
Якъ на лавци положыла,
Якъ у яму опустыла
То и журба вся видиала,
Засынала, законала ,
Ниженькамы прытоитала.
Ниженькамы тупъ-тупъ:
Лежы старый тутъ-тутъ.
А я молоденька
Гуляты раденька.

5.

Та вжежъ третій вечиръ,
Якъ я дивчину бачывъ,
Що казала выйду
Та теперъ не выходить.
Выйды, выйды дивично!
Выйды порадонько ты моя! } 2 раз.

Ой! рада бъ же выйты я,
Та неволонька моя,
Не пускае мене маты
Тимъ, що я молода;
Не пускае гуляты
Зъ тобою серденько стояты.

Та съдыть дивчынонька,
Та съдыть край виконца,
Шые хустыноньку
Та ѹ-немовыть ни словца.
Промовъ, промовъ словечко
Якъ мы любылыся двоечко;
Промовъ, промовъ хочь двое
Якъ мы любылысь обос.

Та колыбъ же намъ съ тобою
Та на рушинычуку статы;
Не розлучыть отецъ
И ни ридиал маты

Не размучить родына,
Колы судылась дружына;
Не разлучить ридниша,
Колы найшлася вирниша.

6.

Ой! на вулыци
Метелыца струже;
Ой видчышай друже ,
Бо·йду пъяна дуже
Ой видчышай, видчышай
Та свой коханци;
Ой лкъ пишила изъ вечора
Та иду у·раинци!

7.

И вчора пыла,
И сiогодня пью;

Прыйду до дому
Чоловика побью.
А въ мене чоловикъ
Дай Боже іому викъ
Вечеряты наварывъ,
Та и мене розбудывъ:
Та встань жинко перелсливко,
Покуштуй борщу моя ластивко !
Колыжъ ты наварывъ,
То и ижъ же тыхो,
Якъ устану покуштую,
Буде тоби лыхо!

8.

Даешъ мене.—Мій батеньку
И самъ бачышъ;
Та не раздъ—не два
Ты за мною, та заплачешъ.

Якъ вышеньки, черешеньки,
Та цвистымуть,
Якъ дивочки, та виночки,
Та пмыстымуть;
Мымо Твои вориточка
Та нестымуть,
Та не будуть та до хаты
Прывертаты,
Та не будуть викопечка
Видсуваты — та не будуть
Галочки выклыкаты.

Зыбраны С. Шереперею.

1.

Летивъ орель понадъ моремъ та й ставъ
голосыты.

Ой якъ мыни убогому багату любыты. 2.

Не тамъ щастя бачь бувае де багати людо;
Поберимось по любови той щастя намъ буде.

Ой ты доле несчастная яка ты зрадлива;
Дала на часъ спизнатыся, теперь розлучыла.

Дай же мини годыноньку нехай я мылую
Стысиу щыро за рученьку, хочь разъ поцилу.

А стыснувиши волю дамъ я серденьку мылому
Гирко плакать, одъижжавши нескажу никому.

Будь здорова дивчынонько пора одъижжаты,
Пора мини мое серце тебе покыдаты.

Коню сывый служы щыро та й не спотыкайся,
А найшвыдче до мылон зо мною вертайся.

Изъ за горы сонце заходить, за другую зайде,
А хто кого вирно любить, то и всюды найде.

2.

Ой волы мои да половыи
Чомъ вы не орете?

Ой лита мои да молодыи
Чогожъ вы марно йдете?

Ой колыбъ же мы та запряжени
Мы бъ оралы, не стоялы;
Ой колыбъ же мы роскоши малы
Мы бъ марно непропалы,

Оралы волы, оралы,
Никому поганяты

Ой прошли мои лита молоди,
Конемъ не нагнаты.

Отдала мене моя матинька,
Отдала, заручыла;
Якъ зеленую коноплышиночку
Въ озери намочыла.

Ой колы моя коноплышиночка
Въ тымъ озери зыйде;
Тогда до мене моя доненька
Въ гостыночкы прыйде.

Ой не бый мене матинко
Николы ии за що,
Побыла мене лыха година,
Превелыке ледашо.

Ой не бый мене моя матинько!
Товстою палюгою,
Побыла мене лыхал година
И зъ симъ пьяньюгою.

Ой не бый мене мол матинько!

Не робы каличенъкы

Завъяжы очи, темнои ночи,

Та веды до риченъкы.

Завъяжы въ рядно та пусты надно;

Якъ я буду потопаты,

Тлжко та важко мол матинько

Роскоши забуваты.

Колыбъ такъ тоби якъ теперь мыни

Бидонъка докучыла;

Ты бъ коня добувъ, до мене прыбувъ

Щобъ же я не скучыла.

Колыбъ такъ тоби якъ теперь мыни

Дивчыни небози;

Тобъ ты поихавъ та не барывся

У великий дорози.

Ой на волыки та налыгачи,

На коныченъкы пута.

Колыбъ не ты, сердце дивчино,
Не бувъ бы я тута.

На волыкы воловидыкы
На коныченькы узды;
Колыбъ не ты сердце дивчино,
То не знавъ бы я нужды.

Ой на волыкы та налыгачи
На коныченькы вижкы;
Колыбъ не ты сердце дивчино
Не ходывъ бы я пишки.

Весильна.

Ходыть гарбузъ по городу,
Пытается своего роду:
Ой чы жыви, чы здорови
Вси родычи гарбузови?

Обызвалась жовта дыня:
Ой я твоя господыня.
Обызвалысь огурочки:
А мы твои сыны й дочки.

УКРАИНСКА МЕЛОДІЯ.

«Ни мамо, неможна нелюба любыть;
Нешастная доля изъ нелюбомъ жыть.
Охъ тяжко, охъ важко, зъ нимъ ричь размо-
вляты.

Хай лучче я буду весь викъ дивоваты!»

— Хыбажъ ты не бачышъ яка я стара?
Мыни въ домовину лягаты пора.
Якъ очи закрыва що буде зъ тобою?
Останешся дою одна, сыротою!

А въ свити якее жытье сыроти?
И горе и нужду терпитешъ ты.

Я дочку пустывиши, мовлявъ, напоталу,
Стогнать пидъ землею якъ горлыця стану.

«О мамо! голубко, не плачь, не рыдай,
Готуй рушныки и хустки вышивай.
Нехай за нелюбомъ я щастья утрачу;
Ты будешь весела, одна я заплачу!»

Генъ тамъ, на могыли, хрестъ Божий стоить,
Пидъ нимъ рано й вечоръ матуся квилыть:
«О Боже мій мылый! Що я наробыла!
Дочку, якъ схотила, изъ свита згубыла!»

E. Гребенка.

Р О З С Т А В А Н Н Я.

(эъ писень.)

Ой кряче воронъ, негодоньку чуе:
Щось Козакови серденько вищуе.
Козакъ сидла коня вороного,
Винъ хоче ихать до краю чужого,
Хоче на иоли пошукаты доли:
Козацька охота — гирше неволи.
Роду й худобы не жаль Козакови,
Та жаль дивчыны ему молодои.

Зиронька ясна за мисляцемъ сходыть:
Козакъ изъ двора коныка выводыть;
Козакъ на кони вороному грае;
Дивчына выйшла, Козака пытае:

«Серце-Козаче, якъ рано рушаешъ,—
Куды такъ рано зъ двору вынужжаешъ?
Чы идешъ въ поле сонечко стричаты,
Чы тугу зъ серца въ стену розсынаты?»

Козакъ.

Зирко-дивчино! Треба намъ разстаться....
Серденьку, скучно, душно дома житы, —
Иду по стену тугоньку разбыты;
Буду я въ мори коня напуваты,
Буду край моря доленъкы шукаты.

Дивчина.

Мисяцю ясный! — не идь ты далеко:
Щось мое бъетця серденько не легко;
Кинь пидъ тобою вороний сумуе —
Кинь вороненъкый недоленъку чуе.

Козакъ.

Дивчино-душко! — Серденько не знае,
Де Козакова доленъка гуляе;

Кинь вороненъкъй того зажурывся,
Шо ще сёгодня воды не напывся....

Диогина.

Свижый Барвинку! Хто жъ тоби безъ мене
Билу на поли постильку постеле?
Кому, въ чужбыни, ты промовышъ слово?
Съ кимъ ты подымыши вирну розмову?

Козакъ.

Крыхто Марусю! билую постелью
Снигъ, заверюха у поли постелють;
Сердемъ сыритецкимъ, щырими словами
Буду балакать эъ буйими витрамы.

Диогина.

Голубе сзый, Козаченьку любый!
Хто жъ тебе въ поли къ серцю прыголубыть?
Хто тебе вкрые зъ-вечора легенько,
Хто тебе збудыть до свита раненько?

Козакъ.

Яръ мижъ горамы мене прыголубыть;
Густы туманы звечора прыкрытоуь;
Пуша надъ яромъ зъ витрамы розбудыть,
Рания въ поли роса лычко змые.

Лиегына.

Серце-Козаче! въ далекій краини
Тыжъ незабудешъ объ свой дивчыни?
Словомъ, хочь ридко, риднымъ видзывайся..
Та гирше всего—до дому не гайся!

Козакъ.

Буду я письма слёзамы пысаты,
Буду витрамы письма прысылаты....
Де Козакови — де въ свити не буты, —
Якъ тебе, серце, якъ тебе забуты?! —
Мыни згадають, темненъкои ночи,
Дви ясни зирки — твои кари очи;
Серцю згадають, мылони любовы,

Въ ворона крыма — твои чории бровы;
Румъяни щокы — кущъ въ лози калыны;
Сосна въ дуброви — станочокъ дивчыны...

Дивчына.

Серця жъ, Козаче, не давай никому, —
Та швыдче, мылый, вертайся до-дому!

Козакъ.

Тоди я буду до-дому вертаться,
Якъ буде щука съ голубомъ кохаться;
Якъ Дніпръ нашъ буде Сыне море пыты
Та буде хвилью назусиять котыты....
Треба вириненько Дніпрови служыты
Прыйдетца въ поли головку зложыты!...

Дивчына.

Хто жъ тоби въ поли очыщи закрые;
Хто биле тило до гробу обмые?
Хто просыпивае надъ тиломъ, Козаче,
Выкона яму, — якъ ридне заплаче?

Козакъ.

Крыламы воронъ очици закрые;
Дошъ изъ витрамы биле тило змые ;
Кинь вирный яму выбье копытамы;
Дыки завыютъ звири коло ямы;
На-мисто дзвонивъ—ворония закряче ;
Била на поли береза заплаче.»

Кинь полетивъ—на витри грыва мае;
У ворить стоя, дивчина рыдае.

Въ раннимъ тумани Козаченько скрывся;
Въ дивкы рукавчыкъ слизмы измочывся.
Блудыть, литае Козаченько въ поли:
Козацька охота — гирше неволи.

Въ три-годы витерь ворона заносить;
Воронъ дивчии кисточку прыносить.
Тожъ тая кистка—Козака мылюго:
Вже три годы—дивка выйшла за другого.

Л. Боровиковскій.

ДО КОНЯ.

Дрыжыть серце якъ лыстъ и шумыть голова;
Дежъ ты коню? ты витру мій буйный?
И бумага—не степь, и перо—не трава;
Озовыся товарышъ розгульный!

За-оржи, стрепенясь, и до мене прымчысь,
Бражчучы стременамы стальнымы!
Глянь на мене, мій вирий, о, глянь, подывысь,
Плачу,—бачыши слёзамы лкимы?

Выносы ты мене зъ отцихъ душныхъ тиснинъ.
Зъ отціого наваженнаго пылу;
Зъ сёго торгу людей, изъ муроныхъ стинь
Выносы мене швыдче мій мылый!
Туды, въ степъ, де юга якъ та хмара иде,
Де послidня былынка у Бога цвите.—

H. Мартовицкій.

ЦЫГАНЪ.

(урывокъ зъ казкы)

Бувъ соби колысь який-сь-то Цыганъ; та такой же то прегиркий пьяныця, шо й не прыведы Господы! чы е у ёго яка копійчына, такъ и несе іш у шынекъ, чы яка жупанына — винъ іш туды-жъ пре! А жинка зъ дитымы, голи й боси, пропадають безъ хлиба; танцюютъ танцюютъ халянды, пишовши у Воронижъ * (бо воны стоялы шатромъ быля Воронежа), такъ що-жъ бо? народъ не

[*] Мистечко Воронежъ у Черниговскій Губернії, въ Глуховскому уѣзди.

дуже заглядуетца на ихъ танци, бо вже
воны никому не въ-дывовыижу. А батько,
я-жъ кажу, волочытца по шынкамъ, та
пье, та гайнус, та бьетца павкулачки зъ
мужыкамы. Побьють ёму усю пыку, по-
нидставляютъ окуляры, порозрываютъ
на нёму одежду, знакостятъ ни-на-шо чо-
ловика; отъ тогда вже винъ и тягне до
господы, та й лежыть пидъ шатромъ,
якъ той кабанъ у бермози, покы ёму
одлыгне тамъ трохы на серци. Такый-
то вдався соби навыженный Цыганъ!

Отакъ разъ пизно ишовъ винъ зъ
шынку до дому. Чы йшовъ винъ, чы
рачки лизъ, сёго вамъ не скажу, бо вже
давно смерклось; чуты тилько було, що
дуже кректавъ и зпотыкавсь; дали впавъ,
здыхнувъ разивъ зо два та й захрипъ

на усе поле. На той часъ довелось ихаты тимъ шляхомъ якому-сь панови; ажъ ось-кони хвыть на-бикъ, ажъ трохи воза ему не перекинулы. «Стій! що тамъ таке?» Роздивылысь, ажъ п'яный Цыганъ. «Узять ёго зъ собою», каже панъ свому поганяйлови. Узять такъ и взять: зъ папськимъ, кажуть, своего языка не ривияй: колы довгый, то прыкорочтаютъ; колы короткий, то вытягнутъ. Маштальяръ злизъ зъ воза, розштовхавъ пидъ боки Цыгана та й пидвивъ до воза. «Куды оце ты мене цупышъ?» пытаєцца у ёго Цыганъ. «Лизъ, кажустъ тобъ на възъ». «На визъ? ну, се ще не велика бида!» каже Цыганъ; сивъ соби любенько коло пана та й захрипъ зновъ на усе поле.

Прокинувшись на другой день, Цыганъ якъ глянувъ, такъ и зомливъ: «Де оце я? куды се я забравсь? Чы ни въ шынку? такъ пить же бо: у шынку викна не таки та й стольцивъ немае. Ну, не-дай-Боже та хто застане мене у сихъ будынкахъ, адже-жъ на мыни й волосся не zostавлютъ: скажутъ, что я прышовъ красты! Отъ же колы прышло на мою голову лыхо!»

Тильки що се сказавъ, ажъ-ось двери рымъ и увийшовъ який-сь сынекапитаныкъ. «Добродію! каже до его Цыганъ: колы я сюды зайшовъ красты, або чого другого, то отъ чорна земля, щобъ я ище почорнивъ! щобъ мыни и руки й ноги повсыхалы! щобъ я заразъ сказывъся! щобъ свиту Божого не побачывъ,

колы я знаю, де я и що, и куды оце
зайшовъ!»

«Що се вы пане? каже доброй;
чого се вы такъ божытесь?»

«Який же я панъ? я не панъ, а
Цыганъ!»

«Господь зъ вамы, пане! що оце
вамъ прыснылось? Чы вы-жъ такы на
Цыгана походылы?»

Що за мара така? думае Цыганъ.
«Чоловиче добрый! годи тоби глузовать:
выведы тильки мене изъ сихъ хать,
такъ я твого й панства не хочу, та
знайды мыни мій брыль та свытку.»

«Та що бо оце вы мыни кажете,
пане? Якъ бы я посмивъ надъ вами
глузовать? Нате лышень одягайтесь, та
ось прынесу вамъ чаю.»

Що за дыво? думае Цыганъ; справди вниъ до мене такъ говорить якъ до пана. Надину вже, такъ и буть, сей жупанъ: що буде, то буде!»

Ажъ-ось несуть ему чаю — винъ пье, даютъ люльку — винъ и люльку тягне, даютъ поросятыны — пить винъ и поросятыну; а потимъ зновъ чаю, а потимъ зновъ кивбасъ та поросятыны, такъ що ажъ живить ему обдуло! На другой день, ще винъ не прочышавсь, а тутъ ему уже й несуть чаю, горилки, вареныкивъ, кивбасъ, сала, такъ що ему уже и въ пельку непотовицьлось. Отъ Цыганъ бачить, що вси ему кланяютця у поясъ та знай величають паномъ, переставъ боятись и давай орудувать посвому: «Горилки! музыку!» гукинувъ

винъ на прыслужныкивъ, и заразъ вро-
дышась горилка й музыка. Цыганъ дмух-
нувъ разомъ зъ кварту, покректавъ, за-
кусывъ, та такъ повеселивъ, що ажъ
пидскочивъ. «А нуте горлыци!» Музыки
загулы, а Цыганъ, такъ и пишовъ
кружка по малёваному помосту. «А що-жъ
вы не танцуете, вражи диты!» гукнувъ
винъ на людей; танцуйте, пыйте, ижте:
я не жалую ничего!» Отъ и народъ да-
вай выступать по одному та по двое, и
пиднялы такой гвалтъ, якъ на весиль-
ли. А Цыганъ-же-то выскакуе та высипи-
вые навпереймы; крычить, гогоче, частуе
народъ и самъ пье, такъ що перестани
ему нема: знай тильки погукуе:

«Гей грай, колы граешъ,
Колы чории бровы маешъ!»

Вже й вечиръ, а Цыганъ гвалтуе,
а Цыганъ коить лыху годину. Да вже
якъ зусимъ осмеркло, винъ змигся та й
внавъ якъ синий пьяный на помистъ.
Отъ тоди панъ звеливъ зновъ одвесты
его та й положить на дорози. Такъ и
зробыны. Хропе Цыганъ неборакъ на
усе поле, ажъ воронъця жахаетця на бе-
резахъ. Вже й свитъ, а винъ спыть; вже
люде й жать идуть, а винъ почывае,
якъ писля макивки. Отъ и стали его
будыты: «Вакуло! уставай! уставай!»

«Пайдить вы соби къ дыяволу! за-
гукавъ до пыхъ Вакула: чаю, бисови-
диты!»

«Тю, павысноголовый! тю! га! дур-
ный!» и пишлы реготатысь та тюкаты
на бидчого Вакулу.

Цыганъ подивився, и бачить, що
се вже щось не повчорашию. «А де-жъ
музыки?» зпытаў винъ.

«Яки музыки?»

«Якъ яки? Аже-жъ я вашъ панъ!»

«Тю! навижений! що се тоби пры-
снылосъ?»

Оторопивъ мій Цыганъ, разставывъ
ногы и вырячывъ на народъ очи. Може
й справди се мыши прыснылосъ, думас
винъ, та й не ставъ никому росказувать,
щобъ ще бильше зъ его не глузовалы
та не прыложили ему якого имення.

П. Кулишъ.

ГЛАВА I.

ЗЪ ПОЭМЫ ГАЙДАМАКЫ. (*)

В. И. Григоровичу на память 22 Апрѣля 1838.

Яремо! Герш-ту! хамивъ сыну!
Пиды кобылу прыведы,
Подай натынки господыни,
Та прынесы мыни воды;
Выметы хату, виесы дрова,
Посыпъ иидыкамъ, гусямъ дай,

Порадувавъ нась торикъ Шевченко кобзаремъ, а теперь зновъ напысавъ поэму *Гайдамакы*. Гарна штука, дуже гарна, така смашна, мовлясь, якъ у спасиску та у жаркий день писля обида гарный кавунъ! — И исы и ще хочетца — и чытаешь и не одмрвешся. Отце вамъ для прыміру зъ вені перва глава. А тамъ дальше усе лучше й лучше. Штука я вамъ скажу! Е. Гребенка.

Пиды до лёху, до коровы;
Та швыдче хаме! Постривай!
Пидешъ упоравышъ въ Вильшану,
Имости треба, небарысь!
Пишовъ Ярема, похыльвсь.
Оттакъ уранци жыдъ поганый
Надъ козакомъ коверзувавъ;
Ярема гиувся бо незнавъ—
Незнавъ спромаха що вырослы крыла—
Що неба достаине колы полетыть,
Не зневъ—нагынавъ... О Боже мій мылый!
Тяжко жыть на свити... а хочетця жыть!
Хочетця дывытыця якъ сонечко сле,
Хочетця послухать якъ море заграе,
Якъ пташка щебече, байракъ томоныть,
Або чориобрыва въ гаю заспивае;
О Боже мій мылый! Якъ весело жыть!
Сырота Ярема, сырота убогий,
Ии сестры ии брата никого нема,

Попыхачъ жыдывскій, вырисъ у порогу,
А не клыне долю, людей не займа;
Тай за що ихъ лаять? хыба воны знаютъ
Кого треба гладыть, кого катувать?
Нехай бенкетують... У ихъ доля дбае,
А сыроти треба самому прыдбать;
Траплаетца часомъ тыхенько заплаче
Тай то не одтого що серце болыть;
Що не будь згадае, або що побачыть,
Тай знову до ираци; оттакъ треба жить.
Нащо батько, маты, высоки палаты,
Колы нема серця зъ серцемъ розмовлять!
Сырота Ярема, сырота багатый,
Бо е съ кимъ заплакать, е съ кимъ заспиватъ.

Есть каріі очи
Якъ зироньки сяють;
Били рученята
Мліютъ, обнимаютъ,
Есть серце едине,

Серденько дивоче,
Що плаче, смієця,
Якъ винъ того хоче.

Оттакый то мій Ярема,
Сирота багатый,
Такимъ и я колысь бувъ....
Мынуло дивчата!
Минулося, розійшлося,
И сиду нестало...
Серце мое якъ згадаю
Чому неосталось?

Чому не осталось чому не выдало?
Легше було бъ слёзы, журбу выливать.
Люде одыбрали бо имъ було мало,
На що ему доля, треба закопать;
Винъ и такъ багатый, багатый на латы,
Та на дрибни слёзи, бодай не втырать
Доле моя доле! де тебе шукать?
Верныся до мене до моей хаты,

Або хотъ прысныся, не хочетца спатъ!
Выбачайте люде добри
Може недоладу,
Та прокляте лыхо, злы дни,
Кому незавадять;
Може ще разъ зостринемось
Покы шканьдаю
За Яремою посвitu,
А може й не знаю.
Лыхо люде, всюды лыхо!
Нигде прыгорнутца.
Куды, каже, хылыть доля,
Туды й треба гнутца.
Гнутца мовчкы, усмихатца,
Щобъ люде не знали
Што на серци заховано,
Щобъ не прывитали ;
Бо ихъ ласка нехай снытца
Тому въ кого доля,

А сыроти щобъ не снылась,
Не снылась николы!
Тяжко иудно рассказувать,
А мовчать невмію:
Вылывайся жъ слово, слезы....
Сонечко не гріє,
Невысушить, подиллюся
Моими слёзами,
Та не зъ братомъ, не зъ сестрою,
Зъ нимими стинами,
На чужыни—а покы що
До корчмы вернуся,
Що тамъ робытца: жыдуга
Дрыжыть изогнувшись
Надъ каганцемъ, личыть гроши,
Коло лижка клятый;
А на лижку.... охъ ажъ душио:
Били рученята
Розкыдала, розкрылася,

Якъ квіточка въ гаю
Червоніе, а пазухы....
Пазухы немае,
Розырвана; мабуть душио
На перышни спаты,
Одинокій, молоденькій,
Нискімъ розмовляты!
Одна шепче.... Несказанио
Гарна не-хрешена!
Отто дочка, а то батько
Чортова кышеня.
Стара Хайна лежыть доли
Въ перышнахъ поганихъ.
Дежъ Ярема? Взявши торбу
Потягъ у Вильшану.

T. Шевченко.

ДО ЗОВАЧЕННЯ.

Отъ слава тоби Господы и конецъ книжци! Чытайте іи панове добродійство колы уподобаете, а ни, такъ мовчить; и безъ васъ мене вылаютъ собаки, не за книжку, ни, воны книжкы не поймуть, а за те що я чоловикъ; така у ихъ поведенція. На вульци де я жыву чортивъ тыскъ, мовлявъ, тієи собачни, тилки выйдешъ зъ хаты заразъ изъ запрычилка на тебе: гавъ! гавъ! а тамъ съ пидъ воригъ, а тамъ зъ за коморы та усе гавъ та гавъ! Оттака стане голова! Махнешъ рукою та й пидешъ далишъ. Часомъ у рукахъ и ципокъ е, можебъ

де котру заидльвишу зачепывъ бы чы по морди, чы по боку, звисно якъ бы тамъ прышлось краще, такъ не таки! Муштровани бодай ихъ; гавкають у захысти, а очей не покажутъ!... Далеби!

Хотивъ было я вамъ панове, пустыть свою книжку зимою, та якъ однись у друкарнию, якъ стали москали друкарювать, такъ я вамъ кажу и смихъ и горе! Чы вы повирыте що надъ однимъ листыкомъ та буються тыждень або й билше. Ты напышешъ гилля, а винъ выдрукорюе гильмъ; это стало быть, каже, красивѣй. «Та мовчи будь ласкавъ москалю та робы те що тоби кажуть, за що гроши берешъ». Отъ винъ якъ почус гроши, заразъ и схаменется. Щожъ?

трохы зъ годомъ зновъ уже перевертуе по своему!... Бывсь, бывсь я зъ ними, а тутъ уже й на весну повернуло, швидко и теплого Олексія.... У васъ, земляки, уже геть тепло, якъ де, то часомъ, и вербы роспукуються, швидко и ластовки прилетять, троха чы не разомъ зъ моею книжкою, отъ одъ того я іи и назвавъ Ластовкою. Нехай летить до васъ, нехай соби щебече по хуторямъ, писля зимы и іи весело слухать!... Полюбите же земляки нашу Ластивочку, чытайте іи швидче, бо не забаромъ може прылетять соловьи, тогда хто стане слушать Ластовку! —

Прощайте панове! Дай вамъ Господъ мылосердный усякого щастя: колы хто

не жопатый — добру жинку, та ще й не сердыту; колы у кого у кишени не благополушно — повинисиньку шапку грошей; колы хто охочный по судамъ тягаться — задырлывого сусида. А усимъ вамъ щобъ добрे пылось и илось, щобъ у вашихъ садахъ было що году багацько и сливъ и вышень и терну, за для разнихъ нальвокъ, щобъ степы ваши багато родылы жыта и пшеници и всякои, якъ той казавъ, пашници, щобъ вышиныци давалы вамъ изъ кожного пуда видро пиннои горилки, щобъ ваши кони добре куповалы ремонтырицы; щобъ ваша шерсть дорого платылась по ярмаркамъ, а сахаръ щобъ бувъ дешевшый, щобъ.... та усёго и до завтрёго

не переговорыши! А тутъ николы. Прощавайте землякы! може и я швыдко до васъ навидаюсь. До зобаченья! —

E. Гребенка.

Конецъ.

О ГЛАВЛЕНИЕ.

Проза.

	стран.
Такъ соби до земляківъ. Е. Гребенка.....	1.
Сердешна Оксана. Г. Основьяненко.....	32.
Казка Дубъ. Д.....	223.
Пархимове снданыя. Г. Основьяненко.....	251.
На пущаныя якъ завъязано. Г. Основьяненко....	289.
Цыганъ (урывокъ зъ казки.) П. Кунинъ.....	362.
До зобаченья. Е. Гребенка.....	378.

Вири.

Чорноморець. Л. Боровиковскій.....	22.
Витре буйный. Т. Шевченко.....	25.
Вывидка. Л. Боровиковскій.....	26.
Голубъ. В. Забѣла.....	208.
Е. П. Г-къ. А. Чужбинскій.....	215.
Панське слово, велике дило. П. Писаревскій.....	215.
Собака та злодій. П. Писаревскій.....	218.
Дядько на дзвоныци. Е. Гребенка.....	220.
Писня. В. Забѣла.....	221.
Прычина. Т. Шевченко.....	230.
***. В. Забѣла.....	245.

	стран.
Палій. Л. Боровиковский.....	246.
Волохъ. Л. Боровиковский.....	249.
Хлопщи. Е. Гребенка.....	279.
Зимній вечиръ. (Зъ Пушкина.) Л. Боровиковский.	281.
Мирошнико. (Зъ Державина.) Стецько Шереперя.	283.
Панько та верства. И. Кореницкий.....	284.
Байки. Л. Боровиковский.....	293.
Два одрывка изъ Оперы Москаль Чаривныкъ. И. Котляревский	299.
На вічну пам'ять Котляревському. Т. Шевченко..	506.
Прощання. А. Чужбинський.....	513.
Народні пословиці. Л. Боровиковский.....	513.
Загадки. Л. Боровиковский.....	551.
Народні Малоросійські писні. Зыбраці С Шере- перею.....	540.
Летиць орель понадъ моремъ.....	318.
Ой волы мои да половыи.....	549.
Веселына писня.....	552.
Украинска Мелодія. Е. Гребенка.....	553.
Розставання. (Зъ Писенъ.) Л. Боровиковский.....	555.
До коли. И. Мартовицкий.....	561.
Глаава I. Изъ Поэмъ Гайдамакы. В. И. Григоро- вичу па память 22 Апреля 1859 Т. Шевченко..	571.

60 117/8

60 47/2

